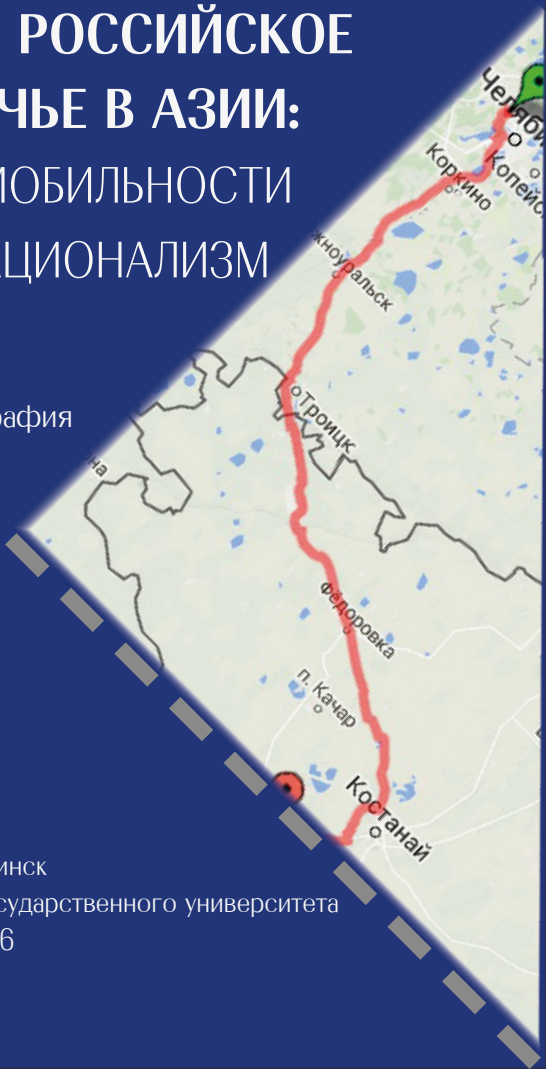
Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Челябинский государственный университет»

А. А. Авдашкин, Е. И. Салганова

МИГРАЦИЯ И РОССИЙСКОЕ ПРИГРАНИЧЬЕ В АЗИИ: ПРАКТИКИ МОБИЛЬНОСТИ И ТРАНСНАЦИОНАЛИЗМ

Монография

Челябинск
Издательство Челябинского государственного университета
2026

УДК 314.15
ББК С723.5
А186

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

А. В. Антошин, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Уральского федерального университета

Т. Б. Смирнова, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского, руководитель отдела национальных культур и историко-культурного наследия Сибирского филиала Института Наследия

Авдашкин, А. А.

А186 Миграция и российское приграничье в Азии: практики мобильности и транснационализм : монография / А. А. Авдашкин, Е. И. Салганова. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2026. — 202 с. URL: https://publish.csu.ru/electron/

ISBN 978-5-7271-2160-3

Монография посвящена миграции в российско-казахстанском приграничье после распада СССР, влиянию приграничья на практики мобильности, идентичность и транснациональные связи. На основе архивных документов, материалов переписи населения, интервью и массового опроса авторы раскрывают основные этапы вынужденной и трудовой миграции. Издание может быть полезно представителям органов государственной власти приграничных регионов для совершенствования миграционной политики, а также ученым и специалистам, исследующим миграцию.

Исследование подготовлено при финансовой поддержке гранта РНФ (№ 25-28-01152) «Миграция и российский фронтир в Азии: практики мобильности, транснационализм и вызовы устойчивому развитию», https://rscf.ru/project/25-28-01152/

УДК 314.15
ББК С723.5

ISBN 978-5-7271-2160-3

© Авдашкин А. А., Салганова Е. И., 2026
© Челябинский государственный университет, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 4

Раздел 1
Миграции в приграничье России и Казахстана 15

Раздел 2
Коре сарам на Южном Урале: общественные объединения и транснациональные связи 59

Раздел 3
Транснациональные практики мигрантов из Центральной Азии: денежные переводы и их освоение 90

Раздел 4
Трансграничная кооперация территорий российско-казахстанского приграничья (на примере Челябинской и Костанайской областей) в оптике общественного мнения 124

Заключение 178

Список источников и литературы 185

ВВЕДЕНИЕ

Научной проблемой, на которой фокусирует внимание коллектив, является комплексное влияние приграничья на практики мобильности акторов по обе стороны границы, их идентичность, транснациональные связи и, наконец, на характер и векторы этнодемографического и социально-экономического развития российского приграничья на российско-казахстанском участке. Актуальность проблемы обусловлена тем, что трансграничное взаимодействие и применение специальных методов его исследования для получения объективной картины происходящих процессов представляется наиболее действенным средством развития и улучшения межгосударственных партнерских отношений в XXI веке. Конкретная цель проекта — определить пути совершенствования управления миграцией на основе анализа исторического опыта мобильности, тенденций развития и ключевых проблем, влияющих на этнодемографическое и социально-экономическое развитие приграничья на российско-казахстанском участке. Коллектив планирует сделать это на примере регионов Южного Урала (Челябинская область). Достижение цели предполагает решение ряда задач: классифицировать практики мобильности основных акторов, принимающих участие в трансграничных коммуникациях в регионах, примыкающих к границе с Казахстаном (туризм, челночная торговля, климатическая, трудовая миграция и др.); осуществить структурно-функциональный анализ транснациональных связей в таких сферах как экономика, бизнес, инфраструктура, социально-гуманитарные контакты, обеспечение национальной безопасности; комплексно оценить этнодемографические и социально-экономические эффекты миграций в зоне приграничья на развитие российских и казахстанских регионов; установить характер и степень влияния приграничья на ментальность, идентичность жителей приграничья и состояние межэтнических отношений;

сформулировать практические рекомендации для органов государственной власти российских приграничных регионов по совершенствованию миграционной политики, а также развитию трансграничной кооперации с регионами Казахстана.

Регионы российско-казахстанского приграничья обладают неоднородным этнодемографическим составом населения, различаются по уровню экономического развития, степени включенности в международную миграцию и др. Несмотря на пристальное внимание ученых к проблемам формирования и развития российских «фронтиров» в Азии[1], многие вопросы, касающиеся миграции в российско-казахстанском приграничье, не получили комплексного освещения в историографии. С одной стороны, приграничье исторически обладало устойчивыми миграционными связями, но после перехода от плановой экономики к рыночной население постсоветских государств, в попытках адаптироваться к новому жизненному укладу, переезжало не только в приграничные регионы России, но и в другие части страны[2].

Постсоветские миграции из Центральной Азии подразделяются на два основных этапа. Первый, пик которого пришелся на 1990-е гг., характерен для распада империй, а второй, пришедшийся на 2000-е гг. и продолжающийся с определенными коррекциями до наших дней, нацелен на заработок денежных средств. Интенсивность вынужденных перемещений стремительно нарастала на протяжении 1990-х гг., но к началу 2000-х гг. снизилась. Если в середине 1990-х гг. статус беженца или вынужденного переселенца ежегодно присваивали сотням тысяч людей, то в 2004 г. — всего 4,3 тыс. чел. В общей сложности в 1992–2002 гг. статус беженца или вынужденного переселенца получили около 1,6 млн лиц, прибывших из постсоветских государств — почти четверть из тех, кто приехал в Россию[3].

[1] Российское пограничье: Вызовы соседства. М.: ИП Матушкина И. И, 2018; Урбански С. За степным фронтиром: История российско-китайской границы. М.: Новое литературное обозрение, 2023.

[2] Лазаренко В. А. Приток мигрантов из стран ближнего зарубежья в регионы России // Вестник Московского Университета. Серия 5. География, 2016. № 4. С. 61.

[3] Абашин С.Н. Постсоветская трудовая миграция из стран Средней Азии в Россию // Жить в двух мирах: Переосмысляя транснационализм и транслокальность. М.: Редакция журнала «Новое литературное обозрение», 2021. С. 31–32.

Миграционные связи России и Казахстана, равно как и вынужденные миграции первого постсоветского десятилетия, только в последнее время становятся объектом научных изысканий[4]. При этом в историографии наблюдалась регионализация исследовательского фокуса на территориальных рамках Оренбургской, Омской, Новосибирской областях и Алтайском крае, где, по выкладкам ФМС, фиксировались наиболее заметные показатели международной миграции[5]. Миграция из северного Казахстана стабилизировала демографическую ситуацию в российской части приграничья, где наблюдалась естественная убыль, а в казахстанских регионах, напротив, фиксировался рост рождаемости и миграционный отток — преимущественно русских — за пределы страны[6]. Важной составляющей этнодемографических процессов являлась самоорганизация основных этнических групп по обе стороны государственной границы, поскольку миграция оказывала существенное влияние на коррекцию этнического состава населения, формирование

[4] Мукомель В. И. Миграционная политика России: Постсоветские контексты. М.: Диполь-Т, 2005; Лазаренко В.А. Приток мигрантов из стран ближнего зарубежья в регионы России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2016. № 4. С. 55–63; Сущий С. Я. Русские Казахстана — геодемографическая динамика постсоветского периода и перспективы первой половины XXI века // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 22–37.

[5] Мукомель В. И., Косач Г. Г., Кузьмин А. С. Российско-казахстанские приграничные связи: Опыт трех российских областей // Вестник Евразии. 2001. № 2. С. 73–121; Григоричев К. В., Тарасова Е. В. Миграционные связи между Алтайским краем и Казахстаном в 1992-2001 годах: Региональные особенности // Вестник Евразии. 2004. № 1. С. 152–168; Гужвенко Ю. Н. Миграция из Центральной Азии в Алтайский край: Направления и перспективы развития для региона // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 4. С. 221–225; Смирнова Т. Б. Этнические миграции в Сибири по данным статистики и неформальным наблюдениям // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2015. № 1. С. 71–75.

[6] Карпенко М. С., Себенцов А. Б. Демографические и социокультурные вызовы приграничному сотрудничеству на российско-казахстанской границе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2022. № 3. С. 454–474; Соколов А. А., Руднева О.С. Региональные особенности демографических процессов в российско-казахстанском трансграничье // Народонаселение. 2023. № 3. С. 30–42; Смирнова Т. Б., Блинова А. Н. Этнодемографические процессы в приграничных регионах Азиатской России в новых условиях поворота на Восток // Журнал фронтирных исследований. 2024. № 3. С. 281–303.

и укреплениетранснациональных культурных и иных связей[7], актуализацию идентичности и др[8]. Постсоветские миграции не получили системной научной оценки, поэтому статья отчасти призвана содействовать заполнению выявленной историографической лакуны.

Оформление российско-казахстанской границы вызвало стремительное наращивание барьерных функций пограничья[9], но в то же время регионы приграничья могли образовывать относительно целостную коммуникативную локальность в коридоре вынужденных, торговых, трудовых и иных миграций из Центральной Азии[10]. Необходимо осмыслить данный тезис, выявить случаи, в которых он имеет под собой основания, а в каких — нет. Разумеется, постановка исследовательских вопросов предполагает ряд познавательных ограничений, поэтому акцент делался на факторах, способствующих транснациональным взаимодействиям, а российский участок приграничья гипотетически представлялся как важная часть транснационального социального поля для взаимодействий, обмена ресурсами, информацией и др[11].

[7] Зотова М. В., Гриценко А. А., Себенцов А. Б. Повседневная жизнь в российском пограничье: Мотивы и факторы трансграничных практик // Мир России. 2018. Т. 27, № 4. С. 56–77; Kosygina L. Re-nationalisation, inter-nationalisation, and supra-nationalisation in the re/production of transnational social space(s): The case of Kazakhstanis residing in Novosibirsk // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2017. Vol. 43 (6). P. 1026–1043.

[8] Блинова А. Н., Смирнова Т. Б., Шлегель Е. А. Постсоветская идентичность немцев России, Казахстана и Украины: Этнонимы, язык, символы // Этнография. 2021. № 4. С. 249–271; Смирнова Т. Б., Блинова А. Н. Этническая самоорганизация в условиях фронтира (на примере немцев, казахов и русских) // Журнал фронтирных исследований. 2023. № 3. С. 195–220.

[9] Golunov S. V., McDermott R. N. Border Security in Kazakhstan: Threats, Policies and Future Challenges // The Journal of Slavic Military Studies. 2005. Vol. 18 (1). P. 31–58.

[10] Ивахнюк И.В. Евразийская миграционная система: Теория и политика // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2008. № 2. С. 21–28; King R., Black R., Collyer M., Fielding A., Skeldon R. The Atlas of Human Migration: Global Patterns of People on the Move. London: Earthscan, 2010.

[11] Малахов В. С. Принимая транснационализм всерьез: О методологическом обновлении в миграционных процессах // Этнографическое обозрение. 2022. № 5. С. 223–233.

Объектом исследования выступает миграция в регионы российско-казахстанского приграничья из стран Азии, а предметом — практики мобильности и транснациональности, возникшие в результате.

Конкретная цель представленного исследования и всего проекта — определить пути совершенствования управления миграцией на основе анализа исторического опыта мобильности, тенденций развития и ключевых проблем, влияющих на этнодемографическое и социально-экономическое развитие приграничья на российско-казахстанском участке. Коллектив планирует сделать это на примере Южного Урала (Челябинская область) — с одной стороны, Северного Казахстана (Костанайской области) — с другой. Учитывая географический масштаб и содержательную глубину исследования, некоторые сюжеты в рамках проекта будут иллюстрироваться на примере других сопредельных регионов двух стран.

Это предполагало решение ряда задач:

– комплексно оценить этнодемографические эффекты миграций в приграничье;

– установить характер и степень влияния приграничья на ментальность, идентичность жителей приграничья и состояние межэтнических отношений (на примере корейской общины);

– проанализировать практики денежных переводов мигрантов из Центральной Азии;

– установить характер и степень влияния приграничья на ментальность, идентичность жителей приграничья и состояние межэтнических отношений (через эмпирическое исследование восприятия сотрудничества, миграционных настроений и региональной идентичности).

Теоретической рамкой исследования выступает концепция транснационализма. Данное понятие использовалось в литературе применительно к доминированию в экономике транснациональных корпораций. Однако позже произошла его адаптация к описанию миграционных процессов, что помогло преодолеть представления и подходы, согласно которым происходил разрыв связей мигранта с «родиной» и болезненный процесс ассимиляции в новую культуру и общество. Тем самым удавалось объяснить, почему эти связи не только сохраняются, но и приобретают качественно иные параметры. В 1990-х гг. в работах Н. Г. Шиллер транснационализм применялся в качестве оптики для исследования формирования новой реальности мобильных акторов.

В центр внимания помещался трансмигрант — мигрант, сохраняющий многосторонние связи со страной исхода и при этом находящийся фактически за ее пределами[12]. Поток трансмигрантов дифференцируется на разные категории по ряду критериев (мотивы, социальный статус и т. д.). Автор рассматривает представителей трудовой транснациональной миграции и особенности социальных практик именно этой категории. Эти связи включают отправку денежных средств, периодические возвращения для подтверждения и сохранения статуса члена отправляющего сообщества. Все это формировало транснациональное пространство, в рамках которого мигрант попадал в двойственное состояние, регулярно переключаясь между разными статусами (свой и чужой; семейный и холостой; успешный и не успешный и т. д.). Повседневные практики адаптируются к этим сменам ролей, расстояниям и средствам связи. Члены сообщества, оставшиеся «там», аналогичным образом адаптируются к цикличности возвращений и отъездов, сохраняя привычные роли и устоявшуюся иерархию.

Понятие «мобильный субъект» редко применяется в академической литературе и пока выглядит относительно новым, дискуссии относительного него только начинают разворачиваться. Возможно, что концептуальные рамки самого явления и акторов, которые можно к нему отнести, еще будут выработаны, о чем говорит целый набор синонимов, распространившихся на страницах научных изданий — «номады», «ведущие высокомобильный образ жизни», «странники», «кочевники» и пр[13]. Однако в рамках представленного исследования для достижения определенных задач уместно опираться на понятие «мобильного субъекта», которое в русскоязычной литературе успешно применяла О. Бредникова. В качестве мобильного субъекта понимается индивид, для кого миграция, перемещения приобретают характер жизненной траектории,

[12] Glick Shiller, N., Basch. L., & Szanson Blanc, C. (1992). Transnationalism: A New analytic framework for understanding migration. Annals of New York Academy of Science, 1992, 1–21; Glick Schiller, N., Basch L. & Szanton Blanc, C. (1995). From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration. Anthropological Quarterly. 68 (1), 48–63.

[13] Kalčić Š. Going Nomad: New Mobile Lifestyles among Europeans // Two Homelands. 2013. № 38. P. 33–48.

когда мобильность «мыслима, осуществима и желаема»[14], «естественным образом» встроена в жизненные проекты и траектории. Мобильность выступает основной конституирующей чертой субъекта — мыслящего и действующего, при этом перманентно находящегося в перемещении. Нечто похожее, описывая планы на будущее кыргызских мигрантов описывала С. Джанызкова, единственное, что автор рассматривала свой полевой материал сквозь оптику транснационализма, не прибегая к осмыслению жизни «здесь» и «там» в логике мобильности[15].

Обоснование структуры исследования

Дизайн монографии напрямую вытекает из иерархии исследовательских задач и построен по принципу «от макроструктуры к микроактору, от исторической реконструкции к практическим рекомендациям» Каждый из четырех разделов представляет собой законченный этап анализа, необходимый для комплексной оценки влияния фронтира на мобильность, идентичность и устойчивое развитие приграничных территорий.

Раздел 1 («Миграции в приграничье России и Казахстана») выступает фундаментом всего проекта. Его ключевая цель — реализовать задачу по комплексной оценке этнодемографических и социально-экономических эффектов миграций и заложить основу для классификации практик мобильности». Именно здесь, на основе архивных данных и статистики, мы доказываем системообразующую роль миграционного притока для демографической стабильности российского приграничья, а также разделяем два исторических этапа (вынужденную миграцию 1990-х и трудовую циркулярную миграцию 2000-х). Этот макроанализ создает необходимый историко-демографический контекст для всех последующих, более глубоких срезов.

Раздел 2 («Коре сарам на Южном Урале») смещает фокус с количественных потоков на качественный анализ идентичности. Этот кейс позволяет решить сразу две задачи: во-первых, конкретизировать классификацию практик мобильности

[14] Biao X. The Making of Mobile Subjects: How Migration and Institutional Reform Intersect in Northeast China // Dialogue. 2007. Vol. 50 (4). P. 69–74. P. 70.

[15] См.: Джанызакова С. Д. «Здесь и там» в мигрантских историях выходцев из Кыргызстана в России (случай Томска) // Сибирские исторические исследования. 2019. № 3. С. 72–86.

через микроанализ конкретной миграционной траектории (от сезонной работы до открытия бизнеса); во-вторых, установить «характер и степень влияния фронтира на ментальность и идентичность». На примере корейской общины мы показываем формирование гибридной, «раздвоенной» идентичности, которая является прямым продуктом транснационального социального поля. Этот раздел важен для демонстрации того, как фронтир работает не как барьер, а как зона культурного синтеза и интеграции, что позволяет сопоставить данный опыт с восприятием других мигрантских групп.

Раздел 3 («Транснациональные практики мигрантов из Центральной Азии: денежные переводы») посвящен структурно-функциональному анализу транснациональных связей через декомпозицию их экономической и социальной основы — денежных переводов. Мы переходим от этнического кейса к транснациональным сообществам, демонстрируя циклический, самовоспроизводящийся характер этих связей. Анализ эволюции каналов переводов (от неформальных перевозок наличных к электронным сервисам) и структуры расходов домохозяйств в странах исхода (Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан) позволяет раскрыть моральную экономику миграции. Этот раздел доказывает, что денежный перевод — это не просто транзакция, а конституирующая практика, которая скрепляет транснациональное пространство и формирует модели поведения, мотивирующие дальнейшие миграции.

Раздел 4 («Трансграничная кооперация… в оптике общественного мнения») является итоговым и представляет собой эмпирическую верификацию гипотез проекта на основе социологических данных. Здесь мы решаем задачу по установлению влияния фронтира на состояние межэтнических отношений и формулируем «практические рекомендации для органов власти». Мы не просто фиксируем институциональные рамки кооперации, а изучаем, как местное население (по обе стороны границы) воспринимает эти процессы. Сравнение данных по Челябинской и Костанайской областям позволяет выявить разрывы между официальными соглашениями и повседневными практиками, а также диагностировать миграционные настроения и уровень региональной идентичности, что является ключевым для выработки адресных управленческих решений.

Таким образом, логика монографии обеспечивает достижение всех заявленных результатов: от исторической реконструкции и классификации типов мобильности

(Разделы 1–2) через анализ механизмов функционирования транснациональных связей (Раздел 3) к эмпирической оценке их социальных эффектов и выработке рекомендаций (Раздел 4). Комплексный дизайн исследования позволяет органично интегрировать исторический, антропологический и социологический подходы, что соответствует заявленному в проекте междисциплинарному характеру работы и методологии на стыке теории мобильности, транснационализма и концепта «воображаемой географии».

Работа основана на обширном и разнообразном эмпирическом материале. Основу источниковой базы составили архивные документы, материалы переписи населения (1989, 2002, 2010 и 2020 гг.), печатная периодика и электронные медиа, результаты полевых исследований автора за последние годы. Существенную пользу в изучении миграционной ситуации в Российской Федерации принесли материалы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Это документы Министерства по делам Федерации, Национальностей и Миграционной политики (ГАРФ. Ф. 10156), органов национальной и региональной политики (ГАРФ. Ф. 10120). Кроме того, существенную пользу принесли документы фонда Федеральной миграционной службы (ФМС. ГАРФ. Ф. 10349), включающий массив разнообразных документов, отложившихся за время функционирования ФМС в составе МВД до момента реорганизации в Управление по вопросам миграции (2004–2016 гг.). Привлекались ежегодные сведения о роли миграции в возмещении естественной убыли населения России. Так вышло, что их систематизировали только на позднем этапе работы миграционной службы. Потенциал региональных архивов пока не получилось задействовать в полном объеме, поэтому автор опирался на фонды архива Челябинской области. Речь идет о фондах областной администрации (ОГАЧО. Ф. Р-705) и миграционной службы региона (ОГАЧО. Ф. Р-700). Документы Главного управления по взаимодействию с военными и правоохранительными органами Челябинской области и областной администрации (ОГАЧО. Ф. 1879 и Ф. Р-700) позволяют уточнить сюжеты, связанные с нарушениями при пересечении границы на участке Костанайской и Челябинской областей.

Значительную роль в подготовке рукописи играли демографические сведения, систематизированные порталом «Демоскоп-Weekly»: численность ежегодно регистрируемых

беженцев и вынужденных переселенцев, в том числе в региональном измерении, сведения о лицах, принятых в гражданство России по прежнему гражданству и др.

Привлечение материалов переписи населения позволило выявить основные результаты постсоветских миграций по этническому составу и месту рождения, гражданству. К сожалению, даже Минфедерации в 2000 г. не могло в ответ на запрос Администрации президента России предоставить информацию о численности мигрантов, схеме их расселения и др. Сообщалось, что только проведение переписи населения в 2002 г. даст надежные инструменты для оценки результатов постсоветских перемещений[16].

Методически исследование основывалось на проведении глубинных неструктурированных интервью в местах работы, проживания и отдыха информантов. Доступ в поле существенно затрудняло недоверие со стороны потенциальных интервьюируемых, профилактические рейды силовиков. На успешности в установлении контактов сказывалось усиление ксенофобских настроений в российском обществе.

В 2019–2025 гг. автором проведена серия интервью с корейцами, прибывшими из Центральной Азии в Челябинскую и Оренбургскую области. В общей сложности задействовано 102 информанта из Челябинской области и 99 из Оренбургской области. Гендерное соотношение составило 87 женщин и 114 мужчин. Серия интервью с корейцами позволила раскрыть проблему жизни «здесь» и «там», включая информацию о месте рождения, представлениях о родине, частоте взаимодействия с корейскими национально-культурными обществами, формате таких отношений, сферах занятости и др. Кроме того, в 2024–2025 гг. прошла серия интервью с мигрантами из Центральной Азии, в данной работе обработана часть данных, связанных с практикой отправки и освоения денежных переводов. В общей сложности в глубинных и экспресс участвовало 403 гражданина Кыргызстана, 565 — Таджикистана, 541 — Узбекистана.

Кроме того, эмпирическую базу усилило социологическое исследование, проведенное в феврале — октябре 2025 года. Массовый опрос методом формализованного интервью охватил 625 респондентов (320 — в Челябинской области, 305 — в Костанайской области). Выборка квотная, репрезентирующая

[16] ГАРФ. Ф. 10156. Оп. 1. Д. 318. Л. 11-12.

население приграничных территорий по полу, возрасту и социальному положению; квоты рассчитаны на основе официальной статистики 2020 года, отбор респондентов осуществлялся методом случайного маршрута. Дополнительно проведено 100 экспертных интервью (66 — по стандартизированной анкете, 34 — нарративных) с представителями органов власти, бизнеса, общественных организаций и специалистами в сфере миграционной и социальной политики.

РАЗДЕЛ 1

МИГРАЦИИ В ПРИГРАНИЧЬЕ РОССИИ И КАЗАХСТАНА

Распад СССР спровоцировал формирование новых государственных границ, которые зачастую оказывались перед лицом новых вызовов, связанных с необходимостью регулировать движение грузов, людей, реализовывать барьерные и контактные функции. С одной стороны, постсоветским государствам требовалось обеспечивать национальную безопасность, пресекать поставки контрабанды, не допускать бесконтрольных перемещений и др. Кроме того, приграничье в условиях масштабной вынужденной и трудовой миграции столкнулось с определенными изменениями этногеографического состава населения. Приграничье предстало относительно целостной локальностью, связанной сложной сетью контактов и обменов с Казахстаном и Таджикистаном, включавших как вынужденную, так и трудовую миграцию. В итоге во всех частях приграничья с российской стороны заметно возросла численность постоянно проживающих таджиков. В то же время миграционные связи с другими государствами Центральной Азии носили неравномерный характер, что сформировало районы концентрации узбеков и кыргызов в Тюменской области, некоторых регионах Поволжья, а корейцев преимущественно в Волгоградской области. Представленный материал продвигает поле миграционных и фронтирных исследований, поскольку охарактеризованы основные траектории вынужденных и трудовых миграций на российском участке приграничья, выявлена их этническая структура в региональном измерении, на биографических примерах показано формирование и развитие транснациональных сообществ. В представленном разделе показаны основные траектории вынужденной и трудовой миграции, затронута проблема нелегальной миграции. В силу определенных ограничений источниковой базы, получилось рассмотреть далеко не все сюжеты, но общая канва трансграничной мобильности показана достаточно подробно.

***

По информации российских властей в 1992–2000 гг. через российско-казахстанскую границу проследовали масштабные миграционные потоки. Только из Казахстана в Россию прибыло по разным оценкам около 1,8 млн человек, Узбекистана — 676 тыс., Кыргызстана — 323 тыс., Таджикистана — 325 тыс., Туркменистана — 135 тыс. В обратном направлении выехали около 610 тыс. человек. Тем самым прирост населения России за счет миграции из Центральной Азии на фоне тяжелейших

социально-экономических потрясений конца XX в. составил 2,7 млн человек — из них свыше 70 % составляли русские[1]. С начала 1990-х — по 2000-й гг. в Россию из бывших союзных республик прибыло около 8,7 млн мигрантов. В «обратном» направлении выбыло 4 млн. Статус вынужденных переселенцев или беженцев присвоили не менее чем 1,3 млн. Во второй половине 1990-х гг. основное направление вынужденной миграции сместилось с центральных и южных регионов страны на Урал, в Поволжье и Западную Сибирь. В первую очередь в документах речь шла о приграничных с Казахстаном регионах[2].

Таблица 1

Численность ежегодно регистрируемых вынужденных переселенцев и беженцев (в тыс. чел. за 1992–2002 гг.)[3]

	1992–93 гг.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	Итого
Оренбургская область	20,6	15,5	13,3	9,3	9,4	5,5	3,3	2,2	1,5	0,6	79,1
Алтайский край	6	8	12,3	7,6	8,2	8,5	5,2	4,1	2,8	1	59,9
Самарская область	19,4	7	9,5	8	5,4	3,9	2,7	1,8	1,6	1	57,7
Саратовская область	21,3	12,4	8,7	6,1	3,3	2,6	1,5	1,6	1	0,4	57,5
Новосибирская область	4,8	10,7	8,8	8,4	7,5	7	3,7	2,3	1,9	1,2	53,2
Волгоградская область	13,3	8,6	9	7	3,3	2,6	1,8	1	0,7	0,3	46,6
Челябинская область	5,2	6,2	5,4	3,7	3,3	2,5	1,9	1,2	0,6	0,2	29,4
Омская область	3,5	2,6	6,5	5,2	5,1	3,9	1,2	0,6	0,5	0,3	28,6
Курганская область	1,9	3,3	4,1	1,8	3	3,7	1,7	0,8	0,4	0,2	20,3
Тюменская область	2,4	1,8	1,9	1,9	2,7	2,4	0,8	0,5	0,4	0,2	14,4
Астраханская область	4,4	2	2,6	2,2	1,3	1	0,5	0,5	0,3	0,1	14,5
Регионы приграничья	102,8	78,1	82,1	61,2	52,5	43,6	24,3	16,6	11,7	5,5	478,4
Всего в России	483,6	254,5	272,0	172,7	131,1	118,2	79,1	59,2	42,0	20,504	1632,9

[1] Мкртчян Н. Куда едут вынужденные мигранты? // Демоскоп Weekly. № 71 - 7217 - 30 июня 2002. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2002/071/tema04.php

[2] ГАРФ. Ф. 10156. Оп. 1. Д. 318. Л. 13

[3] Мкртчян Н. Куда едут вынужденные мигранты? // Демоскоп Weekly. № 71 - 7217 - 30 июня 2002. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2002/071/tema04.php

Наибольшее число зарегистрированных вынужденных мигрантов в регионах на границе с Казахстаном фиксировалось в Приволжье и Сибири. Официальные данные не в полной мере отражают масштабы вынужденных перемещений. Не все обращались за помощью в государственные органы и самостоятельно устраивались на новом месте жительства, осознавая ограниченность государственных ресурсов для оказания помощи. Оформление необходимых документов представляло сложный и длительный бюрократический процесс, требовавший немалых усилий и большого количества времени. Порядка трети обращений за предоставлением официального статуса беженцев и вынужденных переселенцев отклоняли. Витковская отмечала, что реальное число вынужденных мигрантов превышало официальные данные в 2–4 раза[4].

По статистике миграционной службы в 1992-1998 гг. из 30 тыс. обращений с целью присвоения официального статуса, положительное заключение было дано лишь для 20 тыс. Из них 12 тыс. — вынужденные переселенцы и 8 тыс. — беженцы[5]. Основные страны исхода вынужденных мигрантов выглядели следующим образом: большая часть приехала из Казахстана — 7666 чел., Таджикистана — 3745, Узбекистана — 3816, Грузии — 1176, Азербайджана – 676[6].

Международная миграция практически не влияла на прирост численности казахов, поскольку последние принимали участие во внутренних миграциях в Казахстане, главным образом с юга на север[7]. Во всех регионах существенно увеличилось количество лиц, рожденных в республиках Центральной Азии. Так количество уроженцев Казахстана в приграничных регионах достигла 949 тыс., что составило 36,7 % от общей численности уроженцев Казахстана, зафиксированных в ходе переписи населения 2002 г. Это подтверждает тезис о высокой интенсивности миграционных связей приграничных регионов России с Казахстаном[8].

[4] Витковская Г.С. Десять лет вынужденных миграций в Россию // Население и общество. 1998. № 32. URL: http://demoscope.ru/weekly/archives.php

[5] ГАРФ. Ф. 10120. Оп. 1. Д. 727. Л. 2; ОГАЧО. Ф. Р-705. Оп. 1. Д. 16. Л. 22

[6] ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 583. Л. 12

[7] Панарин С. Русскоязычные у внешних границ России: Вызовы и ответы (на примере Казахстана) // Диаспоры. 1999. № 2–3. С. 137–169.

[8] Лазаренко В.А. Приток мигрантов из стран ближнего зарубежья в регионы России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2016. № 4. С. 55–63. С. 61.

Таблица 2

Численность уроженцев Центральной Азии в регионах российско-казахстанского приграничья по данным переписи населения 1989-2002 гг.[9]

	Казахстан		Узбекистан		Таджикистан	
	1989 г.	2002 г.	1989 г.	2002 г.	1989 г.	2002 г.
Астраханская область	21433	23846	3525	6016	1082	2075
Волгоградская область	35671	56644	12193	30341	3063	14040
Саратовская область	47084	76491	12216	26896	3885	10497
Самарская область	41849	70216	19255	40989	6003	16029
Оренбургская область	51238	87450	13144	34750	2829	11566
Челябинская область	76004	106378	11451	15734	2701	9018
Курганская область	27397	40287	1621	2558	665	1020
Тюменская область	82056	129876	16036	23040	5152	16622
Омская область	62176	121691	4466	7886	1121	2850
Новосибирская область	50947	93251	8601	13742	2729	6619
Алтайский край	59286	139318	7310	16462	2085	6368
Республика Алтай	-	4470	-	748	-	340
Итого регионы приграничья	503165	949918	161794	219162	31315	97044
Итого РСФСР/РФ	1825035	2584955	529814	918037	153806	383057

Помимо многочисленных трудностей, связанных для государства с регулированием юридического статуса этих людей и социальной поддержкой, миграция существенно компенсировала демографические потери от нарастающей естественной убыли и снижения рождаемости. В 1990-е гг. за счет миграции удалось компенсировать в разные годы до 50% убыли населения[10]. Переезд русских и русскоязычных – в основном из Казахстана – компенсировал демографические потери российского общества в 1990-е гг. на 60% и более процентов.

[9] Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств // Демоскоп. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php

[10] ГАРФ. Ф. 10156. Оп. 1. Д. 318. Л. 71.

Таблица 3

Доля миграции в возмещении убыли населения Российской Федерации в 1992–2015 гг.[11]

Годы	Доля миграции в возмещении в %
1992	121 %
1993	71,9 %
1994	111,9 %
1995	79,5 %
1996	66,1 %
1997	69,4 %
1998	62 %
1999	29,3 %
2000	38,2 %
2001	21,9 %
2002	0,7 %
2003	10,5
2004	12,5
2005	14,9
2006	22,5 %
2007	54,9 %
2008	71 %
2009	104,2 %
2010	79,8 %
2011	144 %
2012	98,3 %
2013	92,3 %
2014	Данные не обнаружены
2015	89,9 %

[11] ГАРФ. Ф. 10349. Оп 1. Д. 420. Л. 54.

По данным ФМС в 1992–2001 гг. 45 % всех фактов принятия иностранцев в гражданство России приходилось на выходцев из Казахстана. В общей сложности российское гражданство в 1992–2001 гг. получили 2 млн 681 тыс. чел., существенная их часть относилась к категории вынужденных мигрантов. По информации Совета переселенческих объединений, свыше полутора млн вынужденных переселенцев из стран СНГ и Балтии получили после распада СССР российское гражданство[12]. Не удалось достоверно установить, сколько иностранных граждан и лиц без гражданства приняли в гражданство России в приграничных регионах.

Таблица 4

Число лиц, получивших гражданство РФ за период с 1992-2001 гг. по странам предыдущего гражданства, человек[13]

	1992-1996 гг.	1997-2001 гг.	1992-2001 гг.
Всего	**1008021**	**1673145**	**2681166**
Азербайджан	59232	97406	156638
Армения	36703	78002	114705
Белоруссия	21431	33208	54639
Грузия	66605	113473	180078
Казахстан	**289838**	**627542**	**917380**
Кыргызстан	67030	64876	131906
Молдавия	19619	36268	55887
Таджикистан	84016	58210	142226
Туркменистан	17699	28047	45746
Узбекистан	105256	122851	228107
Украина	173482	370748	544230
СНГ	940911	1630631	2571542
Другие страны	65297	39844	105141

[12] Больше полутора миллионов вынужденных переселенцев из стран СНГ и Балтии получили после распада СССР российское гражданство // Демоскоп Weekly. № 109–110. 14–27 апреля. 2003. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2003/0109/rossia01.php#5

[13] Чудиновских О. Статистика миграции знает не все // Демоскоп Weekly. № 335–336. 2–15 июня. 2008. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2008/0335/tema03.php

Несмотря на то, что основная волна трудовой миграции из Центральной Азии пришлась на период, не затронутый в статье, в Россию по сведениям Минфедерации России в 1994–2000 гг. приехало не менее 750 тыс. трудовых мигрантов. С учетом тех, кто не фиксировался государством их численность могла достигать 3-4 млн чел[14]. Аналитики российских спецслужб полагали, что в начале 2000-х гг. до 90 % нелегалов, находившихся на территории России, заезжали именно через российско-казахстанскую границу с целью трудоустройства, занятия коммерческой деятельностью и т. д[15]. К сожалению, в архивных документах не осталось сведений о методике подсчета, но, судя по всему, суммировались отчеты территориальных отделений ФМС, в которых обобщались данные об иностранных гражданах, осуществлявших трудовую деятельность в регионах.

Перепись населения 2002 г. дает определенное представление о численности представителей этнических групп, имеющих миграционное происхождение, их распределении по российским регионами и др. В приграничье заметно возросла численность представителей центральноазиатских этнических групп — таджиков и корейцев. Некоторая коррекция, преимущественно локального характера, произошла в распределении узбеков и кыргызов. Методология переписи населения не позволяла фиксировать сезонных мигрантов и тех, кто по каким-то причинам оказался за рамками официальной статистики, не относился к категории постоянного населения.

Разделение международной мобильности на вынужденную и трудовую носит условный характер, поскольку так проще описать эти разные по хронологии, интенсивности и ключевым целям акторов процессы. Смена вынужденных сценариев миграции, характерных для 1990-х — начала 2000-х гг., на преимущественно трудовые повлияла на этнодемографический состав населения приграничья. Возникали новые и укреплялись уже сложившиеся транснациональные связи российского регионов и Центральной Азии. Значительная часть центральноазиатских мигрантов находилась в России временно, периодически возвращаясь в страну исхода и совершая поездки в обратном направлении[16]. Однако трудовые и предпринимательские

[14] ГАРФ. Ф. 10156. Оп. 1. Д. 318. Л. 13.

[15] ГАРФ. Ф. 10156. Оп. 1. Д. 318. Л. 72.

[16] Абашин С. Н. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 3-13.

сценарии нередко трансформировались — многие оставались жить на длительное время, получали российское гражданство, приобретали в собственность жилье и т. д.

Таблица 5

Численность таджиков, узбеков и корейцев в регионах российско-казахстанского приграничья в 1989–2002 гг.[17]

	Таджики		Узбеки		Корейцы	
	1989 г.	2002 г.	1989 г.	2002 г.	1989 г.	2002 г.
Астраханская область	459	629	1311	1030	634	2072
Волгоградская область	1039	2057	2851	3012	1613	6066
Саратовская область	1207	1468	2791	2140	545	2533
Самарская область	1598	4624	3831	5438	564	1462
Оренбургская область	411	2455	1746	3275	385	1321
Челябинская область	870	5125	3475	3057	463	959
Курганская область	96	237	304	313	122	212
Тюменская область	1240	7968	3791	7730	848	1662
Омская область	256	880	1250	1244	425	741
Новосибирская область	714	2784	2179	2047	1264	2154
Алтайский край	413	1617	1611	1956	595	1309
Республика Алтай	-	84	-	149	-	128
Регионы приграничья	8303	29928	27129	33393	7458	20619
Итого РСФСР/РФ	38208	120136	126899	122916	107051	148556

По сведениям Минфедерации к 2000 г. на территории России насчитывалось 100 тыс. постоянно проживающих таджиков[18]. Власти Таджикистана располагали сведениями, что на заработках в России находилось не менее 200 тыс. таджикистанцев [19]. Скорее всего они находились на территории российских регионов сменами, периодически возвращаясь на родину для доставки семьям заработанных денежных средств, подарков, подтверждения социального статуса и успешности личного миграционного сценария. По оценкам таджикских

[17] Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств // Демоскоп. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php

[18] ГАРФ. 10156. Оп. 1. Д. 318. Л. 16-18.

[19] Олимова С. Трудовая миграция из Таджикистана. Международная организация миграции, 2003. С. 42.

властей около половины трудовых мигрантов находились на территории России от полугода до года[20].

Как показали результаты переписи 2002 г., эти оценки оказались вполне достоверны. Если в конце 1980-х гг. в регионах российско-казахстанского приграничья проживал 21 % таджиков в РСФСР, то к 2002 г. этот показатель составил 24,9 %. Численность таджиков в регионах приграничья возросла в 3,6 раза. Наиболее заметный прирост отмечался в Тюменской, Челябинской и Оренбургской областях. Формирование и развитие сообществ таджикских мигрантов привело к институционализации их общин в Оренбурге («Вахдат», зарегистрирован в 2003 г.) и Челябинске («Сомониен»)[21].

Эксперты Международной организации миграции отмечали, что в приграничные регионы направлялась значительная доля трудовой миграции из Таджикистана. В Новосибирске, Магнитогорске и Челябинске таджикистанцы работали в строительном секторе, на заводах и рыночных комплексах, в том числе в торговле плодоовощной продукцией — «Каширинский» рынок в Челябинске, «Хилокский» рынок в Новосибирске. До 19 % трудовой миграции из Таджикистана направлялось в Тюменскую область, где имелись широкие возможности для трудоустройства на предприятиях, добывающих углеводороды. В регионы Поволжья — Самара, Волгоград, Астрахань и Саратов — направлялось около 16 % трудовых мигрантов из Таджикистана, преимущественно для работы на стройках, в сельском хозяйстве и в челночном бизнесе[22]. Иными словами, только Тюменская, Самарская, Астраханская и Саратовская области аккумулировали примерно треть трудовой миграции из Таджикистана в начале 2000-х гг., что является весомым показателем, демонстрирующим этнодемографические изменения в структуре населения российской части приграничья.

Корейцы являлись еще одной из заметных этнических групп, принимавших участие в международных миграциях.

[20] Трудовая миграция в странах Центральной Азии, Российской Федерации, Афганистане, Пакистане: Аналитический Обзор. Международная организация миграции (IOM), 2005. С. 29.

[21] ОГАЧО. Ф. Р-1041. Оп. 6. Д. 1815. Л. 80; Амелин В.В. Таджики в Оренбуржье (Очерки современных этносоциальных процессов). ООО ИПК «Университет», 2013. С. 26.

[22] Олимова С. Трудовая миграция из Таджикистана. Международная организация миграции, 2003. С. 28.

Если в 1989 г. в регионах, расположенных на границе, проживало порядка 6,9 % всех корейцев РСФСР, то в 2002 г. этот показатель возрос до 13,8 %. Причем этот прирост в региональном измерении происходил неравномерно. Больше всего количество корейцев возросло в Волгоградской области. В 1950–1980-е гг. корейские рабочие часто арендовали колхозные земли для выращивания определенных продуктов т. е. практика кобонди[23]. Такие бригады курсировали по многим аграрным регионам страны, обеспечивая урожай лука и иных культур, возделывание которых предполагало высокие трудозатраты. Сформированные ранее миграционные, личные и деловые связи во многом «направляли» миграцию корейцев из Казахстана, Узбекистана и Таджикистана в определенные российские регионы.

Некоторые личные истории корейцев, прибывших в Волгоградскую область из Таджикистана, содержали отсылки к тому, что выбор места нового проживания пал именно на регион, «где когда-то выращивали овощи»[24]. Только в сельских районах Волгоградской области насчитывалось 300 корейских семей, приехавших из Таджикистана[25]. Для застройки жильем администрация Среднеахтубинского района Волгоградской области предоставила корейцам земельный участок площадью примерно в 40 га земли. Кроме того, каждое семейство получило в личное пользование участок в 10 соток. Еще порядка 200 га сельскохозяйственных угодий выделялось в аренду для выращивания бахчевых, лука, томатов и других культур[26]. Полевые исследования и материалы периодики содержали свидетельства того, что такие связи приводили во второй половине 1990-х гг. бригады корейских овощеводов из Казахстана и Узбекистана в Кизильский и Варненский районы Челябинской области для выращивания овощей[27].

[23] Хан В. С., Сим Х.Е. Корейцы Центральной Азии: Прошлое и настоящее. М.: Издательство МБА, 2014. С. 144.

[24] Тен В. Это страшное слово – беженцы // Российские корейцы. 1999. № 2. С. 13.

[25] В сумме это может быть минимум 1 тыс. человек, при том, что численность корейцев в Таджикской ССР в 1989 г. всего составляла 13 тыс. чел.

[26] Бугай Н. Ф. Российские корейцы и политика «солнечного тепла». М.: Готика, 2002. С. 150.

[27] Кизильский вестник. 1998. 1 августа; Кизильский вестник. 1996. 19 октября.

По оценкам Международной организации миграции в трудовой миграции принимали участие от 500 до 700 тыс. граждан Узбекистана, половина из которых работала в России[28]. По сведениям Минфедерации миграция этнических узбеков направлялась в основном в регионы Урала и Поволжья — Оренбургская, Саратовская и Самарская области[29]. Численность узбеков за первое постсоветское десятилетие снизилась, поскольку активная трудовая миграция из Узбекистана началась во второй половине 2000-х гг., когда граждане этой страны стали большинством среди иностранных трудовых мигрантов, к 2008 г. их насчитывалось 624 тыс[30]. Тем не менее представительство узбеков возросло в Самарской, Оренбургской и Тюменской областях.

Несмотря на то, что в изучаемый период в Астраханской области не фиксировалось заметного прироста численности представителей данной этнической группы, в Астрахани еще в 1996 г. организовали узбекскую общественную организацию «Узбекистон». Сферой притяжения узбекистанцев еще до начала активной трудовой миграции являлась торговля, поскольку в Астрахани находился рынок «Большие Исады». На нем существовал специальный торговый павильон под названием «Узбек-Базар», в котором преобладали узбекистанцы, в основном женщины-челночницы[31].

Власти Кыргызстана сообщали, что в трудовую миграцию в Россию в начале 2000-х гг. было вовлечено примерно в 350 тыс. чел[32]. Однако результаты переписи населения 2002 г. свидетельствовали, что численность кыргызов сократилась как в России, так и в приграничье. Увеличение произошло только в двух регионах Сибири и в Самарской области. Это объясняется тем, что для сибирских городов одним из важных

[28] Тенденции в области миграции в странах Восточной Европы и Центральной Азии. Обзор за 2001 - 2002 годы. Международная организация по миграции (МОМ), 2002. 219 с.

[29] ГАРФ. 10156. Оп. 1. Д. 318. Л. 16-18.

[30] ГАРФ. 10349. Оп. 1. Д. 191. Л. 42.

[31] Зотова Н.А. Узбекские общины в России: новые «диаспоры» (на примере Санкт-Петербурга, Астрахани, Красноярска) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. 2010. № 222. ИЭА РАН. С. 13, 16.

[32] Трудовая миграция в странах Центральной Азии, Российской Федерации, Афганистане, Пакистане: Аналитический Обзор. Международная организация по миграции (IOM), 2005. С. 15.

факторов притяжения кыргызской миграции становились оптовые рынки, на которых выходцы из Кыргызстана продвигали китайские товары народного потребления, в том числе на российский рынок. Эксперты полагали, что примерно 100 тыс. кыргызстанцев занимались обслуживанием разветвленной инфраструктуры челночного бизнеса, оказывали транспортные услуги, работали в этой сфере продавцами, грузчиками, охранниками и др[33]. Подавляющее большинство кыргызских мигрантов находилось на территории России временно (трудовые мигранты, челночные торговцы и др.), поэтому не учитывалось переписью населения.

Комментируя расселение кыргызов, информанты отмечали, что в развитии кыргызских сообществ, связанных с крупными рынками на Урале и в Сибири, выделяются два основных направления. Первое связано с формированием предпринимательских сетей и торговых рядов в городах Сибири. Красноярск, не входящий в приграничье, назван одним из важных центров кыргызской миграции, далее в повествованиях упоминали Новосибирск, Тюмень и др. сибирские города. Второе направление предполагало налаживание торговых связей в Екатеринбурге, где расположен крупнейший на Урале рынок «Таганский ряд»[34]. Большинство приграничных регионов оказалось менее привлекательно для кыргызской миграции, чем Свердловская область или Красноярский край.

Отсутствовал надежный статистический инструментарий для учета международной трудовой миграции. Отчеты миграционной службы Челябинской области об иностранной рабочей силе содержали данные о трудовой деятельности граждан КНР, КНДР, Вьетнама и Польши, но фактов официального трудоустройства граждан государств Центральной Азии не встречалось. Между тем в конце 1990-х гг. численность трудовых мигрантов из Таджикистана в Челябинской области

[33] Дятлов В.И. «Этнические рынки» в современной России — ускользающий объект исследовательского внимания // Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. С. 16–41. С. 33; Трудовая миграция в странах Центральной Азии, Российской Федерации, Афганистане, Пакистане: Аналитический Обзор. Международная организация по миграции (IOM), 2005. С. 15.

[34] Варшавер Е., Рочева А., Иванова Н., Ермакова М. Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: Есть ли паттерн? // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19, № 2. С. 225–253.

оценивалась милицией в 7–8 тыс., они не имели постоянного места жительства и приезжали на «сезон» для работы на стройках, предприятиях, на сельскохозяйственных полях и рынках[35].

Таблица 6

Численность кыргызов в регионах в регионах российско-казахстанского приграничья по данным переписи населения 1989–2002 гг.[36]

	Кыргызы	
	1989 г.	2002 г.
Самарская область	561	733
Тюменская область	1467	3075
Новосибирская область	1149	1423
Итого регионы приграничья	9223	8168
Итого РСФСР/РФ	41734	31808

Сведения о трудовой миграции в 1990-е гг. показывают, что основную часть иностранной рабочей силы, официально учтенной на территории Челябинской области, составляли граждане таких государств как КНР и КНДР. Так территориальные органы ФМС начали подавать отчетность об иностранных гражданах, осуществлявших трудовую деятельность с 1994 г. На начало отчетного периода в регионе уже официально работали свыше сотни граждан КНР[37].

При этом оценки трудовой миграции из Центральной Азии носили приблизительный характер, поскольку значительная часть прибывших на заработки находилась вне контроля и учета со стороны государства, что порождало весьма острые дискуссии о влиянии нелегальной миграции на российское общество. Данные миграционной службы Челябинской области свидетельствуют, что официально в регионе работали не более двухсот граждан Таджикистана. Однако их реальная численность могла составлять несколько тысяч человек. Кроме того, многие приезжали в страну еще

[35] ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 595. Л. 33.

[36] В таблице указаны только те регионы, где численность кыргызов возросла в сравнении с 1989 г. Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств // Демоскоп. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php

[37] ОГАЧО. Ф. Р-705. Оп. 1. Д. 12. Л. 8.

по советским паспортам, нигде не вставали на учет и не проходили процедуры регистрации. Информанты, заставшие тот период подчеркивали, что само их присутствие формализовывалось минимально, равно как и трудовые отношения — работа на сельскохозяйственных полях, на рынках и стройках, на промышленных предприятиях. Период 1990-х и начала 2000-х гг. воспринимался участниками нашего проекта как время минимального контроля за их мобильностью со стороны государства, что позволяло достаточно свободно перемещаться между Россией и государствами Центральной Азии, осуществлять предпринимательскую и трудовую деятельность, совершать регулярные поездки с частными целями.

Таблица 7

Численность иностранной рабочей силы на территории Челябинской области в 1994–2000 гг.[38]

	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.
КНР	1446	1584	1098	1226	1413	1291	1227
КНДР		87	162	224	260	295	230
Казахстан	105	119	33		38		100
Таджикистан						141	167
Узбекистан	2						
Вьетнам		87	134	303	265	101	162
Литва	18						
Армения	20	27	100		94	17	
Грузия	1						
Украина		52	64	11	40	40	
Польша		1443		255	583		
Итого	1584	3525	2873	2636	3166	2532	2297

Основная часть трудовой деятельности граждан центральноазиатских государств происходила в неформальном поле. Хотя большое количество участников переписи населения 2002 г. не указало гражданство, в приграничных регионах

[38] Составлено автором по: ОГАЧО. Ф. Р-705. Оп. 1. Д. 12. Л. 8; Д. 23. Л. 8; Д. 33; Д. 47. Л. 8-10; Д. 59. Л. 13-15; Д. 75. Л. 10-12; Д. 80. Л. 4. В таблице учтены основные источники иностранной рабочей силы. Не представлены Литва, США, Израиль, Турция и др. государства

насчитывалось 46,3 % от общей численности учтенных граждан Казахстана, 23,3 % — Таджикистана, 24,3 % — Узбекистана, 28,8 % — Кыргызстана.

Таблица 8

Численность граждан государств Центральной Азии[39] в регионах российско-казахстанского приграничья по данным переписи населения 2002 гг.[40]

	Казахстан	Таджикистан	Узбекистан	Кыргызстан
Астраханская область	660	152	446	135
Волгоградская область	1310	914	2360	360
Саратовская область	2388	491	1808	477
Самарская область	1801	2600	3823	1071
Оренбургская область	3512	958	2386	471
Челябинская область	5067	2822	1280	763
Курганская область	1168	49	107	139
Тюменская область	2898	4093	1927	1892
Омская область	4688	456	601	689
Новосибирская область	3782	1612	1071	1219
Алтайский край	4728	799	1369	1026
Республика Алтай	195	20	58	80
Регионы приграничья	32197	14966	17236	8322
Итого РФ	69472	64165	70871	28843

Смена вынужденных сценариев миграции, характерных для 1990-х — начала 2000-х гг., на преимущественно трудовые повлияла на этнодемографический состав населения российского приграничья. Возникали новые и укреплялись уже сложившиеся транснациональные связи российского приграничья и Центральной Азии. Значительная часть центральноазиатских мигрантов находилась в России временно, периодически возвращаясь в страну исхода и совершая поездки в обратном направлении[41]. Однако трудовые и предпринимательские сценарии нередко трансформировались — многие

[39] Граждане Туркменистана учтены не были в силу малочисленности

[40] Всероссийская перепись населения 2002. URL: http://www.perepis2002.ru/index.html?id=78

[41] Абашин С. Н. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 3–13.

оставались жить на длительное время, получали российское гражданство, приобретали в собственность жилье и т. д.

Во второй половине 2000-х гг. структура иностранной рабочей силы претерпела существенные изменения. В 2008 г. численность граждан Узбекистана (624 тыс.) и Таджикистана (391 тыс.), осуществлявших трудовую деятельность, превысила численность граждан Украины — около 245 тыс.[42] Развитие транспортной инфраструктуры, появление новых средств коммуникации, расширение возможностей для перевода и освоения денежных средств, наращивание миграционных связей — все это привело к тому, что по оценкам ФМС около 14 % от общей численности жителей Таджикистана принимали участие в трудовой миграции в Россию[43]. В свою очередь молдаван и украинцев, находившихся на заработках в России, становилось все меньше, поскольку увеличивались показатели трудовой миграции с других направлений, открывались новые перспективные рынки труда в странах ЕС. По данным ФМС к 2013 г. узбекистанцы составили 44 % от общего числа трудовых мигрантов — около 1,4 млн[44]. Наибольшее число граждан Украины и Молдовы с действующими разрешительными документами на работу фиксировалось в 2014 г. — свыше 392 тыс., и 216 тыс. соответственно[45]. Так сложился преимущественно центральноазиатский облик иностранной рабочей силы.

Хотя основная часть иностранной рабочей силы направлялась в крупнейшие экономические центры (Москва и Московская область, Санкт-Петербург и др.), данные ФМС свидетельствуют, что региональные столицы-миллионники, расположенные на границе с Казахстаном, являлись важными центрами международной трудовой миграции. По статистике МВД в регионах приграничья в 2016–2022 гг. зафиксировано от 22 % до 17 % фактов постановки на миграционный учет с целью работы. Лидирующие позиции по этим показателям занимали Челябинская, Новосибирская, Волгоградская и Самарская области, где действовали многочисленные ниши для иностранной рабочей силы (строительство, сельское хозяйство, сфера услуг, торговля и т. д.).

[42] ГАРФ. Ф. 10349. Оп. 1. Д. 191. Л. 42.

[43] ГАРФ. Ф. 10349. Оп. 1. Д. 345. Л. 58.

[44] ГАРФ. Ф. 10349. Оп. 1. Д. 650. Л. 57.

[45] Щербакова Е. М. Иностранная рабочая сила в России, 2022–2023 годы // Демоскоп Weekly. 2023. № 1005–1006. 31 октября — 13 ноября 2023. URL: http://demoscope.ru/weekly/2023/01005/barom01.php

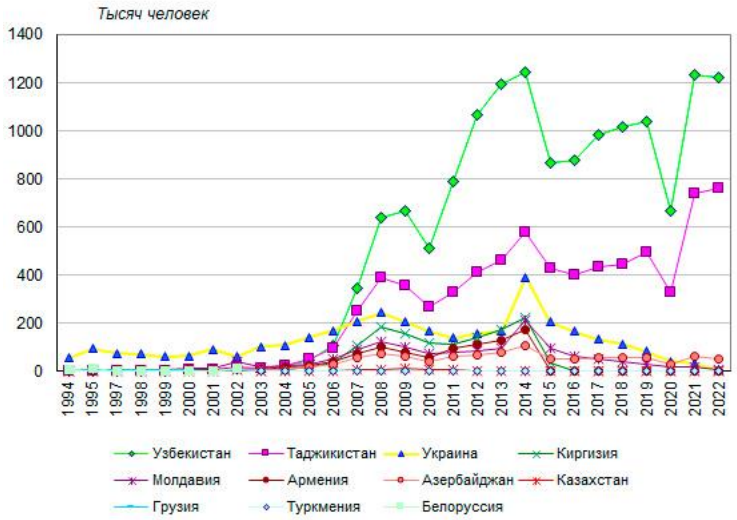

Рис. 1. Численность граждан стран СНГ, осуществлявших трудовую деятельность в России, 1994-2022 гг.[46]

Таблица 9

Регионы с наибольшим количеством оформленных патентов на право трудовой деятельности в 2014 г.[47]

Регионы	Доля от общего числа иностранных граждан, работавших по патентам
Москва	32,9 %
Московская область	16,5 %
Санкт-Петербург	4,4 %
Новосибирская область	**2,6 %**
Свердловская область	2,6 %
Самарская область	**2,2 %**
Краснодарский край	2,2 %
Иркутская область	1,9 %
Челябинская область	**1,5 %**
Ростовская область	1,5 %

[46] Данные 1994-2010 гг. — по данным МВД и ФМС России, включая лиц без гражданства; за 2011-2013 гг. представлено число имевших действующее разрешение на работу на конец года и получивших патенты на осуществление трудовой деятельности у физических лиц за год; 2014–2022 гг. — число имевших действующее разрешение на работу или действующий патент на конец года.

[47] ГАРФ. Ф. 10349. Оп 1. Д. 744. Л. 40.

Таблица 10

Количество фактов постановки иностранных граждан на миграционный учет с целью работы в 2016 — январе–июне 2023 гг.

	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Республика Алтай	1944	1990	1926	2026	459	5262	16694	9403
Курганская область	3965	4511	4191	3968	1576	8012	10393	3051
Астраханская область	16739	21369	24268	21715	9145	50696	64637	18506
Оренбургская область	31894	36678	31306	26699	7125	36306	44758	15659
Тюменская область	44678	51070	51538	52768	11782	92712	123840	31353
Алтайский край	12043	13736	15584	15874	4201	23427	33329	8473
Волгоградская область	32453	32450	31993	31955	17730	73418	102397	22081
Саратовская область	12419	14988	15104	14227	5821	30985	44271	13045
Омская область	11655	15236	21872	28227	8648	41615	48831	14407
Самарская область	106600	103416	82600	82443	23299	136543	168655	32661
Челябинская область	48760	52325	55469	58890	18783	99933	127085	38167
Новосибирская область	77863	79237	77401	81175	31746	133184	154675	52754
Регионы приграничья	401013	427006	413252	419967	140315	732093	939565	259560
Крупные экономические центры[48]	2454486	2883443	3075821	3405591	1537597	5112482	6314032	1922944
Итого РФ	4284181	4854004	5047788	5478249	2358827	9530 934	11801920	3529433

Принятие гражданства РФ — важный параметр для оценки миграционной ситуации. По подсчетам ФМС в 2015 г. в ряде регионов приграничья наибольшее количество фактов принятия в гражданство России происходило в Новосибирской, Омской и Челябинской областях.

[48] Под крупными экономическими центрами автор подразумевает Москву, Московскую область, Санкт-Петербург и Ленинградскую область

Таблица 11

Регионы с наибольшим число лиц, в отношении которых принято решение о приобретении гражданства РФ в 2015 г.[49]

Регион	Число лиц принятых в гражданство РФ
Московская область	11137
Воронежская область	8781
Липецкая область	8506
Новосибирская область	**8009**
Калужская область	7884
Тульская область	7139
Калининградская область	6408
Омская область	**6298**
Москва	6247
Челябинская область	**5815**

Таблица 12

Количество фактов принятия в гражданство РФ иностранных граждан и лиц без гражданства в 2016 — январе–июне 2023 гг.

	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	Итого
Республика Алтай	80	60	118	103	135	298	165	58	1017
Курганская область	1075	687	572	787	772	1035	1349	469	6746
Астраханская область	1276	1491	800	981	1109	1824	2075	565	10121
Оренбургская область	2100	1687	1831	2762	3348	5841	5768	2485	25822
Тюменская область	2334	1902	1989	3242	3329	5382	6163	3296	27637
Алтайский край	3192	2623	3003	3226	3506	5470	6376	2965	30361
Волгоградская область	5199	3926	3354	3743	3572	4576	5377	2195	31942
Саратовская область	5030	4440	3959	4619	4766	6144	6283	2300	37541
Омская область	5753	5044	5289	5998	4568	5863	6235	1609	40359
Самарская область	6144	7039	8472	8382	8723	11427	15257	7523	72967
Челябинская область	**9437**	**8488**	**9461**	**11367**	**9908**	**11634**	**18316**	**9460**	**88071**
Новосибирская область	**10002**	**10867**	**11371**	**12445**	**10533**	**14119**	**17503**	**6428**	**93268**
Регионы приграничья	53638	50271	52237	59674	56289	75634	92889	41376	482008
Итого РФ	265319	257882	269362	497817	656347	900380	691045	204988	3743140

[49] ГАРФ. Ф. 10349. Оп 1. Д. 744. Л. 42.

Таблица 13

Граждане государств Центральной Азии в регионах приграничья по данным переписей населения 2002, 2010, 2020 гг.

	Казахстан			Таджикистан			Узбекистан			Кыргызстан		
	2002	2010	2020	2002	2010	2020	2002	2010	2020	2002	2010	2020
Астраханская область	660	372	183	152	289	227	446	1009	559	135	180	28
Волгоградская область	1310	209	80	914	2083	422	2360	3758	378	360	122	21
Саратовская область	2388	571	403	491	370	436	1808	849	286	477	160	147
Самарская область	1801	560	678	2600	2620	1608	3823	3973	1838	1071	1212	474
Оренбургская область	3512	1154	859	958	1230	555	2386	1708	700	471	256	123
Челябинская область	5067	1303	1083	2822	2059	1277	1280	942	724	763	942	435
Курганская область	1168	447	305	49	220	190	107	151	138	139	192	34
Тюменская область	2898	935	1260	4093	6071	2603	1927	2786	1080	1892	2760	1304
Омская область	4688	2558	2530	456	320	265	601	928	361	689	549	182
Новосибирская область	3782	3064	3253	1612	5651	1825	1071	8589	1990	1219	3362	1224
Алтайский край	4728	1297	1547	799	426	708	1369	844	413	1026	272	200
Республика Алтай	195	56	33	20	18	6	58	84	27	80	43	27
Регионы приграничья	32197	12526	14234	14966	21357	12142	17236	25621	10514	8322	10050	6219
Итого РФ	69472	28060	27 234	64165	87123	61 248	70871	131062	67 696	28843	44611	32 511

В 2016 — первой половине 2023 гг. в регионах, прилегающих к российско-казахстанской границе, гражданство РФ приняли относительно малое в общем объеме количество лиц — порядка 12,8 %. В то же время, подавляющее

большинство фактов принятия в гражданство приходилось на участок границы с Украиной и близлежащие регионы, куда устремился поток украинской миграции. Например, в 2019 г. из 497 тыс. фактов принятия в российское гражданство 160 тыс. приходились на Ростовскую область, куда приезжали в основном жители ЛДНР. Значительную часть принятых в гражданство России они составляли в других крупных центрах европейской части России — Воронежская, Липецкая, Тульская, Калужская и Белгородская области, хотя и не все из них находились в приграничной полосе. Тем самым получение российского гражданства, во всяком случае в 2016–2019 гг., проходило среди «культурно близкого» россиянам русскоязычного населения Украины, Казахстана, Молдовы и Беларуси (См.: Кузнецова, 2020). В региональном измерении в числе лидеров по показателю приобретения гражданства РФ оставались Челябинская, Омская и Новосибирская области, где зачастую российское гражданство получали жители северного Казахстана и других государств Центральной Азии.

По итогам переписей населения численность казахстанцев на территории России сократилась, но их общая доля в приграничье осталась в среднем на уровне 45 %, что говорит о прочности транснациональных связей регионов российско-казахстанского приграничья. В то же время общая численность таджикистанцев, узбекистанцев и кыргызстанцев в стране возросла, но в регионах приграничья доля граждан Таджикистана оставалась на уровне 23–24 %, а Узбекистана и Кыргызстана несколько уменьшилась — с 24,3 до 19,6 % и 28,9 % до 22,3 % соответственно.

Выросла доля таджиков и корейцев. Из 200 тыс. таджиков, зафиксированных переписью населения 2010 г. в приграничье проживало порядка 27 % (в 2002 г. 25 %), а из 153 тыс. корейцев — порядка 17 % (в 2002 г. 14 %). Причем наиболее существенный прирост таджиков отмечен в Тюменской и Новосибирской областях, в меньшей степени в регионах Урала и Поволжья. Общая численность узбеков и кыргызов в России возросла, но их доля в приграничных регионах несколько уменьшилась (примерно на 3 %) в результате более активных миграций в регионы за пределами приграничья. Больше всего численность узбеков выросла в Самарской, Волгоградской, Челябинской, Тюменской и Новосибирской областях.

Таблица 14

Количество представителей этнических групп из Центральной Азии в регионах приграничья по данным переписей населения 2002, 2010, 2020 гг.[50]

	Корейцы			Таджики			Узбеки			Кыргызы		
	2002	2010	2020	2002	2010	2020	2002	2010	2020	2002	2010	2020
Астраханская область	2072	2939	1761	629	932	1256	1030	2658	3186	69	402	244
Волгоградская область	6066	7044	3246	2057	4674	3250	3012	6947	2826	173	292	257
Саратовская область	2533	4026	2746	1468	1686	2993	2140	2909	3358	311	547	708
Самарская область	1462	1699	935	4624	7195	12844	5438	11242	13048	733	2105	2406
Оренбургская область	1321	2080	1472	2455	4093	5080	3275	4964	5942	393	688	606
Челябинская область	959	905	471	5125	7375	12308	3057	6446	7628	604	1410	1430
Курганская область	212	169	76	237	569	866	313	536	544	141	504	290
Тюменская область	1662	1417	934	7968	14328	29792	7730	14743	18378	3075	8652	10800
Омская область	741	705	411	880	1257	1428	1244	2810	2541	644	1578	900
Новосибирская область	2154	3193	1315	2784	10054	9192	2047	12655	8199	1423	6506	6047
Алтайский край	1309	1214	672	1617	2087	5230	1956	2763	2220	163	558	672
Республика Алтай	128	144	105	84	123	96	149	262	204	439	238	222
Регионы приграничья	20619	25654	16164	29928	54373	86355	33393	68935	70094	8168	23480	26602
Итого РФ	148,5 тыс.	153,1 тыс.	87,8 тыс.	120,1 тыс.	200,3 тыс.	350,2 тыс.	122,9 тыс.	289,8 тыс.	323,2 тыс.	31,8 тыс.	103,3 тыс.	137,7 тыс.

Приграничье укрепилось как миграционная локальность, обрел целостность и спецификацию в миграционных обменах с Центральной Азией. С одной стороны, продолжились унифицированные процессы в виде прироста численности таджиков, но в то же время выделялись районы концентрации представителей определенных этнических групп, в частности корейцев (Волгоградская область), узбеков (Самарская

[50] Всероссийская перепись населения 2020. URL: https://fadn.gov.ru/otkritoe-agenstvo/vserossijskaya-perepis-naseleniya-2020/ ; Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств // Demoscope Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php

и Тюменская области) и кыргызов (Тюменская и Новосибирская области). Диверсификация миграционных связей характерна для регионов Поволжья и Западной Сибири. Многообразие транснациональных обменов невозможно охватить в рамках одной статьи, но циркуляция денег и вещей служила важным механизмом формирования и развития связей Центральной Азией и российского приграничья. В последние два десятилетия усилилась фрагментация приграничья: дифференцировались потоки миграции по этническому и профессиональному составу, выделялись регионы, «приоритетные» для получения гражданства и др. Все это служило косвенным индикатором формирования и развития региональных иерархий в приграничье в целом и «центры», служившие точками входа для дальнейшего движения определенных акторов.

Наряду с вынужденной и трудовой миграцией важную роль в развитии миграционной ситуации и дебатах по вопросам приграничья играли нелегальные перемещения. В риторике медиа, речах чиновников и на страницах научных изданий прочно закрепилось понятие нелегальной миграции. Аналитики российских спецслужб полагали, что в начале 2000-х гг. до 90% нелегальных мигрантов, находившихся на территории России, заезжали в страну именно через российско-казахстанскую границу. Зачастую с целью трудоустройства, занятия коммерческой деятельностью и т. д[51]. Однако помимо юридической неграмотности и банального желания экономить на нарушения миграционного законодательства шли также с целью провоза наркотических веществ, оружия и взрывчатки, наличных денег и контрабандных товаров.

В итоге одной из острых проблем, возникших после распада СССР, являлась нелегальная миграция. К категории нелегальных мигрантов относили тех, кто незаконно въехал на территорию страны, с нарушениями законодательства находился и осуществлял трудовую деятельность. Учитывая, что основная часть мигрантов приезжает из государств, с которыми действует безвизовый режим, а постановка на миграционный учет достаточно проста, основная часть нелегалов «возникала» на этапе получения документов на право трудовой деятельности. Сложности, сопровождавшие процедуру получения разрешения, способствовали тому, что увеличивалось число тех, кто работал без необходимых документов.

[51] ГАРФ. Ф. 10156. Оп. 1. Д. 318. Л. 72.

Тем самым возникал ряд непреднамеренных последствий со стороны законодателя. Ужесточение законодательства вытесняло трудовых мигрантов в «теневую» (а часто и криминальную) экономику. В конце 1990-х гг. распространились оценки, на наш взгляд, завышенные, согласно которым соотношение легальных и нелегальных мигрантов рассматривалось примерно, как 1 к 10.

В первом десятилетии XX в. значительную часть нелегальных мигрантов государству все же удалось вывести из тени. В 2007 г. квоты разрешений на работу были столь велики, что у иностранных работников не возникало существенных проблем в том, чтобы легально оформить свое пребывание и занятость. В дальнейшем порядок доступа иностранных граждан на российский рынок труда вновь ужесточили, что привело к увеличению численности нелегальных мигрантов. По разным сведениям, доля иностранных граждан, занятых с определенными нарушениями, могла достигать внушительных значений около 50–60 % от общего количества трудовых мигрантов.

Широких масштабов достигла нелегальная миграция и в регионы приграничья, они вплотную столкнулись с ее последствиями. На 1993 г. в 36 субъектах РФ не функционировали региональные отделения миграционной службы. В тех же субъектах, где отделения действовали, численность сотрудников составляла зачастую не больше 4–6 человек. В результате значительные по своим масштабам миграционные процессы на начальном этапе практически не контролировались государством. Сигналы, поступавшие в ФМС, свидетельствовали, что стремительно возрастал поток нелегалов или лиц, нелегально въезжавших в Россию через третьи страны[52]. Осознавая настоятельную необходимость усиления барьерной функции границы, государство с 1994 г. создало 114 контрольных постов в местах пересечения границы[53]. Миграционной службой Челябинской области неоднократно подчеркивалась незащищенность границы с Казахстаном[54]. Среди проблем, затруднявших учет и контроль перемещений иностранных граждан, назывались несоответствие нормативной базы, регулировавшей процессы миграции, предлагалось расширение сети пунктов

[52] ГАРФ. Ф. 10121. Оп. 1. Д. 135. Л. 6.

[53] ГАРФ. Ф. 10156. Оп. 1. Д. 318. Л. 80.

[54] ОГАЧО. Ф. Р-705. Оп. 1. Д. 70. Л. 4.

миграционного контроля за счет создания новых: Магнитогорск (аэро), Карталы и Троицк (ж-д), Варненский и Брединский районы (автомобильные)[55]. Главы Троицка и Магнитогорска для постановки барьера нелегальным каналам проникновения через государственную границу даже предлагали губернатору П. И. Сумину рассмотреть вопрос об установлении визового режима на территории Челябинской области для граждан государств Центральной Азии[56].

Расширению возможностей для контроля и учета мобильности серьезно препятствовали реорганизации и кадровые перестановки в центральном аппарате ФМС в 1999–2002 гг. В 1998 г. Госдума признала работу службы неэффективной[57]. После чего за один год в ФМС сменилось три руководителя. В мае 2000 г. миграционную службу вовсе упразднили, а ее функции передали в Министерство по делам федерации, национальной и миграционной политики Российской Федерации (Минфедерации), образованное на базе Миннац России[58]. В 2001 г. и само министерство ликвидируется, а ФМС передается в аппарат МВД, где ее полноценное функционирование началось только в феврале 2002 г. В общей сложности в ходе реорганизаций 2000–2002 гг. миграционная служба фактически не работала порядка 10 мес[59]. Данные меры предпринимались с целью усилить противодействие нелегальной миграции, но долгие «простои» шли во вред реализации данной задачи.

[55] ОГАЧО. Ф. Р-705. Оп. 1. Д. 80. Л. 5.

[56] Савельев И. «Границы будут закрыты для наркотиков» — заявил сегодня губернатор Челябинской области Петр Сумин // Uralpress. 2001. 26 июня. URL: http://uralpress.ru/news/2001/06/26/granitsy-budut-zakryty-dlya-narkotikov-zayavil-segodnya-gubernator-chelyabinskoi-obl (дата обращения: 11.11.2014).

[57] Постановление ГД ФС РФ № 3294-II ГД «О деятельности Федеральной миграционной службы России по реализации миграционной политики» от 2 декабря 1998 г. URL: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_456/doc456a512x113.htm (дата обращения: 14.12.2014).

[58] Указ Президента Российской Федерации № 867 от 17 мая 2000 г. «О структуре федеральных органов исполнительной власти» URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=45209;fld=134;dst=1000000001,0;rnd=0.9384499674197286 (дата обращения: 12.12.2014).

[59] Мукомель В. И. Миграционная политика России: Постсоветские контексты. М., 2005. С. 133.

По данным российских спецслужб только за 1997 г. на территорию России через границу с Казахстаном, составляющую 7500 км, проникло не менее 20 тыс. нелегалов. На начало 2000-х гг. до 90% нелегалов, попадавших в Россию, использовали именно этот коридор для проникновения в Россию[60]. По информации ФПС официальные данные не вполне позволяли судить о реальном положении дел. Реальные масштабы нелегальной миграции измерялись величинами примерно в 2–3 раза больше официальных[61]. За 1995–2000 гг. в 10 раз возросло число задержанных при попытке незаконного пересечения российско-казахстанской границы. Организаторы нелегальных миграционных маршрутов активно привлекали к содействию жителей приграничной полосы российско-казахстанской границы[62]. С целью защиты столь уязвимого и важного участка в 1998–2000 гг. на российско-казахстанской границе вступили в действие 32 поста иммиграционного контроля[63].

Тревогу пограничников вызывали участившиеся случаи пересечения границы автоколоннами в несколько машин с закрашенными номерами, транзитная нелегальная миграция организованными крупными группами. Встречались случаи, когда задерживали граждан Афганистана, Шри-ланки, Пакистана, Вьетнама, Бангладеш, и даже Сомали. Отсутствие постов миграционного контроля в Троицке, Карталах, Магнитогорске не позволяло осуществлять эффективный контроль транзитных и прямых миграций из Казахстана[64]. По сообщениям пограничников способствовали этим теневым маршрутам и группы, образованные выходцами из государств Южного Кавказа. Последние организовали доходный бизнес на перевозке и легализации лиц, желающих въехать в страну без контроля и в дальнейшем легализоваться[65]. Распространенный способ нелегального проникновения через границу выглядел следующим образом. На пути из Центральной Азии использовался железнодорожный транспорт, следовавший в Екатеринбург, Москву или Новокузнецк. За несколько км

[60] ГАРФ. Ф. 10156. Оп. 1. Д. 318. Л. 72.

[61] Вечерний Челябинск. 1998. 28 октября. С. 1.

[62] ГАРФ. Ф. 10156. Оп. 1. Д. 318. Л. 72

[63] Там же, Л. 81.

[64] ОГАЧО. Ф. Р-825. Оп. 1. Д. 436. Л. 22.

[65] Карталинская новь. 1999. 9 января. С. 3.

от государственной границы происходила высадка с поезда, после чего для дальнейшего передвижения нанимались в качестве водителей жители приграничных районов Казахстана и(или) России. После пересечения границы России, вновь использовались услуги железнодорожного транспорта[66]. Аналогичные способы нелегального пересечения государственной границы описывали информанты. Так в начале февраля 2000 г. с поезда Астана-Киев пограничники сняли 11 граждан Афганистана, пытавшихся пробраться на территорию России[67]. Такие случаи были не единичны. Только за 1997–1999 гг. на участке российско-казахстанской границе задержали 2 тыс. нелегалов, из них 1,5 тыс. являлись гражданами Афганистана[68].

Многочисленные инструменты и практики, образованные для обеспечения нелегальной миграции, способствовали развитию трансграничной преступности и коррупции. Фиксировались случаи, когда сотрудники милиции получали взятки от уличных торговцев из стран СНГ без надлежащих документов за право торговли и неприкосновенность[69]. Нелегалы избегали любого взаимодействия с представителями власти, но на случай таких обстоятельств каждый из них был осведомлен о путях решения проблемы, необходимых моделях поведения и суммах отступных. Приведем одно наиболее яркое свидетельство информанта: «В вашем лесу самый крупный зверь это милиционер, но и с ним можно договориться за хорошую «горсть монет»[70]. По свидетельству информантов, знакомых с практиками «уличной торговли» за решение проблем, связанных с нарушением правил торговли и (или) паспортно-визового режима суммы отступных составляли от 1 тыс. до 10 тыс. руб[71]. Такая практика перераспределения

[66] Шавкатов М. У незаконных мигрантов из Афганистана есть свой сценарий незаконных переходов государственной границы // Uralpress. 2001. 4 июля. URL: http://uralpress.ru/news/2001/07/04/u-nezakonnykh-migrantov-iz-afganistana-est-svoi-stsenarii-nezakonnykh-perekhodov-gos (дата обращения: 12.12.2014).

[67] Карталинская новь. 2000. 19 февраля. С. 1.

[68] Амелин В. В. Мигранты в Оренбуржье: проблемы социальной адаптации. Оренбург, 2002. С. 29.

[69] ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп 1. Д. 745. Л. 7.

[70] ПМА.

[71] ПМА.

ресурсов оказывалась востребована, поскольку нелегала интересовала возможность пребывать как можно дольше в стране, не платя при этом налогов и не регистрируясь где-либо.

Серия статей в региональной прессе привлекла внимание властей к вопросам, связанным с нелегальным пребыванием на территории области граждан Китая и республик СНГ[72]. В 1998 г. журналист газеты «Челябинский рабочий» Л. Лузин получил премию губернатора за серию статей по проблемам миграции и наркоторговли на Южном Урале[73].

Основным инструментом противодействия нелегальной миграции стали проверки предприятий и рынков, мест предполагаемого проживания иностранных граждан. В ходе только одной проверки на Заречном рынке г. Челябинска установлено, что нарушения паспортно-визового режима носили массовый характер[74]. К сожалению, в документах или прессе редко приводились количественные данные. Проведенные мероприятия показали, что проблема характерна и для сельской местности. В 1995–1996 гг. сотрудники Варненского, Кизильского и Карталинского РОВД выявили свыше 450 иностранцев (граждане Армении, Грузии, Таджикистана, Казахстана), нарушивших паспортно-визовый режим и правила временного проживания. Штрафами наказали 5 руководителей предприятий, которые нанимали иностранных граждан в обход законодательства и 20 владельцев недвижимости, сдавших им жилые помещения жилье[75]. Однако эти данные вряд ли отражали реальные масштабы нелегальной миграции, поскольку она очень прочно встраивалась в теневую экономику.

Областная администрация заключила в 1997–1999 гг. соглашения о сотрудничестве с ФПС с целью совместного обеспечения условий для охраны государственной границы и ФМС для совместных шагов по регулированию миграционных процессов[76]. Постановлением губернатора области от 20.08.1997 № 617 создавалась специальная рабочая группа для противодействия нелегальной миграции. Основным

[72] ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 529. Л. 106.

[73] ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 585. Л. 2.

[74] Челябинский рабочий. 1996. 18 января. С. 1. Точных данных о количестве нарушителей не приводится.

[75] Кизильский Вестник. 1995. 16 января. С. 3; Карталинская новь. 1996. 3 февраля. С. 3; Советское село. 1996. 15 декабря. С. 3.

[76] ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 362. Л. 15; Р-705. Оп. 1. Д. 70. Л. 2.

методом ее работы выступило проведение плановых проверок (ФМС, УВД, ФПС, ФСБ, налоговая служба)[77]. Проверки в 1997 г. показали, что реального наказания и ответственности не несли как работодатели, так и нарушители правил проживания и регистрации. Из проверенных 75 предприятий и фирм 14 не имели лицензий на привлечение иностранной рабочей силы. Удалось выявить не менее 160 граждан Армении и Таджикистана, находившихся на территории России без трудовых разрешений и нарушениями паспортно-визового режима[78]. Нарушались и правила ведения коммерческой деятельности. В 1998 г. проверки на рынках области позволили получить от «скрытых предпринимателей» 2,7 млрд руб[79].

В ходе операции «Рынок-99», например, в Челябинске выявили свыше 380 иностранцев, уклонявшихся от уплаты налогов. Это позволило пополнить бюджет области на 400 тыс. руб. Стоит признать, что выявленные лица составляли лишь малую часть, занятых в теневой экономике. Характерная ее черта высокая степень мобильности. Информант Ф. обращал внимание, что часто мигранты уезжали на заработки в соседние регионы, работали «сменами». В ходе большинства таких проверок задерживалось не менее нескольких сотен граждан, проживавших в Челябинской области с нарушениями (от 300 до 500)[80]. Так на территории г. Златоуст в 2002 г. проживало 893 иностранца. 312 из них на временных основаниях, 581 — постоянно. Проверки показали, что 346 из них находились в городе с нарушениями[81].

Оценки масштабов теневой занятости противоречивы. В. И. Мукомель подчеркивал, что в конце 1990-х были широко распространены оценки, согласно которым численность незаконных трудовых мигрантов превышала численность законных в 10 раз[82]. Региональные эксперты сообщали,

[77] ОГАЧО. Ф. Р-705. Оп. 1. Д. 41. Л. 6; Постановление Губернатора Челябинской области от 20.08.1997 N 617 «О мерах по предупреждению и сокращению неконтролируемой внешней миграции на территорию Челябинской области». URL: http://zakon-region2.ru/3/59282/ (дата обращения: 11.12.2014).

[78] ОГАЧО. Ф. Р-705. Оп. 1. Д. 70. Л. 4.

[79] ОГАЧО. Р-700. Оп. 1. Д. 506. Л. 4-5. Сумма указана без деноминации.

[80] Вечерний Челябинск. 1996. 14 октября. С. 1; ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 591. Л. 177; Д. 737. Л. 28; Д. 741. Л. 93; Д. 745. Л. 124.

[81] ОГАЧО. Р-825. Оп. 1. Д. 437. Л. 25.

82 Мукомель В. Миграционные процессы в России в 1985-2015 гг. URL: http://last30.ru/issue/migration/research/

что в область с целью трудоустройства прибыло 40-60 тыс. граждан республик бывшего СССР[83]. Только незначительная их часть оформляла трудовые разрешения, тогда как остальные работали нелегально. Проверить достоверность цифр и установить реальные масштабы теневого сектора с участием иностранцев не представляется возможным. Можно утверждать лишь о том, что развитие теневой экономики и образование рынка услуг для нелегальных трудовых мигрантов привело к потере региональным бюджетом 30–50 млн руб. ежегодно[84].

Этнический состав нелегальной миграции преимущественно составляли выходцы из государств Центральной Азии и Южного Кавказа, которые приезжали с целью трудоустройства или ведения коммерческой деятельности. В ходе специальных мероприятий на территории Челябинской области в 1999 г. выявили порядка 14,5 тыс. иностранцев, незаконно находившихся на территории региона. Из них 11 тыс. составляли граждане стран СНГ. Кроме того, малочисленные, но организованные группы нелегальных мигрантов из Китая и Таджикистана оказывали ощутимое влияние на криминогенную обстановку[85]. В частности, нарушался паспортно-визовый режим, правила занятия коммерческой деятельностью, совершались различные преступления. Феномен нелегальной миграции и теневой занятости способствовал формированию и развитию благоприятной среды для нарушений закона. С одной стороны, нелегал не мог рассчитывать на защиту правоохранительных органов и становился идеальной жертвой. С другой, он сам ускользал от контроля и учета соответствующих служб. Стремясь пресечь приток нелегальных мигрантов из Юго-Восточной Азии власти пытались контролировать привлечение иностранной рабочей силы по линии УВД, ОПВС, Таможенной службы[86].

[83] Не указано за какой срок произошел этот прирост. Наиболее вероятно, что речь шла о времени, прошедшем с распада СССР

[84] Постановление Законодательного собрания Челябинской области от 28.11.2002 № 740 «О принятии областной целевой миграционной Программы на 2003-2005 годы». URL: http://zakon-region.ru/1/136186 (дата обращения: 15.12.2014).

[85] Попов А. Н., Суворова Н. Н., Спицын А. Н. Управление миграционной безопасностью (Региональный аспект) Челябинск, 2002. С. 12.

[86] Постановление Губернатора Челябинской области от 12.04.99 № 146 «О плане мероприятий по предупреждению и сокращению неконтролируемой внешней миграции из стран Юго-Восточной Азии на территорию Челябинской области». URL: http://zakon-region.ru/1/137606/ (дата обращения: 07.12.2014).

Получить достоверные сведения о численности мигрантов в целом, нелегалов в частности, крайне сложно, поскольку подавляющая часть иностранных граждан приезжала на временные заработки. По этой причине многие предпочитали не заниматься оформлением официальных документов на право проживания и трудовой деятельности. По сведениям ФМС в январе-июне 2004 г. на законных основаниях в России работало 170 тыс. граждан стран СНГ, что могло составлять не более 7–10 % от реальной численности трудовых мигрантов. Длительное время граждане Украины являлись одной из наиболее многочисленных групп трудовых мигрантов. По оценкам руководителя московского Комитета граждан Украины В. Кириченко в России работало от 1 до 2 млн украинцев (по сост. на 2005 г.) и подавляющее большинство не фиксировалось статистикой[87]. Если брать официальные данные, то в первой половине 2005 г. трудились 236,5 тыс., из них 40 % составляли граждане Украины.

Таблица 15

Оценка численности незаконных мигрантов по регионам России, различающимся уровнем экономического развития и доходов

Тип регионов	Количество регионов данного типа	Число незаконных мигрантов по данному типу регионов, млн человек
«Лидеры»	3	1,2
«Опережающие по доходу»	21	0,8–0,9
«Середина, ниже среднего»	43	1,2–1,7
«Аутсайдеры»	21	0,06–0,07
Итого	88	3,2–3,9

Итоговая оценка численности нелегальных мигрантов, полученная на основе такого подхода, находится в диапазоне 3,2-3,9 млн. человек. Примерно треть из них находилась в столичных регионах и двух автономных округах (Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком), резко выделяющихся потребностями в рабочей силе и высокими заработными платами. Четверть — в 21 субъекте Федерации, более развитых в экономическом отношении,

[87] В РФ работают от 1 до 2 миллионов граждан Украины // Демоскоп Weekly. № 197–198. 4–17 апреля 2005. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2005/0197/panorm01.php#18

40-45% - в 43 субъектах Федерации со средним (или ниже среднего) уровнем экономического развития и доходов, около 2% незаконных мигрантов пребывали в 21 депрессивном регионе. Так на территории Свердловской области численность нелегальных мигрантов оценивали примерно в 15-20 тыс. чел.

Таблица 16

Оценка численности незаконных мигрантов: свод и экстраполяция оценок по субъектам Российской Федерации

Тип, регион	Незаконных мигрантов, тыс. чел., оценка	Незаконных мигрантов на 1000 населения	Численность незаконных мигрантов, тыс. чел. по данному типу регионов
«Лидеры», всего 3			1225
в т. ч.: Москва	900	86,7	
ХМАО	250	173,9	
ЯНАО	75	150,0	
«Опережающие по доходу», всего 21		10,0–17,6	782–918
в т. ч.: Петербург	30–100	6,5–21,5	
Самарская	**30**	**9,3**	
Вологодская	1–1,5	0,8–1,2	
Свердловская	15–20	3,4–4,5	
Московская	600	90,7	
Хабаровский	30–50	20,9-34,9	
«Середина», ниже среднего, всего 43		12,1–17,4	1172–1688
в т. ч.: Смоленская	1–1,5	1,0–1,4	
Удмуртия	12	7,7	
Калининградская	30	31,4	
Ростовская	20–30	4,5–6,8	
Алтайский	до 8	2,7	
Ставропольский	40–50	14,6–18,3	
Саратовская	**30**	**11,3**	
Астраханская	**30-55**	**29,2-54,7**	
Иркутская	5–12	1,9–4,7	
Бурятия	20–35	20,5–35,8	
Приморский	17–35	8,2–16,9	
Аутсайдеры, всего 21		3,0	57–67
В т. ч. Читинская	30–40	26,1	
Итого			3236–3898

Существенный недостаток таких подсчетов заключается в том, что региональные оценки сделаны по абсолютно разным методикам. В ряде случаев представители миграционных служб в качестве таковых называли мигрантов, имеющих российское гражданство, но не имеющих регистрацию по месту жительства или пребывания.

При таком подходе не учитывались такие важные параметры как продолжительность пребывания, половозрастной состав, основные сферы занятости, установки на адаптацию/интеграцию, включенность в различные социальные связи, в том числе транснациональные. Как отмечал В. И. Мукомель, многие мигранты из Азербайджана, Грузии и Вьетнама постоянно проживали в стране с определенными нарушениями, практически не посещали страны исхода и не отправляли туда заработанные деньги. Сезонные мигранты, в основном занятые в строительстве, находились на территории России примерно 6–9 мес. в году. Это в основном граждане государств Центральной Азии и Молдовы, работавшие в течении этого времени в России. Выделялись и те, кто приезжал на короткое время — жители приграничных регионов, торговцы, челноки и т. д.

Второй подход основан на учете миграции в стране исхода, и он представляется более взвешенным. Ниже представлены результаты одиннадцати исследований по государствам СНГ, нескольких исследований по России, ключевыми из которых были обследование Международной организации по миграциям (МОМ) в 2001–2002 гг. под руководством Г.С. Витковской и Международной организации труда (МОТ) в 2003 г. под руководством Е. Тюрюкановой.

Исследования и оценки, проведенные в странах исхода трудовых мигрантов, обычно не дифференцируют легальных и нелегальных трудовых мигрантов. Ниже приведены оценки, включающие и тех трудовых мигрантов, которые имеют законные основания для пребывания и занятия трудовой деятельностью в России. Число иностранцев, работающих в России в течение года, оценивается в 4,9 млн. Это число складывается из 2,2 млн постоянно занятых, 1,9 млн занятых в сезон и 0,8 млн работающих кратковременно. Число постоянно присутствующих в течение года на рынке труда в России рассчитывается как сумма чисел вышеназванных категорий мигрантов (постоянно занятых, сезонных и работающих короткий период), взвешенных по длительности пребывания,

и характеризует усредненную величину занятых постоянно в России в течение года. Это — около 3,2 млн человек.

Таблица 17

Оценка числа трудовых мигрантов (в тыс.) и их распределение по продолжительности работы в России

Государство гражданства	Число работающих в России	В том числе, работающие			Среднее число работающих	Среднее число месяцев пребывания в России
		постоянно, не менее 10 мес. в год	сезонно, от 5 до 9 мес.	от 1 до 4 мес.		
Азербайджан	1000	890	90	20	947	11,4
Армения	280	73	179	28	166	7,1
Грузия	117	63	47	7	87	9
Казахстан	100	22	73	5	59	7,1
Киргизия	180	40	131	9	106	7,1
Молдавия	154	74	71	9	110	8,6
Таджикистан	504	111	368	25	298	7,1
Узбекистан	390	86	285	20	231	7,1
Украина	1000	430	380	190	644	7,7
Другие, всего	1055	350	263	442	600	6,8
в т. ч. граждане						
Китая	800	136	232	432	306	4,6
Северной Кореи	55	44	8	3	48	10,6
Вьетнама	100	80	15	5	88	10,6
Афганистана	100	90	8	2	94	11,3
Итого	4850	2154	1948	749	3227	8

Данные оценки включают и трудовых мигрантов из стран СНГ и Юго-Восточной Азии, имеющих законные основания для пребывания и трудовой деятельности на территории России. Предполагая, что последние (чуть более 200 тысяч человек) примерно поровну делятся на работающих постоянно и работающих сезонно, получим, что численность незаконных трудовых мигрантов составляет 4,6 млн человек и включает 2,0 млн занятых постоянно, 1,8 млн работающих в сезон и 0,8 млн человек, занятых спорадически.

Приведенные выше оценки — скорее, верхний предел числа незаконных трудовых мигрантов: исследования и оценки в государствах-донорах, как правило, включают всех, выехавших из страны. Среди них и выехавшие на постоянное место жительства, в дальнейшем получившие российское гражданство, и выехавшие с иными целями, отличными от трудовой деятельности, и члены семей трудовых мигрантов. Ввиду невозможности разделения этих групп, вынужденное предположение, что все мигранты заняты трудовой деятельностью, завышает их число.

Самостоятельный интерес представляют оценки числа занятых во время пиковых нагрузок, в «горячий» сезон (весна-осень) и в «мертвый» сезон (осень-весна). Верхний предел первой оценки — результирующая занятых постоянно, в сезон и спорадически, нижний предел второй — численность только постоянно присутствующих на рынке труда. Похоже, в «горячий сезон» на рынке труда присутствуют до 4,6 млн незаконных мигрантов, в «мертвый» сезон их численность снижается до 2,0 млн человек.

Очень важен показатель среднего времени осуществления трудовой деятельности в России, в известной мере характеризующий степень интеграции/адаптации трудовых мигрантов из данного государства в России. Распределение потока из каждого государства в известной мере уникально и зависит от следующих факторов: основных сфер занятости — работа в строительстве, например, в отличие от торговли, логистики, автосервиса, предполагает большую долю сезонных мигрантов; масштабов и устойчивости «этнического» бизнеса, характера складывающихся мигрантских сетей. Чем больше представительство выходцев из данного государства (независимо от этнической принадлежности и гражданства) в российском бизнесе, тем вероятней, что выходцы из данного государства будут работать в России постоянно; численности диаспоры, включающей и выходцев из данного государства, имеющих российское гражданство, чем больше диаспора, тем легче происходит интеграция и тем больше доля тех трудовых мигрантов, которые живут в России постоянно, зачастую с семьями; расстояния от страны выхода до России и условий коммуникации между ними, стоимости проезда. Общая государственная граница резко повышает подвижность, особенно жителей приграничных

регионов, занятых в России преимущественно сезонно или спорадически[88].

Одним из основных инструментов противодействия нелегальной миграции стали систематические и массовые проверки документов, подтверждающих законность пребывания и осуществления трудовой деятельности иностранных граждан на территории Российской Федерации. Вот несколько примеров из практики ФМС. В ходе проведения масштабных проверок локаций, где работали и проживали иностранные граждане, только в 2010 г. выявлено 246 тыс. лиц без гражданства или иностранцев, которые незаконно находились на территории России. Для сравнения в ходе проверочных мероприятий в 2009 г. выявили порядка 272160[89].

Помимо нелегальной миграции ощутимым вызовом для государства и общества стал феномен, названный «этнической преступностью» . Реальная практика работы российских правоохранителей действительно показала, что в отдельных регионах иностранные граждане и лица с миграционным прошлым формировали преступные сообщества, но в тоже время реальные масштабы их деятельности оставались не столь значительны как об этом принято было писать в печатных и электронных медиа. Кроме того, степень влияния, которое миграция оказывала на криминогенную ситуацию сильно преувеличивалась, поскольку удельный вес преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, не превышал 3,5 % в целом по стране (по данным МВД за 2009 г.)[90].

«Этническими ОПГ» было принято именовать различные преступные группы, в основе которых находились землячества или они формировались преимущественно лицами одной этнической принадлежности. На наш взгляд, такой подход не только выглядит весьма спорно, но создает существенные социальные и познавательные риски. Во-первых, вольное обращение с прилагательным «этнические» придает социальной проблеме – преступности как таковой — нежелательные этнокультурные коннотации, что неверно. В итоге

[88] Мукомель В. Сколько в России незаконных мигрантов? // Демоскоп Weekly. 2005. № 207–208. 20 июня – 14 августа 2005. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2005/0207/tema02.php

[89] ГАРФ. Ф. 10349. Оп. 1. Д. 345. Л. 61.

[90] ГАРФ. Ф. 10349. Оп. 1. Д. 261. Л. 134.

ассоциальное поведение индивида или группы лиц расценивается как следствие их этнической принадлежности или наличия у них миграционного прошлого. Во-вторых, тем самым культивируются и укрепляются негативные этнические стереотипы. В-третьих, такой подход способствует росту этнической нетерпимости и мигрантофобских настроений. В-четвертых, любой проступок отдельного мигранта или группы лиц моментально приобретает негативный этнический подтекст, формируя образы и критерии оценок для этнической группы в целом. В результате образуется иррациональный и опасный для стабильности в обществе способ восприятия асоциального поведения сквозь призму этничности, т. е. преступное поведение воспринимается как следствие этнической принадлежности. Попытки анализа преступности становятся малопродуктивны. Автор предлагает рассматривать такие объединения как траснанциональные, сосредоточенные более чем в одной стране и вовлеченные в функционирование трансанциональных социальных полей. Неэффективность функционирования нормативно-правового поля, высокий уровень коррупции формировали благоприятную среду для транснациональной преступности. Дело в том, что все преступные группировки стремятся действовать в максимально комфортных для себя условиях. Если они их обнаруживают в соседнем государстве – они «перешагивают» государственные границы с целью реализации своих интересов в новом обществе, задействуют связи, контакты и вовлекают в свою деятельность новых акторов. В результате чего образуется интернациональный криминалитет, где этническое происхождение не играет ключевой роли, поэтому именно понятие транснациональной преступности представляется более целесообразным в контексте нашего исследования. Ниже мы попробуем рассмотреть влияние миграции на появление и активность таких сообществ.

В условиях, когда государственные институты не имели возможности для эффективного контроля государственных границ, а национальные экономики находились в состоянии болезненного перехода к рынку, все более отчетливый характер на постсоветском пространстве приобретала транснациональная преступность. По данным Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными видами преступлений (БКБОП) на территории государств-участников СНГ в 1999–2001 гг. органами внутренних дел государств

СНГ пресечена деятельность 1566 преступных сообществ, деятельность которых носила транснациональный характер, в общей сложности было раскрыто 26 тыс. преступлений. Розыск преступников, организованный межгосударственном уровне, позволил задержать 4644 опасных преступника, 3658 из которых выдали заинтересованные государства СНГ. По материалам работы БКБОП возбудили свыше 15,3 тысячи уголовных дел[91].

В Челябинске в структуре ОБГРП[92] в августе 2001 г. возникло отделение по борьбе с «этническими» преступлениями. В сфере внимания оперативников находилось около 10 тыс. выходцев из ближнего зарубежья. Подчеркивалась дифференциация сфер деятельности «этнических» ОПГ. Так, например, по отчетам милиции одни группы специализировались на наркотрафике, другие на квартирных и автомобильных кражах, уличных преступлениях[93].

Последствия нелегальной миграции и прозрачности границы не исчерпывались контрабандой китайских товаров широкого потребления. Более опасной формой активности трансграничных ОПГ стал наркотрафик. Каналы поставки запрещенных веществ начали активно действовать в 1990-е гг. и совпадали с маршрутами, которые использовались для нелегального проникновения в страну[94]. Учитывая значительную протяженность границы России и Казахстана (на участке Челябинской области она составляла 330 км), ее проницаемость, незаконное пересечение не вызывало трудностей. Южное приграничье стало коридором для трансграничного наркобизнеса и развития его «инфраструктуры» (нелегальные контакты, способы пересечения границы, ввоза грузов и проживания на территории Российской Федерации).

Доставка наркотиков осуществлялась через территории Троицкого, Чесменского, Карталинского, Брединского, Октябрьского, Варненского районов. В 1990-е гг. наметился неуклонный рост преступлений, связанных с незаконным

[91] За 3 года в СНГ обезврежено более 1,5 тысячи транснациональных организованных преступных сообществ // Демоскоп Weekly. № 45–46. 3–16 декабря 2001. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/045/panorama01.php#24

[92] МОБГРП — Отдел по борьбе с групповыми и рецидивными преступлениями

[93] Челябинский рабочий. 2002. 21 ноября. С. 1.

[94] ГАРФ. Ф. 10156. Оп. 1. Д. 318. Л. 72.

оборотом наркотиков. В 1998 г. их число возросло в 15 раз по сравнению с 1991 г (с 240 до 3900)[95]. По оперативным данным, поступавшим в УФСБ по Челябинской области, территория региона применялась для транзита наркотических веществ посредством устойчивых и отлаженных каналов из Афганистана и Центральной Азии. Так героин шел из Афганистана в Таджикистан, где происходило его сокрытие, подготовка к транспортировке в Россию через территорию Казахстана[96]. Приграничное положение области, ее расположение на пересечении воздушных, железнодорожных, автомобильных магистралей позволяло использовать ее территорию в этом качестве. Порядка 2/3 поступавших наркотиков следовали из Узбекистана, Таджикистана и Казахстана[97]. В 1996–1997 гг. в оперативной разработке находились 13–15 преступных группировок, занятых в наркобизнесе, численностью в несколько десятков человек[98]. Большинство из них действовали через каналы в республиках Центральной Азии и создавалось на базе родственных или близких межличностных отношений. В разработке правоохранительных органов находились цыганские, таджикские, армянские, азербайджанские семьи и группы[99]. Каждый из «узлов» таких группировок состоял из родственников, реже практиковалось рекрутирование земляков. Проводились регулярные проверки-рейды с целью пресечения их деятельности и изобличения участников[100].

По сведениям, которыми располагали силовые структуры в конце 1990-х гг. через территорию Челябинской области раз в месяц проходило 3–5 крупных поставок. В сумме они составляли свыше 100 кг героина, не считая иных наркотических веществ. Порядка 10 % от ввезенного объема наркотиков дельцы продавали на территории региона [101]. Уже в 1992 г. начались задержания партий наркотиков. При проверке в машине жителя Кустаная обнаружили передвижную лабораторию по производству морфина, задержали несколько

[95] ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 595. Л. 33; Д. 596. Л. 9; Д. 735. Л. 34.

[96] ОГАЧО. Ф. Р-825. Оп. 1. Д. 435. Л. 41.

[97] ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп 1. Д. 430 Л. 122.

[98] Там же, Л. 69; Д. 596 Л. 113.

[99] ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 429 Л. 1; Ф. Р-825. Оп. 1. Д. 435. Л. 41.

[100] ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 741. Л. 241.

[101] ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп 1. Д. 742. Л. 38.

групп наркодельцов. Уже к 1994 г. действовали отлаженные каналы поставок анаши, опия и маковой соломки из Казахстана, Узбекистана и Таджикистана[102].

Активное международное сообщение, прежде всего железнодорожное, ощутимо влияло на деятельность транснациональных преступных сообществ. Все чаще сотрудники УВД на транспорте сталкивались с вооруженными людьми или курьерами. Так только за неполный 1994 г. в пригородных, пассажирских и грузовых поездах удалось изъять[103] не менее 90 кг наркотических веществ, десятки фальшивых документов, единиц огнестрельного оружия и боеприпасов к ним[104].

В 1995 г. сотрудники МВД пресекли крупный канал поставок марихуаны из Казахстана, организованный цыганской группировкой. Используя поезд, курсировавший между Казахстаном и Россией, они пытались провести 65 кг марихуаны[105]. В 1997 г. оперативники прекратили деятельность еще одной аналогичной группы, изъяв свыше 400 кг. наркотического вещества[106]. Анализ каналов поставок наркотических веществ показал активное использование железнодорожного транспорта, следовавшего из республик Центральной Азии в Россию. За 1998 г. сотрудниками УВД на транспорте зарегистрировали 30 фактов изъятия наркотиков, изобличили цыганскую семью, занятую в их поставке и сбыте[107].

Росла опасность совершения преступлений в международных поездах, следовавших через территорию Челябинской области. Только за 1998–1999 гг. иностранные граждане в поездах дальнего следования совершили свыше 1200 преступлений: кражи, грабежи, контрабанда, убийства[108].

Во второй половине 1990-х гг. активизировались ОПГ, образованные выходцами из Таджикистана. Так в 1998 г. сотрудники УВД г. Магнитогорска задержали курьера данной группировки, везшего 2 кг опия. В автомобиле «КАМАЗ», шедшем с территории Таджикистана, изъяли 23,5 кг

[102] Челябинский рабочий. 1994. 28 сентября. С. 5.

[103] В основном изъятия происходили в поездах, шедших из Казахстана

[104] Челябинский рабочий. 1994. 17 сентября. С. 1.

[105] Челябинский рабочий. 1995. 17 марта. С. 2.

[106] ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 595. Л. 33.

[107] ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп 1. Д. 742. Л 5.

[108] Рассчитано автором по: ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 591. Л. 86; Д. 737. Л. 40.

героина. По оперативным данным груз принадлежал одной из таджикских ОПГ[109]. К концу 1990-х гг. активные миграционные обмены с Узбекистаном, Таджикистаном, Киргизией, в том числе, нелегальные, осложнили криминогенную обстановку в Магнитогорске[110]. Выходцы из Таджикистана оформились в сообщества, объединенные родственными, межличностными и земляческими связями — преимущественно представляя Курган-тюбе, Ура-тюбе. Многие являлись нелегалами, нигде не регистрировались, работали и перемещались между населенными пунктами региона, Россией и республиками Средней Азии. Отдельные их сегменты образовали преступные группировки, занятые в доставке и оптовом распространении наркотиков с помощью налаженных каналов поставок из Центральной Азии. Наркотические вещества погружались в фургон с овощами, сухофруктами или укрывался в тайниках, смонтированных в самой конструкции грузовиков[111]. Так в 1998 г. оперативники г. Копейск пресекли деятельность трех цыганских группировок и перекрыли один крупный канал поставок марихуаны из Казахстана[112].

По оперативным данным поставками наркотических веществ занимались небольшие группы, возглавляемые «мелкими» уголовными авторитетами из таджикских и цыганских ОПГ[113]. В 1999 г. в Варненском районе области задержали крупную партию марихуаны, предназначенную для Московской области. Вес изъятого наркотика составил 1,5 т., груз шел из Кыргызстана[114]. В 2000 г. дельцы с помощью тайников, встроенных в конструкцию автобусов пытались провезти две крупные партии героина. Первый шел из Ленинабада в Екатеринбург и вез 46 млн. доз. Второй следовал из Ходжента в Новокузнецк с 37 кг на борту[115].

Правоохранительные органы вели борьбу с каналами поставок наркотиков на территорию области. За 1999 г. возбудили 50 уголовных дел в отношении участников т.н. «этнических» опг. В ходе специальной операции удалось пресечь

[109] Сельские новости. 1998. 16 апреля. С. 3.

[110] ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 595. Л. 64.

[111] Там же, Л. 33.

[112] Копейский рабочий. 1998. 16 сентября. С. 3.

[113] Копейский рабочий. 1998. 10 апреля. С. 3.

[114] ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп 1. Д. 735. Л. 34.

[115] Вечерний Челябинск. 2000. 19 февраля. С. 1.

«сходку» уголовных авторитетов с участием «этнических» опг[116]. Кроме того, пресекли деятельность двух группировок, образованных выходцами из республик Южного Кавказа, занимавшихся контрабандой, фальсификацией алкогольной продукции, вымогательствами[117]. Несмотря на все усилия государства и региональных спецслужб, в трансграничном наркобизнесе на конец 1990-х гг. были задействованы в целом все те же группы[118].

Ситуация значительно осложнялась тем, что «местные» ОПГ (их действовало на территории Челябинской области не менее двух десятков) заинтересовались сотрудничеством с трансграничными. Это означало для них получение доли доходов от сверхприбыльного наркобизнеса, расширение сетей контактов[119]. Происходило интенсивное сращивание интересов различных криминальных элементов без учета их этнической принадлежности, формировался интернациональный криминалитет. Состав трансграничных ОПГ образовывали русские, узбеки, кыргызы, таджики, цыгане, азербайджанцы, армяне и др. Численность каждой из них составляла в среднем не более 10–15 человек, что не соответствует представлению о массовости членства в них.

В документах Совета безопасности Челябинской области особенно отмечалось, что «компактно проживающие цыганские и таджикские диаспоры» способствовали развитию на территории региона сетей международного наркобизнеса[120]. Наиболее важную роль в этих связях играли — по данным правоохранителей — мигранты из Таджикистана, занятые в транспортировке запрещенных веществ из Афганистана. Это происходило под прикрытием в виде работы легальных торговых предприятий и бизнес структур, передвижения групп трудовых мигрантов между странами и др[121].

Таким образом, в настоящем разделе решены две ключевые исследовательские задачи. Первая — комплексная оценка этнодемографических и социально-экономических эффектов миграций — реализована через доказательство

[116] ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 737. Л. 18.
[117] Там же, Л. 37; Д. 736. Л. 16.
[118] ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп 1. Д. 429. Л 1.
[119] ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп 1. Д. 595. Л. 33.
[120] ОГАЧО. Ф. Р-1879. Оп. 1. Д. 8. Л. 46.
[121] ОГАЧО. Ф. Р-1879. Оп. 1. Д. 8. Л. 54.

системообразующей роли миграционного притока из Центральной Азии для демографической стабильности российского приграничья. На основе конкретных статистических данных (включая 144-процентное замещение убыли населения в 2011 г. и долю русских среди 2,7 млн мигрантов первого постсоветского десятилетия) показано, что именно миграция предотвратила необратимую депопуляцию в регионах Урала и Сибири. Кроме того, введено и обосновано различение двух исторических этапов — вынужденной миграции 1990-х, завершавшейся закреплением и изменением постоянного состава населения, и трудовой циркулярной миграции 2000-х, которая, слабо отражаясь в официальной статистике, тем не менее существенно трансформировала рынок труда и этнический облик крупных городов. Тем самым дана не описательная, а структурная характеристика эффектов каждого из этих потоков.

Вторая задача — классификация практик мобильности — решена путём построения не формальной, а исторически конкретной типологии, основанной на различиях в статусных режимах и актуальных поведенческих сценариях акторов. Выделены три типа — вынужденная, трудовая и транзитная мобильность, — причём каждый из них охарактеризован через реальные способы пересечения границы, стратегии легализации и закрепления, а не через абстрактные критерии. Особое значение имеет анализ нелегальной миграции как особого типа, в котором граница выступает не барьером, а ресурсом для теневой экономики; этот вывод не замыкает классификацию, а подводит к следующему уровню анализа — структурно-функциональному, что создаёт содержательный мостик к последующим главам. В итоге предложенная классификация приобретает объяснительную силу, позволяя связать каждый тип мобильности с конкретными социально-экономическими последствиями для приграничных территорий.

РАЗДЕЛ 2

КОРЕ САРАМ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ:

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ И ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ

Как мы убедились выше после распада СССР миграции из Центральной Азии приобрели широкомасштабный характер (вынужденные, трудовые и др.). Одной из заметных этнических групп, вовлеченных в эти сложные миграционные обмены между постсоветскими государствами, являлись корейцы. Сложное социально-экономическое положение, сложившееся в государствах Центральной Азии и наличие миграционных связей, сформированных на предыдущем историческом этапе — все это способствовало росту численности корейских общин в российских регионах. Не являлся исключением и Урал. Данные постсоветских переписей населения демонстрируют, как увеличивалась численность корейцев в России. В приграничных регионах — в данном случае в Челябинской и Оренбургской областях — сложились сообщества корейцев, прибывших из государств Центральной Азии. Они принимали участие в создании корейских общественных объединений, формировались транснациональные связи как со страной исхода, так и исторической родиной. В данном разделе на примере корейцев показаны транснациональные практики, опыт жизни «здесь» и «там».

***

Таблица 18

Численность корейцев в СССР и РФ в 1926–2010 гг.[1]

	1926	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
СССР	86999	182339	313735	357507	388926	438650		
РСФСР	86854	11462	91445	101369	97649	107051	148556	153156
Туркмен. ССР	-	40	1919	3493	3105	2848	-	4400
Узб.ССР	30	72944	138453	151058	163062	183140	163787	184699
Тадж.ССР	-	43	2365	8490	11179	13431	1696[2] (2000)	634
Кир.ССР	-	508	3622	9404	14481	18355	19784 (1999)	17124 (2020)
Каз.ССР	-	96453	74019	78078	91984	103315	99665 (1999)	108551 (2020)

[1] Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств // Demoscope Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php

[2] Для государств Средней Азии год Переписи указан в таблице в скобках.

Появление корейцев в России относится к середине XIX — началу XX вв. В более чем полуторавековой истории корё сарам можно выделить три периода: «дальневосточный» — с момента переселения в Россию и до 1937 г.[3].; 2) «среднеазиатский» связан с депортацией и проживанием в Казахстане и Узбекистане вплоть до распада СССР[4]; «постсоветский» характеризуется высокой пространственной мобильностью, формированием корейских сообществ во многих частях бывшего СССР[5].

Основной массив научной литературы о корейцах посвящен главным образом первым двум историческим этапам. Касаясь современной ситуации, мы обнаруживаем многочисленные содержательные и территориальные лакуны. В их числе находятся трансграничные связи и контакты мигрантов, их биографии, позволяющие увидеть опыт жизни «там»

[3] Ким Сын Хва. Очерки по истории советских корейцев. Алма-Ата: Наука, 1965; Hara T. The Korean movement in the Russian Maritime Province, 1905–1922 // Koreans in the Soviet Union. Honolulu, HI: Center for Korean Studies, 1987. P. 1 – 23; Wada H. Koreans in the Soviet Far East, 1917–1937 // Koreans in the Soviet Union. Honolulu, HI: Center for Korean Studies, 1987. P. 24–59; Fuchs M. The Soviet Far East as a strategic outpost and the regional authorities' nationality policy: the Korean question, 1920–1929 // Sibirica. 2004. Volume 4. No. 2. P. 201–227.

[4] Djarylgasinova R.Sh. On the Question of Cultural Convergence of the Koreans of the Uzbek SSR with Neighboring Peoples // Soviet Anthropology and Archeology. 1968. Volume 7. Issue 1. P. 26–35; Djarylgasinova R.Sh. Basic Tendencies of Ethnic Processes Among the Koreans of Central Asia and Kazakhstan [Part I] // Soviet Anthropology and Archeology. 1981a. Volume 20. Issue 2. P. 56–71; Djarylgasinova R.Sh. Basic Tendencies of Ethnic Processes Among the Koreans of Central Asia and Kazakhstan Part II // Soviet Anthropology and Archeology. 1981b. Volume 20. Issue 3. P. 3–30; Huttenbach H. R. The Soviet Koreans: Products of Russo-Japanese imperial rivalry // Central Asian Survey. 1993. Volume 12. Issue 1. P. 59–69; Gelb M. An Early Soviet Ethnic Deportation: The Far-Eastern Koreans // The Russian Review. 1995. Volume 54. No. 3. P. 389–412.

[5] Бугай Н. Ф. Российские корейцы: новый поворот истории. 90-е г. Москва: Русское слово, 2000; Kim G. N. Koryo saram, or Koreans of the former Soviet Union: In the past and present // Amerasia Journal. 2003. Volume 29. Issue 2. P. 1–7; Бугай Н. Ф. Корейцы стран СНГ: общественно-«географический синтез» (начало XXI века). Москва: Институт истории РАН, Общероссийское объединение корейцев, 2007; Park H. A House of Our Own: Diaspora Politics Among Koreans in the Russian Far East // The Asia Pacific Journal of Anthropology. 2015. Volume 16. Issue 5. P. 431–447.

и «здесь», проследить пересечение, сопряжение границ между локальным и транснациональным[6]. Существенная исследовательская проблема заключается в том, каким видят корейцы свое будущее, намерены ли они остаться в Челябинске, Екатеринбурге или Перми, возможно они планируют вернуться в Узбекистан или Казахстан, кто-то со временем обнаруживает в себе готовность эмигрировать в Южную Корею или любую другую страну.

Говоря о корейцах, прибывших еще в советское время, важно подчеркнуть положение Уральских регионов относительно общегосударственных миграционных перемещений, с одной стороны, прочные связи с республиками советской Средней Азии и Казахстаном — с другой. Будучи крупными центрами транзитной миграции, промышленности, образования и науки, Челябинск, Свердловск, Пермь и Оренбург, привлекали жителей из разных уголков СССР. В постсоветский период сюда приезжали внутрироссийские и международные мигранты — вынужденные, трудовые, образовательные и др. Наиболее динамичные перемещения на разных этапах были связаны с государствами Центральной Азии. Заметная роль в структуре этих миграций принадлежала корейцам, их численность за постсоветские годы существенно возросла. Большинство из них, даже несмотря на продолжительный опыт проживания на Урале, по-прежнему сохранили прочные связи с государствами исхода — Узбекистаном и Казахстаном. Формируются новые контакты в других регионах России и странах дальнего зарубежья.

Трансграничные мигранты, в данном случае корейцы, численность которых между 1989 и 2002 гг. в России возросла примерно в 1,4 раза[7], находясь продолжительный период времени в принимающем обществе, формировали разветвленные социальные и экономические сети, вырабатывали

[6] Ни М. Л. Этническая идентификация и транснациональные практики российских корейцев в Санкт-Петербурге // Мониторинг общественного мнения. 2017. № 1. С. 209–224; Ahn E. S. Tracing the Language Roots and Migration Routes of Koreans from the Far East to Central Asia // Journal of Language Identity & Education. 2019. Volume 18. Issue 4. P. 222–235.

[7] Мукомель В. И. Миграционная политика России: Постсоветские контексты. Москва: Диполь&Т, 2005. С. 63.

механизмы взаимной поддержки и кооперации[8]. Многие корейцы являлись гражданами Казахстана и Узбекистана, что существенно затрудняет более или менее достоверные подсчеты численности корейцев, проживавших в регионах Урала на временных основаниях.

Таблица 19

Численность корейцев в регионах Урала в 1939–2020 гг.[9]

Область / Республика	1939 г.	1959 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2021 г.
Оренбургская область[10]	85	н/д	385	1321	2080	1472
Челябинская область	291	449	463	959	905	471
Свердловская область	108	н/д	632	1238	1195	631
Пермская область[11]	368	н/д	312	504	555	225
Башкортостан[12]	32	н/д	237	722	777	492
Итого на Урале	884	н/д	2029	4744	5512	3291
Итого РСФСР/РФ	11462	91445	107051	148556	153156	87819
Итого в СССР	182339	313735				

Согласно данным переписи населения в 2002 г. в регионах Урала корейским языком владели в общей сложности 1751 чел., при том, что численности самих корейцев в разрезе по национальному составу составляла 4744 чел. Информанты отмечали, что корейским языком по их опыту владеет лишь незначительная часть корейцев, не превышающая половины или трети. Эти оценки косвенно подтверждаются результатами переписи населения. В основном знание корейского языка находится на уровне чтения базовых иероглифов, понимания и умения использовать простые разговорные фразы. Обычно

[8] Дятлов В. И. Миграции, мигранты, «новые диаспоры»: фактор стабильности и конфликта в регионе // Demoscope Weekly. 2007. № 271–272. 1–21 января 2007. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0271/analit01.php

[9] Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств // Demoscope Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php ; Всероссийская перепись населения 2020 г. Национальный состав. URL: https://fadn.gov.ru/otkritoe-agenstvo/vserossijskaya-perepis-naseleniya-2020/

[10] В 1938–1957 гг. Чкаловская область

[11] В 1940-1957 гг. Молотовская область

[12] В 1919-1990 гг. Башкирская АССР

корейский понимают примерно также как казахский и узбекский языки (в зависимости от страны исхода).

Таблица 20

Численность корейцев и лиц, владевших корейским языком в регионах Урала по данным переписи населения 2002 г.

Область / Республика	Численность лиц, владеющих корейским языком, 2002 г.	Численность корейцев
Оренбургская область	506	1321
Челябинская область	377	959
Свердловская область	407	1238
Пермская область	178	504
Башкортостан	283	722
Итого на Урале	1751	4744
Итого РФ	60088	148556

Обращает на себя внимание неравномерное расселение корейцев в городской и сельской местности. Во всех регионах за исключением Оренбургской области, корейцы образуют преимущественно группу городских жителей, тогда как в Оренбургской области большинство корейцев было зафиксировано именно в сельских районах.

Таблица 21

Распределение корейцев Урала по полу и местности проживания по данным переписи населения 2010 г.

	Городское население			Сельское население			Городское и сельское население		
	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.	оба пола
Оренбургская область	68	333	701	741	638	1379	1109	971	2080
Челябинская область	412	372	784	73	48	121	485	420	905
Свердловская область	538	476	1014	117	64	181	655	540	1195
Пермская область	240	246	486	51	18	69	291	264	555
Башкортостан	304	249	553	128	96	224	432	345	777
Итого на Урале	**1562**	**1676**	**3538**	**1110**	**864**	**1974**	**2972**	**2540**	**5512**

В ходе полевых исследований в Оренбургской области информанты объясняли это преимущественно аграрной спецификой данного региона, отсутствием в Оренбурге, Орске или Новотроицке таких крупных торговых площадок какие сложились, к примеру, в Челябинске или Екатеринбурге. Определенное внимание в собранных интервью уделялось и более высокой конкуренции с представителями других групп местного и мигрантского населения за возможность получения доступа к той или иной торговой нише. По этой причине многие корейцы оседали преимущественно в сельских районах, а не в областном центре или других городах. Кроме того, существенная часть корейцев, проживающих в этой части Южного Урала, являются выходцами из Казахстана, где они сами или их старшие родственники имели опыт работы в сельскохозяйственном секторе. По этой причине на территории Оренбургской области заметен сельскохозяйственный характер расселения корейских мигрантов. Как показывают результаты переписи населения 2010 г., в остальных регионах численность горожан существенно выше.

Добавим, что по данным переписи населения 2010 г. в регионах Урала зафиксировано 259 уроженцев КНДР (151 — на территории Челябинской области), скорее всего в ходе переписи населения учли рабочих, длительное время трудившихся в российских регионах и образовательных мигрантов[13].

Таблица 22

Место рождения информантов-корейцев

	Челябинская область (2019-2025 гг.)		Оренбургская область (2019-2025 гг.)	
	Общее количество опрошенных	Общее количество опрошенных (в %)	Общее количество опрошенных	Общее количество опрошенных (в %)
Узбекистан	19	19 %	38	38 %
Казахстан	45	44 %	21	21 %
Таджикистан	1	1 %	0	0 %
Кыргызстан	1	1 %	0	0 %
Др. города России	13	13 %	19	19 %
Регион проведения исследования	23	23 %	21	21 %

[13] Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств // Demoscope Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php

Кроме того, полевые исследования показали, что корейские сообщества в уральских регионах формировали различные по своей траектории миграционные потоки. По наблюдениям президента ассоциации пермских корейцев Ким В. Х., в Прикамье приезжали в основном корейцы из Узбекистана, в начале нулевых численность корейцев оценивалась примерно в сотню семейств[14]. В Свердловскую область, преимущественно Екатеринбург, приезжали уроженцы Узбекистана, тогда как в Челябинскую и Оренбургскую области ехали в основном те, кто родился и провел первые годы жизни в Казахстане. Эта дифференциация объяснялась информантами тем, что российские регионы, расположенные на российско-казахстанской границе, привлекали своей географической близостью, наличием налаженных ранее социальных связей, облегчавших переезд, трудоустройство и поиск жилья. Ко всему прочему Челябинск нередко рассматривался как «более доступная» альтернатива Екатеринбургу для трудоустройства в городе-миллионнике, для открытия и ведения бизнеса и др.

Подавляющее большинство информантов призналось, что совершенно не владеют корейским языком. Представители старшего поколения (40–60 лет), обучавшиеся еще в советское время в Казахстане и Узбекистане, владеют корейским языком на элементарном уровне и могут ограниченно применять его в быту. По словам интервьюируемых преподавание на корейском возрождали после войны, и оно сохранялось в той или иной форме вплоть до 1970-х гг. в результате чего корейский язык практически полностью исключили из сферы образования. Валерий (приехал из Казахстана в 1997 г.) отметил, что все преподавание у него велось на русском языке, порядка 2–3 часов в неделю учили немецкий. Корейский использовался только в среде старших родственников (бабушка и дедушка). Проживание в местах компактного расселения корейцев, повседневное общение с родственниками и соседями — все это позволяло сохранять определенные языковые навыки. Однако на момент проведения полевых исследований информанты констатировали, что язык постепенно исчезает из обихода, поскольку дети и внуки предпочли изучать европейские языки, реже китайский. Корейский воспринимается в лучшем случае на уровне нескольких базовых фраз, которые заучиваются, чтобы не утратить идентичность

[14] Российские корейцы. 2000. № 6. С. 8.

полностью. Тем самым способность представить хотя бы сжатый рассказ о себе (меня зовут, сколько мне лет, я живу в таком-то городе, работаю по такой-то специальности) на корейском языке рассматривается как один из маркеров самоидентификации, позволяющий хотя бы лаконично, но все подчеркнуть свою «корейскость».

Джарылгасинова Р. Ш. отметила, что за более чем полтора столетия жизни в России корейцы все же сохранили отдельные черты традиционной календарной и праздничной обрядовости, в том числе касающиеся проведения свадеб, погребения[15]. Практически все информанты встречают Новый год по лунному календарю, чтят некоторые важные даты, связанные с историей Кореи, сохраняют элементы свадебного торжества (хотя в основном это касается праздничного меню) и жизненного цикла человека (первый год жизни ребенка, 60-летний юбилей).

Важным параметром транснациональности являлись представления информантов о родине и связи с ней. Применение транснационализма в качестве теоретической оптики позволяет рассмотреть одновременное пребывание информантов «там» и «здесь». Уезжая в Россию, государства Центральной Азии, республику Корея и (или) возвращаясь домой, акторы сохраняют тесные связи с этими локальностями посредством сети интернет, деловых и человеческих отношений. Тем самым формируется эффект постоянного присутствия даже на расстоянии, что порождает раздвоенное пребывание между «здесь» и «там», «своими» и «чужими», «традицией» и «модерном», «мегаполисом» и «селом». Приспосабливаясь к дальним расстояниям и средствам коммуникации, движению «туда» и «обратно», изменению ролей и статусов, практики и идентичности приобретают транснациональный характер. Тем самым возникает возможность фокусировать исследовательское внимание на состоянии актора до и после его путешествия[16]. Транснационализм предполагает широкий охват сюжетов и объектов для исследования: семья как базовая единица

[15] См.: Джарылгасинова Р. Ш., Ионова Ю. В. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии: Новый год. М.: Наука, 1985

[16] Абашин С. Н. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 3–13; Джанызакова С. Д. «Здесь и там» в мигрантских историях выходцев из Кыргызстана в России (случай Томска) // Сибирские исторические исследования. 2019. No. 3. Pp. 72–86.

анализа; смещение исследовательской оптики с принимающей стороны в сторону пропорционального изучения и принимающего, и отправляющего сообществ; транснациональность социального пространства; транснационализм vs диаспора[17]. Возможно, что в рамках данного проекта не все эти объекты получилось изучить равнозначно, но собранный материал позволил автору диагностировать и описать большинство транснациональных аспектов жизни корейцев, прибывших на Урал в последние десятилетия.

Миграция в составе семьи, а для корейцев это наиболее часто практикуемая форма миграции в Россию еще с XIX в., требует от старшего поколения приложения серьезных усилий для интеграции в принимающее сообщество. Как показали полевые материалы, мигрантская семья — это базовая социальная единица, в рамках которой формируются, крепнут и развиваются транснациональные связи. Так в кругу семьи до подрастающего поколения доносят смыслы таких понятий как «дом», «родина», «возвращение», «переезд» куда-либо. Все это серьезно усложняет выбор будущего, делает его более многовариантным, поскольку появляется большое количество альтернатив.

При этом дети мигрантов-корейцев воспринимают родину родителей в лучшем случае как место проведения летних каникул. До 2023–2024 гг. автор не встречал случаев, когда дети из таких семей отдавали предпочтение вузам в Узбекистане и (или)переезжали туда. На фоне событий, развернувшихся на верхней хронологической рамки исследования, некоторые представители корейской этнической группы переехали учиться в Узбекистан или заниматься бизнесом. Крайне важным фактором для последней стратегии послужила личная инициатива информантов и реформы, способствовавшие ощутимому улучшению инвестиционного климата в стране. Однако для эмиграции рассматриваются зачастую иные варианты — это Республика Корея, США или крупные российские города. Существование транснационального настоящего, в котором пребывают наши информанты, дает им основания для реализации сценариев будущего по обе стороны той или иной

[17] Капустина Е., Борисова Е. Обзор теоретической дискуссии о концепции транснационализма // Жить в двух мирах: переосмысляя транснационализм и транслокальность / Под ред. С. Н. Абашина, О. Е. Бредниковой. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 14–29.

государственной границы[18]. Транснациональность состоит в том, что и «там», и «здесь» мигранты имеют родственников и друзей. С ними поддерживаются плотные связи. Успешность миграционного опыта также подпитывает «двойственное» положение мигранта и его семьи.

Корейцы, проживающие в Челябинске и Оренбургской области, поддерживают широкий спектр контактов со странами исхода, дальнего зарубежья и другими регионами России. Помимо личных контактов, с родными и близкими ощутимую роль в укреплении транснационального характера связей играет корейский культурный центр. Все это в совокупности определяет транснациональную природу повседневных практик, связывает между собой локальное и транснациональное, «здесь» и «там» в изученных нами биографиях.

Таблица 23

Представления о родине корейцев, живущих в регионах Урала

	Челябинская область (2019–2025 гг.)		Оренбургская область (2019–2025 гг.)	
	Общее количество опрошенных	Общее количество опрошенных (в %)	Общее количество опрошенных	Общее количество опрошенных (в %)
Россия	35	34 %	49	49 %
Казахстан	19	19 %	11	11 %
Узбекистан	6	6 %	16	16 %
Республика Корея	1	1 %	0	0 %
СССР	18	18 %	9	9 %
Корея	23	23 %	14	14 %

Основное количество информантов, признавая множественность своих миграционных стратегий, связывали свои жизненные планы все же с Россией, она воспринимается как родина, где обретали семью, широкие возможности для развития бизнеса, личностного роста, воспитания детей и внуков. В этом смысле государства Центральной Азии, связи с которыми сохраняют выглядят как менее предпочтительные варианты. На это влияет высокий уровень коррупции, бедность

[18] Абашин С. Н. Возвращение домой: семейные и миграционные сценарии в Узбекистане // Ab Imperio. 2015. № 3. С. 125–65. С. 133.

и некачественная инфраструктура. Казахстан и Узбекистан, даже принимая во внимание решительные шаги, направленные на экономические реформы и повышение качества жизни граждан, не рассматриваются как стабильные государства[19]. Ли по этому поводу подчеркнул, что в любой момент положение может выйти из-под контроля элит, тем более рядом находится Афганистан, в Казахстане и Узбекистане за счет рождаемости быстро растет население, а значит и конкуренция за ограниченные ресурсы.

Республика Корея (часто называли Южная Корея или Юг) рассматривается информантами в большей степени как привлекательная страна для совершения деловой, туристической поездки или предмет гордости за экономические достижения «корейского народа», но не как родина или страна для эмиграции, поскольку осознается значительная социальная и культурная дистанция между корейцами, с одной стороны, корейцами, проживающими на территории постсоветского пространства, с другой. Во время проведения интервью, делая гипотетический выбор между Республикой Корея и США, информанты даже чаще указывали последние как страну, в которую они «хотели бы в перспективе эмигрировать». Изучение корейского языка и культуры представителями молодого поколения имеет под собой скорее прагматические основания. Языковые компетенции в малой степени ассоциируются с этничностью или принадлежностью к корейской нации. Скорее они связаны с привлекательностью роли преподавателя-просветителя, владеющего одним из уникальных языков, в том числе для занятия бизнесом в сфере поставок электроники и косметики. Такие транснациональные связи (действовали до 2020 г.) зачастую ограничивались кратковременными визитами в Южную Корею, торговым взаимодействием, включая планы по расширению совместных коммерческих сетей с гражданами Кореи или Узбекистана. Частично здесь имели место контакты с корейскими фирмами и консульством, о которых наши информанты не хотели распространяться и обозначали лишь в прошедшем времени («...до начала СВО»).

Информанты старшего поколения, которых удалось найти очень мало в сравнении с другими возрастными группами,

[19] Внешняя молодежная миграция в странах Центральной Азии: Анализ рисков и минимизация негативных последствий. Международная организация по миграции, 2019.

с ностальгией отзывались об опыте жизни в Советском союзе. Их описания переезда в большие города тогда еще РСФСР в 1960-х–1980-х гг. во многом напомнили автору личные истории, которые скрупулезно собрал и глубоко проанализировал Дж. Сахадео. Переезд из маленького колхоза в Узбекистане в крупный образовательный и индустриальный центр на Урале воспринимался информантами как возможность приобщиться к социальным достижениям Советского проекта, принять деятельное участие в его реализации. Для советских корейцев это оказывалось крайне важно, поскольку позволяло в известной степени преодолеть тяжелый эмоциональный груз, связанный с событиями депортации и добиться успеха «по-советски».

Корея — имеется в виду Корейский полуостров без разделения на два противоборствующих государства — воспринимается в качестве маркера общности для всех корейцев. Все информанты осознают, что именно «там» их корни, иногда еще назывались современные районы северо-восточного Китая. Информанты, размышляя о том, где же их родина, демонстрировали, что живо интересуются положением, сложившимся в отношениях между Севером и Югом. В тоже время это заметно разделяет не только корейцев в целом, но даже отдельные семьи, когда часть родственников придерживается одной позиции, а остальная – противоположной.

Полевой этап работы с корейцами показал, что они формируют различные сценарии своего транснационального будущего, не исключая вероятности возращения в ту страну, откуда кого-то ехали в Россию в надежде дать своим детям достойное будущее, образование, повысить уровень жизни, открыть свой бизнес. Информанты, относящиеся к категории временных трудовых мигрантов и корейцы с миграционным прошлым демонстрируют высокий уровень мобильности, поскольку картина будущего выглядит неопределенной. Расширяя границы своих транснациональных связей на Россию, страны Центральной Азии, а затем и на другие страны, корейцы более вариативны в выборе той страны, где они в итоге могут освоиться. Исследованные миграционные сценарии корейцев «и здесь, и там» укладываются в их понимание современности в русле транснационального подхода. Проявляя себя в поддержании контактов не только с нынешним домом, но и новыми местами проживания в организации семейной жизни, а также социокультурной и экономической

сферах. Корейские мигранты из Центральной Азии не теряют принадлежности к тем сообществам, членами которых они являлись до переезда, стабильно поддерживают широкий спектр отношений с теми, кто остался в Казахстане или Узбекистане.

Мобильность субъектов в рамках транснациональных пространств обретает не только постоянный, но и самовоспроизводящийся характер. Как мы увидели на примере центральноазиатских корейцев, некоторые участники транснациональных миграций остаются навсегда проживать в Челябинске, другие — возвращаются в Казахстан или Узбекистан, совершая личные и деловые поездки между Челябинском, Ташкентом или Кустанаем. Однако эта регулярность перемещений предполагает ведение жизни и деловой активности одновременно в двух контекстах — здесь и там. Такой режим мобильности вовлекает в это транснациональное пространство все новых акторов и далеко не обязательно, что все они корейцы (родственники, друзья, соседи, земляки, деловые партнеры и др.). На то, как планируется транснациональное будущее и настоящее непосредственное влияние оказывает биографическая ситуация, в которой оказывается потенциальный мигрант и члены его семьи. Нестабильность и непредсказуемость условий в стране исхода, в месте проживания и в предполагаемых новых центрах для построения будущего — все это оказывает значительно влияние на повседневные практики мигрантов, определяет параметры их жизни в рамках транснациональных пространств.

Полевой этап работы показал, что в структуре этой трудовой миграции определенную часть составляли корейцы с узбекским гражданством, которые, как и другие сотни тысяч граждан центральноазиатских государств вырабатывали сценарии трудовой миграции, возвращались домой под влиянием экономических кризисов, а затем уезжали вновь на заработки. На верхней хронологической границе реализации исследовательского проекта все более заметной становилась ориентация узбекистанцев на другие рынки труда — Казахстан, ОАЭ, Республика Корея и др.

Транснациональная миграция прочно укоренилась в личные и семейные сценарии жителей Центральной Азии. Этому феномену посвящен целый ряд антропологических исследований,

посвященных данному региону[20]. Объектом исследований часто выступают биографические циклы и связанные с ними практики, требующие значительных финансовых вливаний, а следовательно, миграционных заработков. Информанты отмечали, что для корейцев это чаще всего связывалось с образованием детей[21]. Как отметили информанты — строитель и продавщица специй на рынке – они совершали все действия в рамках сценария транснациональной миграции ради образования и будущего своих дочерей, чтобы «они учились, жили и работали хотя бы в Санкт-Петербурге».

Одной из наиболее заметных и доступных форм для регулирования со стороны государства стали общественные организации. В 1990-х гг. во многих российских городах активно возникали и развивались корейские национально-культурные центры, различные общества корейской культуры. Создавались они и на Урале. Крупнейшие на настоящее время корейские организации возникли к концу 1990-х гг. Речь идет о Федеральной национально-культурной автономии корейцев и Общероссийском объединении корейцев[22]. В силу определенных причин среди всех этнических групп, имевших свои исторические корни или родину в Восточной Азии, именно корейцы проявили заметный уровень организованности и институционализации. Информация о возникновении и деятельности организаций китайских или вьетнамских мигрантов отрывочна и плохо поддается верификации, поэтому сюжет о появлении и работе общественных объединений целесообразно иллюстрировать на примере корейцев.

Социальные связи и сети поддержки, сложившиеся в среде различных волн мигрантов корейской национальности,

[20] Madeleine Reeves. Black Work, Green Money: Remittances, Ritual and Domestic Economies in Southern Kyrgyzstan // Slavic Review. 2012. Vol. 71. No. 1. Pp. 108–134; Delia Rahmonova-Schwarz. Family and Transnational Mobility in Post-Soviet Central Asia: Labor Migration from Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan to Russia. BadenBaden, 2012. Pp. 103–123; Alisher Ilkhamov. Labour Migration and the Ritual Economy of the Uzbek Extended Family // Zeitschrift für Ethnologie. 2013. No. 138. Pp. 259–284; Igor Rubinov. Migrant Assemblages: Building Postsocialist Households with Kyrgyz Remittances // Anthropological Quarterly. 2014. Vol. 87. No. 1. Pp. 183–215.

[21] Более подробно о ценности образования для корейцев из Центральной Азии см.: Kokaisl P. Koreans in Central Asia – a different Korean nation // Asian Ethnicity. 2018. Vol. 19 (4). P. 428–452.

[22] Энциклопедия корейцев России: 140 лет в России / под ред. Цой Брони. М.: Рос. акад. естеств. наук, 2003. С. 14–15.

во многом стимулировали и в дальнейшем направляли миграционные потоки с участием корейцев в уральские города. Корейские общины брали на себя не только роль посредников в рекрутировании, но также адаптации и интеграции мигрантов, содействовали трансляции национальной культуры (изучение языка, истории, организация национальных праздников, этническая социализация детей и молодежи и т.д.). Одновременно с этим корейские национально-культурные организации способствовали поддержанию социокультурных связей в рамках динамичного транснационального пространства, объединяющего несколько стран: Россию, Казахстан, Узбекистан, США и Южную Корею. Деятельность данных структур включала прием делегаций, поддержание разнообразных культурных связей, организацию выставок корейского искусства, праздников и др.

Таблица 24

Частота взаимодействия с корейскими национально-культурными организациями в месте проживания

	Челябинская область (2019–2025 гг.)		Оренбургская область (2019–2025 гг.)	
	Общее количество опрошенных	Общее количество опрошенных (в %)	Общее количество опрошенных	Общее количество опрошенных (в %)
Несколько раз в год	35	34 %	39	39 %
Несколько раз за последние годы	19	19 %	14	14 %
Не взаимодействовал давно	12	12 %	22	22 %
Один-два раза и это было давно	11	11 %	15	15 %
Нет опыта взаимодействия	25	25 %	9	9 %

Информанты подчеркивали, что корейские организации отличаются от общественных объединений других этнических групп, прибывших из Центральной или Восточной Азии, тем, что фокусировались на культурных и просветительских проектах, в то время таджикские или узбекские организации плотно работали с участниками трудовой миграции.

Подавляющему большинству корейцев известно о деятельности корейских культурных центров и просветительских обществ, их деятельность оценивается положительно. Так в ходе полевых исследований в Оренбургской области интервьюируемые называли отделение объединения корейцев в Оренбурге и Акбулаке[23]. Однако по словам информантов они «редко общаются с диаспорой», это происходит только по крупным поводам, которые случаются обычно «раз в год» (национальные праздники, похороны, свадьбы кого-то из членов общин).

Рассказы информантов содержали важную мысль о том, что формирование многих неформальных социальных связей происходило на мероприятиях корейских культурных центров, но эти отношения на момент проведения полевых изысканий автора насчитывали уже довольно продолжительный период. Такой способ социальной сборки сообщества предполагал акцент на создании межличностных или межсемейных связей, а не на образовательных практиках, которые становились лишь «интересным и приятным фоном знакомства». Иными словами, постоянное взаимодействие с корейскими НКО информантам не требовалось, поскольку нужные знакомства и связи уже были наработаны на предыдущих этапах («5–10 лет назад или больше»). Отсюда наиболее частыми формами взаимодействия с корейскими общественными объединениями становились праздники и организация досуга.

Несколько слов стоит сказать об истории возникновения и работе корейских объединений. Известно, что в Екатеринбурге корейское общество культуры под названием «Мунхва» возникло в 1991 г. Его возглавил один из видных представителей корейской интеллигенции, профессор В. В. Ким. Одновременно с этим корейские культурные центры — возможно еще не зарегистрированные тогда официально — создаются в Челябинске и Перми[24]. Во многом благодаря содействию корейских культурных обществ в высшие учебные заведения Екатеринбурга в 1990-е гг. приехали учится первые группы корейских студентов, началось изучение корейского языка

[23] В Оренбургской области Оренбургское отделение Общероссийской общественной организации «Общероссийское объединение корейцев»; Корейское культурно-просветительское общество Акбулакского района

[24] Бугай Н.Ф. Корейцы в Союзе ССР — России: XX в. М.: ИНСАН, 2004. С. 179–182.

на базе Уральского государственного университета. Как отметили информанты сначала это происходило на факультативной основе, возникли две группы — начальный уровень и более продвинутый.

Таблица 25

Формат взаимодействия с корейскими национально-культурными организациями в месте проживания

	Челябинская область (2019–2025 гг.)		Оренбургская область (2019–2025 гг.)	
	Общее количество опрошенных	Общее количество опрошенных (в %)	Общее количество опрошенных	Общее количество опрошенных (в %)
Праздники, культурные мероприятия	22	22 %	29	29 %
Посещение языковых курсов	19	19 %	14	14 %
Помощь в поиске родственников	2	2 %	12	12 %
Поездка в Южную Корею	11	11 %	15	15 %
Социальная помощь, благотворительность	15	15 %	10	10 %
Досуг (личный, семьи)	33	32 %	19	19 %

В 1993–1994 гг. Министерство по делам национальностей и региональной политики (Миннац РФ) разрабатывало масштабный проект государственной программы национального и культурного возрождения корейцев. По разным оценкам в эти годы в России функционировало свыше 40 корейских организаций. Существенной проблемой для их развития выступали определенные разногласия среди корейцев, порожденные расколом на Корейском полуострове. Дело в том, что часть корейцев рассматривала в качестве исторической родины территории КНДР, а остальные — Республику Корея. Мероприятия по возрождению корейского языка и культуры были затруднены фактом проживания корейцев небольшими группами, отдельными семьями, слабым их взаимодействием с корейцами ближнего зарубежья, многочисленностью общественных организаций.

В 1996 г. в России принимается федеральный закон «О национально-культурной автономии» и «Концепция государственной национальной политики РФ», что предоставило нормативную базу для создания Федеральной национально-культурной автономии корейцев (ФНКА). В январе 1999 г. создается общественная организация «Общероссийское объединение корейцев». Это открыло новый этап в деятельности корейских общественных организаций. Учитывая нововведения в сфере национальной политики, происходила дальнейшая институционализация корейских организаций в регионах и крупных городах, в том числе в Екатеринбурге. Тем самым к исходу 1990-х гг. в России произошла систематизация деятельности корейских организаций, под их эгидой начала издаваться периодическая печать. Например, газета «Российские корейцы», электронный архив которой включает все выпуски начиная с 1999 г.

Важной практикой для сплочения всех изученных сообществ корейцев становилось соблюдение календарной обрядности. Информанты из Екатеринбурга рассказали о праздновании корейской общиной Нового года по лунному календарю, годовщины восстания 1 марта 1919 г., дней детей и почитания старших, освобождения и возрождения Кореи и др. Позднее, в 2003 г. корейская община создала вместо культурного центра «Мунхва» региональную национально-культурную автономию российских корейцев. Произошло определенное обновление состава, поскольку к работе организации и жизни корейской общины начали приобщаться представители молодого поколения, в том числе бизнесмены, сделавшие определенные капиталы в сфере рыночной торговли (закуски, салаты, специи и др.).

Организация обозначила следующие цели: создать условия для изучения корейского языка и приобщения к самобытной национальной корейской культуре, содействовать укреплению связей между Российской Федерацией и Кореей, организовать взаимодействие с государственными структурами, координировать деятельность с другими национальными объединениями на Урале и т. д.

В Челябинске в 1993 г. зарегистрировали корейский культурный центр, основные цели которого заключались в совершенствовании межнациональных отношений, изучении и пропаганде корейского языка[25]. Значительное содействие

[25] ОГАЧО. Ф. П-374. Оп. 1. Д. 39. Л. 8; Ф. Р-1041. Оп 6. Д. 1812. Л. 73-74.

при организации центра корейской культуры оказал председатель профкома ЧЭМК В. П. Чернобровин, Челябинское отделение Всероссийского фонда культуры и руководитель башкирского народного центра У. К. Сафиуллин. На первую встречу корейской общины собралось около 200 человек, что составило половину корейцев, живших на тот момент в Челябинске. Выяснилось, что подавляющее большинство собравшихся не знали корейского языка, имели весьма смутное представление о корейских традициях и культуре[26]. На момент начала своей деятельности центр объединил в своем составе порядка 40 постоянных участников и активистов[27]. Последние впервые организовали корейский национальный праздник, скорее всего речь шла о праздновании нового года по лунному календарю[28].

Корейская община содействовала обучению детей и молодежи корейскому языку, изучению истории Кореи, проводились занятия по тхэквондо, действовали кружки корейского народного искусства и танцев[29]. Определенную помощь в укреплении материальной базы центра в сложных условиях 1990-х гг. оказывало Челябинское отделение фонда культуры[30]. С помощью Челябинского отделения фонда культуры организовывались командировки представителей центра в Южную Корею в целях культурного обмена и налаживания сотрудничества[31]. Важную роль играли возможности для поддержания контактов с корейскими сообществами в других регионах России, Казахстане, Узбекистане и Южной Корее, поэтому Областной Совет народных депутатов помог обеспечить квартиру председателя корейского культурного центра телефонной связью[32]. Из архивных документов известно, что велась активная работа по открытию центра изучения корейского языка и культуры, но воплощения, судя по всему, эта идея в итоге не получила[33].

[26] ОГАЧО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 81. Л. 8; Лузин Л. Н. Планета Южный Урал: живая энциклопедия народов Челябинской области Челябинск, 2012. С. 131.

[27] ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 3835. Л. 25.

[28] ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 582. Л. 4.

[29] ОГАЧО. Ф. Р-1589. Оп. 1. Д. 2966. Л. 38

[30] ОГАЧО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 89. Л. 6.

[31] ОГАЧО. Ф. П-2. Оп 1. Д. 87. Л. 34.

[32] ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 3574. Л. 126.

[33] ОГАЧО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 88. Л. 5.

При культурном центре работали специальные языковые курсы, учебные пособия и методические материалы присылались из Сеула[34]. Затем открылось факультативное изучение корейского языка на базе школы № 50 г. Челябинска. При ДК ЧЭМК создали хореографическую студию национальных танцев[35]. Председатель центра В. Ч. Пак оказался единственным в области специалистом по корейскому языку. В 1999 г. он прошел специальные образовательные курсы при центре просвещения посольства Южной Кореи. В ноябре 1999 г. делегация из Челябинска посетила семинар преподавателей корейского языка стран СНГ в Алмате и IV съезд Ассоциации Российских корейцев[36].

Корейская община обладала прочными контактами с исторической родиной, принимая активное участие в образовательных проектах, конкурсах на соискание стипендий для учащихся национальной школы[37]. Посольство Южной Кореи поддерживало необходимыми для обучения пособиями и техникой воскресную школу. В ней действовали три детских группы и одна взрослая[38]. В 2000 г. на празднике корейской культуры демонстрировались национальные костюмы, готовились блюда корейской кухни и т. д. Воспитанию традиционных национальных черт характера способствовала школа боевых искусств «Коре», где изучали корейское боевое искусство тхэквондо[39]. В 2001 г. директор воскресной школы В. Ч. Пак принял участие в семинаре о корейской культуре, организованном международным фондом по поддержке зарубежных корейцев. Деятельность Челябинской воскресной школы отметили за применение нестандартных методов

[34] Челябинский рабочий. 1993. 26 января.

[35] Челябинский рабочий. 1996. 21 марта.

[36] Российские корейцы. 1999. № 4. С. 2; Корейская диаспора. Апрель 1999. С. 8

[37] Государство и национально-культурные объединения: социальное партнерство. Челябинск, 2004. С. 93.

[38] Пак В. Ч. Нравственное воспитание и национальные традиции корейцев // Международный форму Дети-Молодежь-Общество. Проблемы воспитания патриота и гражданина в современных условиях (Челябинск, 18-19 мая 2000 г.). Челябинск, 2000. С. 43.

[39] Ключерова И. В Челябинске состоялся праздник корейской национальной культуры // Uralpress. 2000. 30 октября. URL: http://uralpress.ru/news/2000/10/30/v-chelyabinske-sostoyalsya-prazdnik-koreiskoi-natsionalnoi-kultury (дата обращения: 12.12.2014).

обучения языку: песни, танцы, совершение корейских национальных обрядов[40].

Благодарные ученики отметили деятельность В. Ч. Пак, написав письмо в редакцию газеты «Российские корейцы». «Школа обеспечена необходимыми учебно-методическими материалами, видеотехникой... в программу входит пение, мы участвуем в мероприятиях корейского культурного центра, знакомимся с историей и культурой. Все это мы имеем благодаря усилиям организатора наших занятий В. Ч. Пак. Спасибо ему за это»[41] . В 2000–2002 гг. прошли праздники корейской культуры и нового года «Соль Наль». Отмечалось 10-летие образования корейского культурного центра[42].

Рис. 2. Занятие в одной из групп Воскресной школы корейского языка (г. Челябинск)[43]

[40] Вайнгардт А. Челябинскую воскресную корейскую школу отметили в стране утренней свежести // Uralpress. 2001. 19 ноября. URL: http://uralpress.ru/news/2001/11/19/chelyabinskuyu-voskresnuyu-koreiskuyu-shkolu-otmetili-v-straneutrennei-svezhesti (дата обращения: 10.12.2014).

[41] Российские корейцы. 2001. Октябрь. С. 8.

[42] ОГАЧО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 769. Л. 7; Ф. Р-1041. Оп. 6. Д. 1812. Л. 73; Озан. 2003. № 1. С. 2.

[43] Российские корейцы. 2001. Октябрь. С. 8.

Со слов наших информантов деятельность корейского культурного центра носила периодический характер[44], поскольку всегда остро не хватало ресурсов, а корейская община в областном центре была относительно малочисленной. По этой причине участие большинства корейцев в жизни культурного центра носило эпизодический характер и в основном приходилось на крупные культурные мероприятия (празднование нового года или юбилея добровольного переселения корейцев в Россию).

Таблица 26

Сфера занятости корейцев, живущих в регионах Урала

	Челябинская область (2019-2025 гг.)		Оренбургская область (2019-2025 гг.)	
	Общее количество опрошенных	Общее количество опрошенных (в %)	Общее количество опрошенных	Общее количество опрошенных (в %)
Предпринимательство	11	11 %	9	9 %
Торговля	28	27%	21	21 %
Общественное питание	8	8 %	14	14 %
Строительство	9	9 %	3	3 %
Медицина	3	3 %	1	1 %
Образование и наука	4	4 %	0	0 %
Транспорт	2	2 %	0	0 %
Сельское хозяйство	9	9 %	15	15 %
Самозанятость	14	14 %	8	8 %
Не указали	14	14 %	28	28 %

Сферы деятельности корейцев, проживающих в Свердловской области, мы можем охарактеризовать лишь на результатах опроса за 2014 г. Так из 119 чел., которых удалось опросить по случаю торжеств 140-летия добровольного переселения корейцев 10,9 % — отнесли себя к категории рабочих, 25,2 % — служащих, 32,8 % — специалистов, 2,5 % — учащиеся, 1,7 % — временно не работающие. Одной из основных сфер деятельности корейцев являлись торговля и общественное

[44] См.: Российские корейцы. 2005. № 4. С. 5.

питание (35,9 %), далее здравоохранение (13,5 %), затем строительство, образование, транспорт и общая коммерческая деятельность. Данные, полученные Ан Р. Н. в 2014 г.,[45] в целом коррелируют с результатами полевых исследований автора в Челябинской и Оренбургской областях.

Большинство корейцев, приехавших в регионы Урала из Центральной Азии, обладали определенной опорой на родственников или земляков. Наличие в Челябинске, Екатеринбурге или Оренбурге старожилов советского времени, рассматривалось при принятии решения о миграции как один из важных аргументов в пользу переезда в тот или иной город. Родственники и знакомые, у которых опыт пребывания в России сложился удачно, приглашали интервьюируемых на заработки, служили для вновь прибывших первичной социальной и информационной базой для поиска жилья, работы, оформления документов и др. Одновременно с этим уже хорошо адаптированные мигранты через разветвленные транснациональные сети демонстрировали положительный пример трудовой миграции тем, кто находился еще в состоянии выбора на родине. В числе характеристик успешной трудовой миграции, на которые обращали пристальное внимание наши информанты, планируя свой отъезд называли, приобретение российского гражданства, стабильный доход, организация бизнеса — этнического кафе или торговой точки по реализации корейских и узбекских блюд, киоска по продаже овощей и фруктов, парикмахерской и др.

Испытывая постоянную потребность в персонале, владельцы этих бизнесов производили набор персонала происходил среди родственников, друзей или земляков. В качестве иллюстрации можем привести историю семейной пары, принявшей на работу племянника в строительную бригаду. В основном бригада занималась ремонтом квартир в Челябинске, в летний сезон строительством дач и коттеджей. Члены семьи, жившие в Узбекистане, настояли на том, что для молодого человека будет предпочтительна профессия кафельщика, для этого нужно отправиться в Россию и работать в бригаде

[45] См.: Ан Р. Н., Казаева А. В., Обвинцева В. О. и др. На Урал за знаниями: социальный портрет современного корейца на Среднем Урале // Материалы XV Российско-корейской научно-технической конференции, Екатеринбург, Уральский федеральный университет, 04–05 июля 2014 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 184–191.

у родственника. Такая практика трудоустройства объясняется с помощью транснациональной оптики — основной фокус делается на роли тех, кто остался дома, и тех, кто осваивает новые рынки труда за рубежом.

«Мой дядя пригласил многих родственников со стороны жены. Он живет в России уже больше 20 лет, какое-то время жил в Москве, Екатеринбурге, а потом переехал в Челябинск... Мы на него работаем». (Из интервью с мужчиной из Ташкента, 34 года)

Разумеется, успешная реализация миграционного сценария сопровождалась ощутимым улучшением материального состояния «и там, и здесь». В таких случаях деньги вкладывались в имущество, которое оставалось на родине, обычно это Узбекистан. В Казахстане, как правило, все бросалось или продавалось за бесценок. В периодике мы можем встретить даже упоминание о «продаже всего по цене меховой шапки»[46]. Центральноазиатские корейцы постепенно приобретали жилье, в том числе по ипотечному кредитованию. Приобретали или строили самостоятельно частные дома в поселках, где осели. В одном из материалов медиа о поселке Мелькомбинат в Челябинске рассказана такая история. Геннадий Юн рассказал следующее: в этом посёлке (поселок Мелькомбинат в Челябинске) он не коренной житель, да и в Челябинске тоже. Приехал в город в 1996-м из Узбекистана, поближе к брату, а спустя четыре года купил участок земли возле мелькомбината. Построил два новых дома, оборудовал скважины...[47]

Информант из Казахстана[48], прибывшая в 2002 г. на заработки к сестре, встретила в Челябинске земляка и спустя три года вышла за него замуж. Благодаря тому, что ее супруг являлся гражданином России, она смогла быстро оформить гражданство России. За это время в семье родилось двое детей. На протяжении нескольких лет семья проживала с родственниками мужа в одной из комнат съемной квартиры. После увеличения доходов от бизнеса (изготовление и продажа салатов) супруги смогли оформить ипотеку. Первоначальным

[46] Южноуральская панорама. 2000. 2 декабря.

[47] BMW на крыше, пикники у реки и квартира за 19 миллионов: что скрывает посёлок у Мелькомбината [Электронный ресурс]. URL: https://74.ru/text/gorod/2019/04/01/66020788/ (дата обращения: 25.12.2020).

[48] Родилась в Узбекистане, но переехала к родственникам в Казахстан.

взносом являлся материнский капитал, полученный после рождения второго ребенка. Наличие в Челябинске большой квартиры, за которую необходимо платить еще несколько лет, не мешает семье строить планы возвратиться на «родину» или переехать в другой регион (в качестве приоритетных рассматривается Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург). Кроме того, у супруга на родине — информанты подчеркнули, что это «на всякий случай» — есть в собственности частный дом, оставшийся в наследство после смерти родителей: «Я в данное время не работаю, поскольку сижу дома с детьми. Скоро пойду работать. Это удобно т. к. утром все успеваю приготовить и нарезать. Я хочу помогать мужу, мы хотим накопить на ремонт дома, который у нас есть в Узбекистане».

Информанты описывают ветхое состояние частного дома. В нем практически отсутствует мебель и нормальный водопровод. Однако трудные бытовые условия не останавливают их от выбора места жительства «там». Не исключено, что жилье в Челябинске будет сдаваться землякам или же своим родственникам, которые приедут на заработки. Продавать эту квартиру семья не планирует, поскольку нет ясности, как сложится жизнь в Узбекистане или где-либо еще. Планы на будущее обусловлены идеями о возвращении «домой» или о переезде в крупный город (Москва, Санкт-Петербург, Краснодар). Есть случаи, когда планируется эмиграцию к детям в США или Южную Корею. Однако даже в случае успеха этих планов никто прерывать связи с Челябинском в силу разных причин не станет. Практически все наши информанты осознанно занимаются множественным проектированием будущего, оставляя в Челябинске «запасной вариант». Так в быстро меняющихся условиях (особенно в 2020 г.) появляется возможность выбрать наиболее приемлемый вариант развития событий.

Как мы увидели в материалах глубинных интервью корейцев из Средней Азии в основе этих проектов, лежит представление о будущем «и здесь, и там». Траектории перемещений и процесс интеграции в принимающее общество не только не исключали связи с родиной, но и во многом основывались на них. В целом долгосрочные планы на проживание, потенциальные возможности перемещений представляют сложный и дискуссионный вопрос. Он часто обсуждается в транснациональном измерении, осуществляется сбор сведений, проводится калькуляция расходов, анализируются перспективы

и др. Встречено немало примеров, когда родственники сообща принимали решение куда отправить детей на учебу: в Москву, Екатеринбург или США. Все эти коммуникации становятся важной чертой транснационального пространства, скрепленного семейными, родственными, дружескими связями «поверх или вне границ»[49].

В значительной степени транснациональность корейцев проявлялась в создании и поддержке механизмов рекрутирования новых мигрантов — причем разной этнической принадлежности. Как подчеркивал Ким, связи с родиной осуществлялись, в том числе в форме создания и использования разнообразных ресурсов этнического предпринимательства[50]. Это наиболее доступная для нашего наблюдения форма транснациональных связей, когда знакомые и земляки, полагаясь друг на друга, набирали трудовые коллективы, создавали разветвленные предпринимательские сети между Россией, с одной стороны, Узбекистаном и Казахстаном — с другой. Сюда мы также относим накопление капиталов и их последующую конвертацию в месте проживания, на родине или в новом месте жительства детей (обычно Москва, Санкт-Петербург, города США и т. д.). По обе стороны границы (или границ) практикуются разнообразные обмены товарами, информацией и практическим опытом. Например, торговля национальными продуктами питания, открытие заведений центральноазиатской (в т. ч. корейской и узбекской) кухни. Последние заняли не только прочные позиции в сфере общественного питания большинства российских городов, но выполняют важнейшие функции в организации повседневной жизни мигрантских сообществ[51]. Корейский культурный центр даже открыл в Челябинске кафе корейской кухни, но найти его название и определить сколько лет проработало кафе к сожалению не получилось[52].

[49] Faist T., Fauser M., Reisenauer E. Transnational migration. Cambridge: Polity Press, 2013. 92.

[50] Kim G.N. Ethnic entrepreneurship of Koreans in the USSR and post-Soviet Central Asia. V.R.F. Series, 445 (February). Chiba, Japan: Institute of Developing Economies, 2009.

[51] Варшавер Е.А., Рочева А.Л. Сообщества в кафе как среда интеграции иноэтничных мигрантов в Москве // Мониторинг общественного мнения. 2014. № 3 (121). С. 104–114. С. 109.

[52] ОГАЧО. Ф. Р-1041. Оп. 6. Д. 904-б. Л. 3.

В целом пространство центральноазиатских кафе мультикультурно: их владельцы, сотрудники и посетители не дифференцируются по этническому признаку. В большинстве малых и средних торговых комплексов, на многих рынках существуют заведения азиатской кухни и др. объекты этнического бизнеса. Автор наблюдал тесную кооперацию узбеков, кыргызов, корейцев и даже китайцев. В воспоминаниях информантов прослеживается смена поколений, когда представители «первой» или «второй волны» работников обзавелись собственным бизнесом, перебралась в другие регионы или страны. В Челябинске работает немало таких кафе и торговых точек. Одной из наиболее часто упоминаемых локаций является кафе «Брюки» на «Китайском рынке». Помимо этого, в разные периоды в повествованиях информантов фигурировали такие заведения как «Базар», «Истаравшан» и др.

Следует отметить, что корейцы практически не выделялись созданием таких заметных структур, как конфессиональные, принимающая сторона воспринимала присутствие «других», создавая конструкт китайских и даже вьетнамских рынков. Одним из наиболее заметных показателей «корейскости» стала кухня и, в частности, корейские салаты. Этнические кафе являлись важным свидетельством проникновения этничности в публичную сферу, маркирования тех или иных часто посещаемых мест в качестве «этничных». Одной из локаций, с которой зачастую связывали этнизацию пространства постсоветского города, являлись заведения этнической кухни. С одной стороны, будучи атрибутом «восточной экзотики» для местного населения, этнические кафе всегда посещались широкой аудиторией, а с другой — маркировали пространство этнической спецификой (узбекская, китайская и иная кухня). Наряду с этим, такие заведения общественного питания предоставляли столь необходимый досуг для мигрантов после долгого рабочего дня и питание по доступным ценам. Добавим, что там складывались важные кластеры рабочих мест, с «корейской морковки и салатов» начиналась значительная часть бизнеса, созданного корейскими мигрантами. Большинство интервьюируемых упоминали торговые точки с «корейскими салатами», описывая свой опыт проживания в Челябинске после миграции. В местной прессе и воспоминаниях жителей сохранились свидетельства того, как корейские салаты в начале 2000-х гг. стали доступной восточной экзотикой для челябинцев.

Приведем один из наиболее типичных примеров возникновения инфраструктуры в сфере мигрантского бизнеса и биографическую траекторию информанта-корейца, реализовавшего успешный предпринимательский сценарий. Юрий прибыл в Челябинск в 1994 г. из окрестностей Аркалыка Костанайской области, Казахстана, где крестьянские хозяйства пришли в полный упадок. Первое время Юрий и его жена работали у знакомых корейцев на рынке, продавали специи, присматривали за товаром. Первоначальный круг связей формировался из людей разной этнической принадлежности — корейцы, казахи, русские, белорусы и др. В основном взаимодействовали с русскими и частично корейскими соседями, которые побросали основную часть имущества в Казахстане, поскольку некому было продать. Знакомые корейцы, позвавшие Юрия переехать в Челябинск и оказавшие помощь при обустройстве устроиться на новом месте, ранее, как и наш информант, работали в сельском хозяйстве.

Первые годы они приезжали на сезонную работу в хозяйства Оренбургской и Челябинской областей, после чего выбрали местом проживания Челябинск как более крупный город: «Мои знакомые ездили выращивать капусту. Меня тоже один раз звали, но я не смог тогда уехать. И вот в 1994 г., когда уехало очень много моих знакомых, я решился, терять уже было нечего». В семье жены Юрия все женщины — хорошие повара и прекрасно готовили блюда не только корейской кухни, но и узбекской, казахской, украинской и даже немецкой. Эти навыки тещи, жены и дочери пригодились, когда Юрий решился открыть торговую точку. Эта идея долго анализировалась, взвешивались риски и др. Поводом к принятию решения послужил обман работодателя. Кореец, у которого работал наш информант, не выплатил часть заработной платы и уехал в другой уральский город. В 2002 г. торговую точку по продаже корейских салатов Юрий открывал вместе с узбеком Мухаммадом, который уже имел необходимые связи с руководством одного из торговых комплексов. Юрий и его семья специализировались на производстве готовых блюд, а партнер — на расширении клиентской базы. Через два года работы они снабжали готовыми блюдами несколько кафе на рынках города. За это время основные социальные контакты развивались с представителями разных групп, и корейцы не играли определяющей роли. По признанию информанта, связи, позволившие создать и сохранить бизнес,

сформировались как с представителями мигрантских групп (узбеки, русские из Казахстана), так и местными жителями. Главные критерии, которые неоднократно указывались в беседах, предполагали простоту общения, взаимное доверие и общность социального пространства.

В городской инфраструктуре доставка готовых блюд, организованная Юрием в кафе, остается незамеченной и закрытой от клиентов, что связано со спецификой предприятия. В социальных сетях указан только адрес, а этничность и мигрантскость бизнеса внешне не маркирована ни в интерактивном пространстве, ни в реальном. Производимая продукция не ориентирована на мигрантскую аудиторию или этнические кафе. Основную часть персонала нанимают из числа мигрантов с помощью, разветвленных дружеских или — реже — земляческих связей, что обусловлено такими факторами, как легкость (беспроблемность) набора персонала через «свои» сети и доверие к ним, рациональность (выгода) при найме мигрантов. На момент проведения последних интервью с Юрием работали женщина из Таджикистана, девушка из Кыргызстана, а курьерами — выходцы из Казахстана и Узбекистана. Информация о вакансиях циркулирует по каналам коммуникаций владельца с друзьями и родственниками. Существует отлаженный механизм ротации, когда работают сплоченные «смены» по несколько месяцев, периодически заменяя друг друга. Данное предприятие работает более 14 часов в сутки, поэтому поиск работников происходит оперативно, с быстрым включением его во все производственные процессы. В противном случае возникают перебои и простои, что оборачивается убытками и утратой части социального капитала.

Таким образом, в настоящем разделе решены две ключевые исследовательские задачи, причём их решение построено на принципиально ином материале и методологическом ракурсе, чем в предыдущей главе. Первая задача — классификация практик мобильности — здесь реализована не через макростатистику, а через микроанализ конкретной миграционной траектории корейцев из Центральной Азии на Южный Урал. Этот кейс позволил увидеть мобильность в её рутинном, повседневном измерении: цепочки «позвал — приехал — устроился», сезонная работа, последующее открытие собственного дела. Главный результат — продемонстрировано, что формальные категории (трудовая, образовательная, предпринимательская миграция) в реальной жизни размываются: один и тот же

человек за два десятилетия последовательно проходит все эти стадии, а его идентичность одновременно укоренена в нескольких пространствах. Тем самым классификация перестаёт быть жёсткой, поскольку практики мобильности существуют в режиме «одновременно здесь и там» — это важное уточнение, которое корректирует саму логику типологизации.

Вторая задача — анализ идентичности и межэтнических отношений на фронтире — решена через фиксацию гибридной, «раздвоенной» принадлежности, которая является не побочным следствием миграции, а прямым продуктом фронтирного положения. На примере корейской общины показано, что идентичность не привязана к одной точке, а распределена между Узбекистаном (местом рождения), Казахстаном (местом взросления), СССР (как утраченным общим домом) и Россией (текущим местом жизни) — то есть формируется транснациональное социальное поле, которое принципиально меняет понимание региональной идентичности как «растянутой» вдоль миграционных траекторий. Кроме того, решена и микроуровневая часть этой задачи: через анализ восприятия корейцев принимающим обществом (кулинарные маркеры, занятость в торговле) и через изучение практик конструирования этничности в публичном пространстве (деятельность культурных центров). Ключевой вывод здесь — корейская диаспора, в отличие от других мигрантских групп, не воспринимается как «проблемная», поскольку её идентичность не вступает в конфликт с российским гражданским самосознанием, что служит косвенным свидетельством того, что фронтир в данном случае работает на интеграцию, а не на отторжение.

РАЗДЕЛ 3

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ МИГРАНТОВ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:

ДЕНЕЖНЫЕ ПЕРЕВОДЫ И ИХ ОСВОЕНИЕ

Важную роль в формировании и развитии транснациональных связей играла необходимость доставки заработанных денег в страну исхода. Как показали полевые материалы, на определенных этапах это действительно представляло крайне сложную проблему, поскольку деньги на этом пути, равно как и того их вез, сопровождало множество опасностей: от банального риска грабежа в дороге, в том числе представителями силовых структур, до рисков, связанных с воровством, кражами, присвоением денежных средств и др.

«Мир сошел с ума, разве мы могли представить, что ваша русская молодежь поедет в Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан? Смотри, мы едем в Россию, а русские едут к нам! Скажи, где жизнь хорошая? В России? В Европе» — автору нечего было ответить в тот момент. Это короткий отрывок из наблюдений 2022–2026 гг.

В этом отрывке я зафиксировал реакцию Машхуры, жены мигранта средних лет, матери четверых детей, которую встретила во время полевой работы в Магнитогорске. Хотя миграционные проекты моих собеседников сильно различаются с точки зрения неравного доступа к привилегиям и ресурсам, которые определяют разные горизонты возможностей, слова информатики указывают на важное, скорее всего даже универсальное качество миграции. Она очень глубоко связана с представлениями о том, где хорошо, а также откуда можно переводить деньги семье в страну исхода. В целом значительная часть нарративов мигрантов о своем опыте так или иначе предполагало движение денег. В какие-то исторические моменты оно носило физический характер — их перевозили в сумках карманах, зашитыми в белье, спрятанными в дно сумок и др. В какие-то моменты это уже предполагало дистанционный перевод «на карту», «на счет». В последние годы внимание к этому жизненному опыту, разным формам (им)мобильности становится все более пристальным. Этот исследовательский запрос возник во многом как ответ на доминирование экономического детерминизма в моделях «выталкивания-притяжения» и ориентацию на выработку политических рекомендаций в исследованиях миграции.

Показывая, что рамки экономического обнищания недостаточны для объяснения сложности современной миграции, исследователи изучали, как мобильность приобретает определённые значения. Эти значения выходят за рамки миграции

как просто физического перемещения и становятся «глобальным горизонтом» воображения и действия для целых сообществ. Как следствие, разрыв между личными желаниями и устремлениями к мобильности и всё более ограничительными мобильными режимами привёл в некоторых частях мира к парадоксальной ситуации, когда отсутствие мобильности само по себе стало восприниматься как форма перемещённости.

Миграция тесно связана с ощущением того, что «ты куда-то движешься» — феномен, который можно назвать «экзистенциальной мобильностью». Индивидуальное чувство «движения достаточно хорошо» достигается через выполнение ключевых жизненных проектов, основанных на коллективно разделяемых представлениях о том, что составляет хорошую жизнь. Предположение о том, что распространенность общего воображаемого образа «зелёных пастбищ» или «лучшей жизни» где-то ещё способствует реальным перемещениям людей, нуждается в калибровке через этнографически обоснованные исследования, изучающие, какие именно виды жизни ищутся через мобильность. Например, в постсоциалистических контекстах мобильные воображаемые образы возникают по отношению к прошлому опыту социализма, определяя представления о хорошей жизни, которые часто выражаются через идиому «нормальности». Наши информанты также чувствовали, что им крайне важно двигаться, чтобы «продвинуться» в жизни. Свои жалобы, чаяния и запросы они формулировали в терминах экономической необходимости. некоторые из них, преимущественно представители старшего поколения использовали позднесоветское прошлое или 2000–2014 гг., как точки отсчета для оценки того, насколько «нормальной» была их нынешняя жизнь. Или насколько нормальными были их доходы. Однако, объяснение центральноазиатской миграции через экономические потребности является лишь началом объяснения масштабов, скорости и динамики этого процесса, а не его итогом. «Денег не было, так было надо» — это один из первых и самых логичных ответов информантов, который автор получал от собеседников, когда звучал вопрос о причинах миграции. Однако чем больше времени автор проводил, разделяя повседневный опыт информантов, тем более очевидной становилась необходимость. В этой части текста автор показывает как люди осваивали денежные переводы. Ощущение срочности поездки в Россию для заработка денег связано

с проектами самоформирования людей, коренящимися не обязательно или не только в желании в первую очередь создать материальное обеспечение, но и в желании быть признанным своим родом и сообществом.

Полевой этап работы позволил выделить в нарративах информантов два основных этапа в развитии транснациональных связей, основанных на переводе заработанных денежных средств.

Оба этапа существенно различались между собой как по хронологическим рамкам, так и по факторам, способствовавшим отъезду в трудовую миграцию, практикам освоения заработанных средств, приоритетным каналам трудоустройства. Первый этап пришелся на конец 1990-х — начало 2000-х гг., когда масштабы трудовой миграции оставались сравнительно невелики, объемы заработанных средств крайне сложно поддавались каким-то подсчетам, а самое важное освоение этих средств тесно связывали с наличностью. Потребность передать заработанные деньги в страну исхода порождала сложные социальные связи, требовавшие выработки определенных лояльностей, иерархий, доверительных отношений и взаимоконтроля. Второй пришелся на вторую половину нулевых и с некоторыми коррекциями продолжается и по сей день. На этом этапе масштабы трудовой миграции, равно как и объемы денежных переводов достигают своего пика, а роли посредников при передаче средств занимают различные электронные сервисы, позволившие видоизменить отношения с принимающей и отправляющей стороной. Возвращения домой больше не зависели от необходимости доставки денежных средств, доступ в интернет и использование смартфонов[1] позволяет в любой момент осуществить отправку необходимой суммы. Данный раздел посвящен движению денежных средств и вещей через границу, практикам освоения денежных переводов.

***

Согласно оценкам Центрального банка России, полученным по методологии составления платежного баланса пятой редакции (BOP5), за период в 2000–2006 гг. объем денежных переводов из России вырос в 10 раз. Общий объем денежных средств, переводимых мигрантами, превышал в 2006 г. 11 млрд долл.

[1] Ruget V., Usmanalieva B. Can Smartphones Empower Labour Migrants? The Case of Kyrgyzstani Migrants in Russia // Central Asian Survey. 2019. Vol. 38, № 2. P. 165–180.

В особенности вырос объем переводов в страны СНГ — в 19,8 раза, в 3,9 раза в страны дальнего зарубежья. Одновременно фиксировалось значительное увеличение притока заработанных средств в ряде государств бывшего СССР. По подсчетам национальных Центробанков поступление денежных средств из-за рубежа увеличилось в Таджикистане — более чем в 4 раза; в Азербайджане — в 3,6 раза; в Молдавии — в 2,7 раза; в Кыргызстане — в 1,7 раза, в Армении — в 1,4 раза.

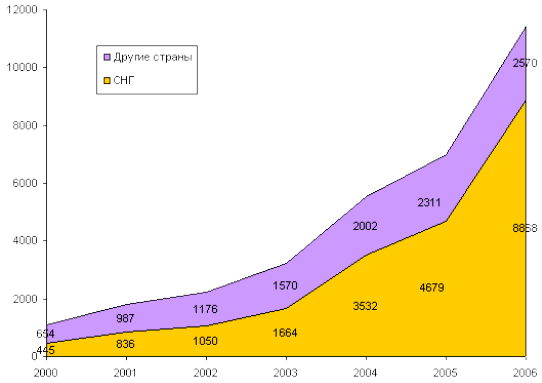

Рис. 3. Денежные переводы мигрантов из России (млн долларов США) в 2000–2006 гг.

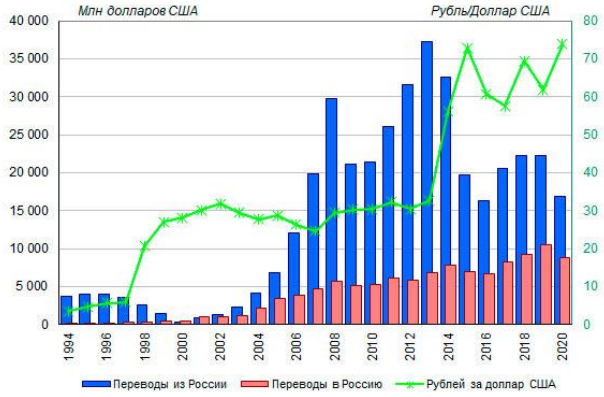

Рис. 4. Объемы денежных переводов из России и в Россию (млн долларов США) и официальный курс доллара по отношению к российскому рублю (руб. за 1 доллар США), 1994–2020 гг.[2]

[2] Щербакова Е. М. Иностранная рабочая сила в России по итогам 2020 года // Демоскоп Weekly. 2021. № 901–902. URL: http://demoscope.ru/weekly/2021/0901/barom01.php

Первые попытки дать оценку объемам денежных переводов мигрантов как из России, так и в Россию относится к 1994 г., но они оказались не столь эффективными из-за несформированности этой системы. Вплоть до начала 2000-х гг. отток и приток денежных переводов суммарно незначительно различались и находились в интервале от 1 до 4 млрд долл. В 1994 и 2000 гг. приток денежных переводов из-за рубежа даже превышал их отправление, поскольку россияне отправлялись на заработки в страны Европы, США и др. Увеличение объемов денежных переводов мигрантов началось с 2000-х гг. Согласно оценкам, для которых использовались статьи платежного баланса России, разработанного в ЦБ РФ по методологии BOP6, за период с 2001 по 2014 г. объем денежных переводов за пределы России увеличился почти в 36 раз, а в Россию — в 8 раз. Особенно значительно вырос объем переводов мигрантов из России в бывшие союзные государства — более чем в 60 раз в сравнении с ростом примерно в 20 раз в страны дальнего зарубежья. Благодаря столь впечатляющему приросту транснациональных перемещений денежных переводов Россия, несмотря на мрачные прогнозы после 1990-х гг., довольно быстро вышла на 2-е место в мире по объему отправленных денежных переводов после США, опередив Саудовскую Аравию и многие ведущие экономики развитого мира[3].

Образ жизни в трудовой миграции для заработка средств приводит к ощутимым социальным изменениям в семьях трудовых мигрантов, что оказывает влияние и на самих мигрантов. Дело в том, что миграция подвергает серьезным испытаниям семейные структуры, деформирует привычные статусы и ставит под сомнение сложившиеся ранее иерархии. В результате масштабных изменений, вызванных феноменом трудовой миграции из Кыргызстана, главами домохозяйств все чаще становились женщины, а зависимость от дедушек бабушек резко возрастала, поскольку на них возлагались основные функции по уходу за маленькими детьми. Длительное отсутствие одного или двоих супругов провоцирует страхи того, что семья может распасться, а моральные нормы и ценности семьи и отдельных ее членов подвергнуться серьезным испытаниям.

[3] Денисенко М. Б., Козлов В. А., Фаттахова А. А. Современные тенденции денежных переводов мигрантов в России и в мире // Демографическое обозрение. 2016. Т. 2, № 3. С. 5–29. С. 16, 21.

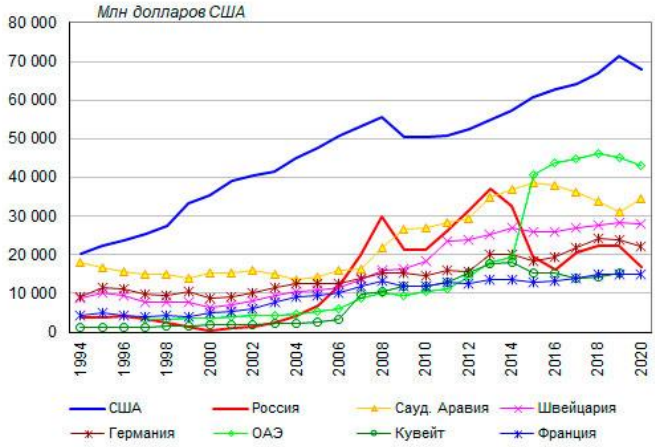

Рис. 5. Объемы денежных переводов из 8 стран с наибольшими объемами денежных переводов мигрантов из страны в 2013 г., 1994–2020 гг., млн долларов США[4]

Таблица 27

Ответы на вопрос: «Отправляете ли Вы денежные средства членам семьи и близким родственникам?»

Варианты	Кыргызстан		Таджикистан		Узбекистан	
	Общ. кол-во опр.	Общ. кол-во опр. (в %)	Общ. кол-во опр.	Общ. кол-во опр. (в %)	Общ. кол-во опр.	Общ. кол-во опр. (в %)
Да	291	72,2 %	345	61,1 %	442	81,7 %
Нет	77	19,1 %	121	21,4 %	75	13,9 %
Нет ответа	35	8,7 %	99	17,5 %	24	4,4 %

Подавляющее большинство информантов ответило, что действительно на регулярной основе отправляет деньги своим близким, оставшимся в стране исхода. Те, кто дал отрицательный ответ прокомментировали, что в их случае это связано с переездом семьи в Россию — в таком случае деньги отправлять практически некому. Как отметил Ислом после того, как он перевез семью, младший брат продолжил заботиться о родителях и переводить им некоторые суммы, чтобы они могли

[4] Щербакова Е. М. Иностранная рабочая сила в России по итогам 2020 года // Демоскоп Weekly. 2021. № 901-902. URL: http://demoscope.ru/weekly/2021/0901/barom01.php

купить дорогие лекарства или приобрести какой-то сельскохозяйственный инвентарь, бытовую технику и др. Однако сам Ислом уже практически не принимал участие в поддержке родственников, оставшихся в Узбекистане. Кроме того, такой сценарий характерен для студентов, работающих чтобы обеспечить в первую очередь самих себя и оплатить обучение в университете или колледже с заработанных денег.

Некоторые информанты признались, что не хотят афишировать факт того, что на регулярной основе переводят деньги из России своим близким, поскольку опасаются за свои персональные данные и безопасность. В основном это касалось выходцев из Таджикистана. Они подчеркивали, что за последнее время (примерно с 2019 г.) они сами и их знакомые стали подвергаться частым обвинениям в необоснованном получении большого количества пособий, льгот, в «паразитическом» образе жизни, отправке очень больших сумм из бюджета на родину в Таджикистан. Поэтому многие информанты, прибывшие из Таджикистана, отказались отвечать на вопрос совершают ли они денежные переводы кому-либо. В целом информанты из Таджикистана заметно чаще по сравнению с остальными подчеркивали, что не желают делиться какой-либо личной информацией, проявляли закрытость и испытывали недоверие к взаимодействию с автором.

Таблица 28

Ответы на вопрос: «Назовите, пожалуйста, примерную сумму, которую Вы отправляете (или планируете отправлять) в среднем в месяц»

Варианты	Мигранты из Кыргызстана	Общ. кол-во опр. (в %)
от 1 до 5 тыс. сом	43	10,7 %
от 5 до 10 тыс. сом	57	14,1 %
от 10 до 25 тыс. сом	92	22,8 %
от 25 до 50 тыс. сом	88	21,8 %
от 50 до 100 тыс. сом	22	5,5 %
от 100 тыс. и больше	0	0,0 %
По-разному в зависимости от обстоятельства	57	14,1 %
Нет ответа	44	10,9 %

Принимая во внимание заметную разницу в курсах национальных валют и потребительских стратегиях домохозяйств в каждой из стран, каждый случай описывается отдельно. Так по данным Национального банка Кыргызстана в январе-августе 2024 г. кыргызстанские трудовые мигранты из России отправляли в среднем 684$ ежемесячно. На втором месте следовали рабочие из Южной Кореи, которые отправили по 353,9$, затем идут США — 134,38$, Турция — 36,8$ и Казахстан — 3,8$[5]. Информанты отметили, что их суммы переводов несколько меньше, поскольку доходы кыргызстанцев, работающих в Москве и городах Урала, далеко не всегда можно сопоставлять.

Наибольшая часть информантов осуществляет ежемесячно перевод сумм в диапазоне от 10 до 50 тыс. сом (от 10 до 25 тыс. сом — высылают 22,8 %, от 25 до 50 тыс. сом — 21,8 %, что указывает на преобладание средних сумм денежных переводов. Крупные суммы от 50 тыс. сом составляют минимальную долю в структуре денежных переводов наших информантов. Это связано, с одной стороны, с тем, что доходы информантов носят ограниченный характер, а с другой – такие большие суммы редко требуются семье. Заметная доля информантов отметила, что сумма ежемесячного перевода может варьироваться в зависимости от сложившейся ситуации, что подчеркивает гибкость потребительских стратегий на родине. Многие информанты адаптируют циклы денежных переводов под изменения контекстов в принимающей стране и в стране исхода. В ряде случаев выработалась определенная логика, предполагающая сезонность тех или иных расходов, создание резервов на случай непредвиденных расходов. Например, на случай падежа скота или наводнения, неурожая и др. проблем. Так информант под псевдонимом Атай рассказал, что он и его братья во время трудовой миграции договорились 5–7 % от заработной платы откладывать на специальный счет, чтобы в случае неприятностей в родном селе дополнительно изыскать ресурсы для помощи родителям и родным. Отказы от ответа на вопрос могут быть связаны с нежеланием информантов раскрывать личную информацию о своих

[5] Тетерь З. Каждый мигрант из КР отправляет домой чуть больше $400 в месяц. А из какой страны шлют больше? // Акчабар. 16 октября 2024. URL: https://www.akchabar.kg/ru/article/lichnie-finansi-hnqkxevqxnwxkxsy/kazhdyj-migrant-iz-kr-otpravlyaet-domoj-chut-bolshe-400-v-mesyac-iz-kakoj-strany-shlyut-bolshe

доходах, возможностях осуществлять денежные переводы на родину.

По данным Центрального банка Узбекистана за январь–октябрь 2024 г. объем внешних денежных переводов в Узбекистан составил $12,6 млрд, что на 34 % больше, чем в 2023 г. Российская Федерация остается основной страной для трудовой миграции узбекистанцев, поскольку порядка 78 % этих средств перевели из России (это около $9,8 млрд). Источниками остальных поступлений являлись Казахстан ($699 млн), США ($470 млн), Южная Корея ($458 млн), Турция ($331 млн) и Великобритания ($109 млн).

Заметный рост международных денежных переводов в Узбекистан в 2024 г. связывали, с одной стороны, с экономическим ростом в странах трудовой миграции принимающих трудовых мигрантов, а с другой, с диверсификацией миграционных потоков в развитые страны. В частности, в России средний рост заработных плат в основных секторах для мигрантов вырос на 38 %. Например, в строительстве заработная плата увеличилась на 55 %, в сфере доставки — на 48 %, в услугах такси и ресторанного сервиса — на 46 %, а в грузоперевозках — на 14 %. По данным Агентства по миграции Узбекистана, с начала 2024 г. количество граждан, официально отправившихся в трудовую миграцию, превысило 113 тысяч человек, что в 3,6 раза больше по сравнению с прошлым годом. Эти меры также способствуют росту объемов международных денежных переводов, поступающих в Узбекистан. Например, переводы из США увеличились на 37 %, из Южной Кореи — на 71 %, из Великобритании — на 76 %, а из стран ЕС — на 41 %[6].

Несмотря на прогнозы экспертов о снижении объемов денежных переводов после начала СВО, переводы из России в Таджикистан не сократились, а значительно возросли. По оценкам Всемирного банка в 2022 году эта сумма составила $5,3 млрд, что оценивалось примерно в 49 % ВВП Таджикистана. Это почти вдвое превысило показатели 2021 г. ($2,9 млрд). Судя по всему, введенные с 2022 г. санкции, частичная мобилизация и эмиграция определенного количества россиян создали ощутимый дефицит на рынке труда, в том числе в строительстве, логистике и ЖКХ. Стоит отметить, что дефицит кадров в России привел к росту зарплат

[6] Объем денежных переводов в Узбекистан составил $12,6 млрд // UZ. DAILY. 30 ноября. 2024. URL: https://www.uzdaily.uz/ru/obem-denezhnykh-perevodov-v-uzbekistan-sostavil-126-mlrd/

в теневом секторе, где занята значительная часть мигрантов. Ослабление рубля в 2022 году стимулировало переводы в долларах для сохранения сбережений. Даже после относительной стабилизации курса рубля объемы денежных переводов оставались высокими. Ужесточение контроля за нелегальными переводами (например, через «хаваллу») перенаправило финансовые потоки в официальные каналы. Рост инфляции и снижение доходов усилили зависимость оставшихся в Таджикистане от переводов из-за рубежа. Семьи мигрантов стали более активно переводить средства, опасаясь заморозки счетов или новых ограничений на перемещение денежных средств.

Говорить о точном количестве таджикских трудовых мигрантов на территории России сложно, так как официальные данные двух стран сильно разнятся. Согласно российской статистике, на территории этой страны проживает и работает более 1,5 млн таджикских граждан, а в соответствующих структурах Таджикистана утверждают, что число таких лиц не достигает даже 1 млн человек. По данным Минтруда РТ, в 2023 г. в трудовую миграцию выехало из республики чуть более 600 тысяч человек, а сведения российского миграционного ведомства говорят о том, что только за 9 месяцев в поисках работы в страну въехало свыше 800 тысяч таджикских граждан[7].

В литературе трудовая миграция тесно связана с трансформациями представлений о мужественности и нациестроительстве в постсоветском Узбекистане. В солидной подборке трудов авторы стремились выявить характер связей между двумя основными идеями. С одной стороны узбекской маскулинностью и обязанностью мужчин выполнять роль кормильцев, в том числе находясь в трудовой миграции, а с другой ролью национального государства в формировании гендерных ракурсов узбекского национализма в результате постколониальных влияний[8]. В то же время информанты мужского пола сетовали, что динамичная трудовая миграция и практики

[7] Чоршонбаев П. Денежные переводы в Таджикистан во время российско-украинского конфликта выросли почти в два раза // Asia-plus. 5 июля. 2024. URL: https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/economic/20240705/denezhnie-perevodi-v-tadzhikistan-vo-vremya-rossiisko-ukrainskogo-konflikta-virosli-pochti-v-dva-raza

[8] Zhao Y. Breadwinning, migration, and nation-building: a critical scoping review of men, masculinities, and social change in post-Soviet Uzbekistan // NORMA. 2022. Vol. 17 (2). P. 124–142.

освоения денежных переводов вызывали непреднамеренные и масштабные сдвиги в гендерных иерархиях. Женщины стали не только более активно участвовать в общественной жизни (работа в школах, махалля-комитетах) и принимать участие в трудовой миграции, но самое главное получили возможности самостоятельно распоряжаться доходами – своими и своих домохозяйств, что существенно повысило их социальный статус. Кроме того, случаи, когда женщины выходили замуж за иностранцев или разводились по собственной инициативе бросали вызов нормам о «правильном» поведении (проживание рядом с семьей, подчинение старшим и мужу)[9].

Массовая трудовая миграция подвергает определенной коррекции привычные социальные и гендерные роли. С одной стороны, информанты признают, что женщины обретают определенную независимость, зарабатывая самостоятельно и(или) осуществляя управление денежными переводами и мобильной связью, но в то же время они сталкиваются с возросшим бременем домашних дел, поскольку им необходимо контролировать и направлять социальную жизнь детей, в том числе на расстоянии, распределять и осваивать эти средства наиболее эффективным образом.

В Таджикистане вся полнота ответственности за состояние домашних дел и уход за членами семьи возложена на женщин. Зачастую они не выполняют каких-либо трудовых функций за пределами дома, часто не имея источников дохода, кроме средств от своих мужей. Как отметил Дилшод, во время отъезда мужа в трудовую миграцию жена, как правило, проживает с родными мужа, которые, вправе претендовать на денежные переводы, что порождает конфликтные ситуации в распределении средств.

Признавая некоторое сходство этнических групп, прибывших в Россию для осуществления трудовой деятельности, необходимо понимать, что мигранты в зависимости от государств исхода и многих других факторов формируют собственный набор приоритетов и сетей социальной поддержки. Различны реакции на изменения обстоятельств в странах исхода и приема, способы освоения заработанных средств[10].

[9] Kikuta H. Remittances, rituals and reconsidering women's norms in mahallas: emigrant labour and its social effects in Ferghana Valley // Central Asian Survey. 2015. Vol. 35 (1). P. 91–104.

[10] См.: Абашин С. Н. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 3–13.

Ниже представлены результаты полевых исследований автора этой проблемы и предприняты попытки внести вклад в литературу по вопросу освоения денежных переводов центральноазиатскими мигрантами и их семьями. По данным опроса, проведенного фондом Гэллапа в 2012 г., порядка 63 % респондентов в Центральной Азии сообщали, что заработанные деньги в основном расходовались на срочные траты для них самих и домохозяйств: питание, одежда, лечение, ремонт. Лишь очень незначительная доля респондентов вложила заработки в образование (2 %) или в открытие, поддержку бизнеса (3 %), еще 3 % отложили часть средств для создания накоплений (счета, депозиты и др.)[11]. Информанты характеризовали свой личный опыт освоения денежных переводов, динамику расходов, смену приоритетов при распределении заработков.

Таблица 29

Ответы на: «Пожалуйста, укажите, на какие потребности расходуются отправленные вами средства»

Варианты	Кыргызстан		Таджикистан		Узбекистан	
	Общ. кол-во опр.	Общ. кол-во опр. (в %)	Общ. кол-во опр.	Общ. кол-во опр. (в %)	Общ. кол-во опр.	Общ. кол-во опр. (в %)
Строительство и ремонт дома	39	9,7 %	45	8,0 %	112	39
Воспитание и образование детей	11	2,7 %	12	2,1 %	27	11
Медицинские услуги	24	6,0 %	37	6,5 %	19	24
Выплата кредита	21	5,2 %	22	3,9 %	8	21
Покупка скота, развитие сельского хозяйства	18	4,5 %	8	1,4 %	17	18
Оплата обучения в университете, колледже	16	4,0 %	19	3,4 %	37	16
Покупка земельного участка или недвижимости	8	2,0 %	8	1,4 %	29	8

[11] Трудовая миграция и трудоемкие отрасли в Кыргызстане и Таджикистане: возможности для человеческого развития в Центральной Азии. СПб.: Евразийский банк Развития. С. 66.

Окончание таблицы 29

Варианты	Кыргызстан		Таджикистан		Узбекистан	
	Общ. кол-во опр.	Общ. кол-во опр. (в %)	Общ. кол-во опр.	Общ. кол-во опр. (в %)	Общ. кол-во опр.	Общ. кол-во опр. (в %)
Организация и проведение свадебных торжеств, проведения похорон	59	14,6 %	26	4,6 %	36	59
Для покупки домашней мебели и техники	16	4,0 %	17	3,0 %	22	16
Доступ к электроэнергии, отоплению и энергоэффективности	3	0,7 %	18	3,2 %	6	3
Озеленение, посадка саженцев, садоводство, и т. д.	3	0,7 %	12	2,1 %	14	3
На создание и развитие бизнеса	15	3,7 %	43	7,6 %	56	15
Повседневные нужды / продукты питания	82	20,3 %	138	24,4 %	75	82
Для покупки компьютера и/или мобильного телефона	29	7,2 %	35	6,2 %	23	29
Доступ к чистой питьевой воде	4	1,0 %	18	3,2 %	12	4
Для покупки автомобиля	39	9,7 %	54	9,6 %	48	39
Строительство мечетей и медресе	3	0,7 %	11	1,9 %	0	3
Сборы на восстановление пастбищ (пастбищные комитеты и др.)	3	0,7 %	9	1,6 %	0	3
Другое	0	0,0 %	0	0,0 %	0	0
Нет ответа	10	2,5 %	33	5,8 %	0	10

Дебаты по поводу структуры расходов домохозяйств, участвующих в трудовой миграции, предполагают не только отсылку к подсчетам выгод и издержек. Неизменно встречались отсылки к целому комплексу социальных и моральных обязательств, вопросам о сохранении лица и престижа перед обществом, к которому мигрант принадлежит. В литературе

по теме миграции авторы зачастую апеллируют к экономическим интерпретациям мотивов и поведения мигрантов. Последние преследуют цель максимально сократить издержки и увеличить выгоды своего пребывания. Признавая адекватность таких объяснений, отметим, что ситуация нередко выглядит существенно сложнее издержек[12]. В рамках этой логики актор выезжает на постоянное место жительства в другую страну для заработка и поиска более высокого качества жизни или работы и отправки денежных средств семье с целью обеспечить ей высокое качество жизни.

После того, как трудовой мигрант заработает достаточное количество денежных средств происходит возвращение домой. Какой характер оно будет носить — временный или постоянный — зависит от обстоятельств. В существенной части миграционных исследований, подготовленных на российском материале, эта логика формирует язык описания и очерчивает основной объект внимания. Работы, посвященные проблеме денежных переводов, носят немногочисленный характер[13], поскольку только недавно появилась возможность перейти от количественного анализа данных к реконструкции этих практик глазами отдельного актора.

[12] Nawaz F., Kayani U., Aysan A.F. Nexus between foreign remittances and poverty alleviation: Empirical investigation of Tajikistan from Central Asia // Cogent Social Sciences. 2024. Vol. 10 (1). URL: https://doi.org/10.1080/23311886.2023.2275554; Гиноян А.Б. Миграционные процессы и макроэкономические последствия ремиттансов в странах СНГ: специальность 08.00.14 «Мировая экономика»: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. М., 2017.

[13] См.: Садовская Е. Денежные переводы трудовых мигрантов и их роль в мигрантских домохозяйствах стран Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2006. № 3 (45). С. 130–144; Головнин, М. Ю. Региональные эффекты мирового экономического кризиса на пространстве СНГ: канал денежных переводов мигрантов // Евразийская экономическая интеграция. 2011. № 2 (11). С. 36-50; Кумо К. Таджикские трудовые мигранты и их международные денежные переводы // Экономика региона. 2012. № 2(30). С. 285-301; Ревинова С. Ю. Некоторые аспекты денежных переводов мигрантов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2013. № 3. С. 38–47; Yormirzoev M. M. Migration, remittances and economic growth: an empirical study in the case of former Soviet republics // Perm University Herald. Economy. 2016. No. 4(31). P. 86-94; Письменная Е., Рязанцев С., Боженко В. Диаспоры из стран Центральной Азии в Российской Федерации: миграционные каналы и вклад в социально-экономическое развитие посылающих сообществ // Центральная Азия и Кавказ. 2016. Т. 19, № 4. С. 97-105.

Подходы, направленные на осмысление моделей поведения трудовых мигрантов, не сбрасывают со счетов экономической логики в их действиях, они нацелены на поиск новых граней и ракурсов, дополнение широким набором целей и мотивов, смыслов и ожиданий. Тем самым перед исследователем открывается возможность представить стратегии трудовых мигрантов как более противоречивые или даже конфликтующие одна с другой. В этом смысле поведение участников трудовой миграции предстает как более неопределенное, эмоциональное и не всегда поддающееся исключительно рациональной экономической логике, основанной на калькуляции прибылей и убытков.

В литературе нередко встречаются попытки размышлять не только о денежных переводах как таковых, но и некой моральной экономике, стоящей за ними. Так происходит по той причине, что сам факт транзакций денежных средств не стоит рассматривать в отрыве от тех нормативных структур, практик и социальных капиталов, которые за ним находятся, переходят в них, стимулируют и направляют акторов транснациональных миграций. Некоторые из этих нормативных структур вырастают из самих практик регулярных переводов. Это явление принято называть «моральной экономикой», «статусом и престижем»[14] и т. д.

В контексте миграционных исследований важно отметить, что специалисты пришли к определенному консенсусу о том, что социальный капитал, своего рода основа этой моральной экономики, заключается в способности обеспечить преимущество благодаря членству в социальных сетях и других социальных структурах. Применительно к миграции это позволяет существенно расширить не только наши представления о мотивах миграции, но результатах. В том числе тех ресурсах, которые получает или стремится получить актор и его домохозяйство с помощью конвертации заработанных денежных средств в статусы и отношения[15].

[14] Levitt P. Social Remittances: Migration Driven Local-Level Forms of Cultural Diffusion // The International Migration Review. 1998. Vol. 32 (4). P. 926–948; Levitt P., Lamba-Nieves D. Social Remittances Revisited // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2010. Vol. 37 (1). P. 1–22.

[15] Eckstein S. Immigration, remittances, and transnational social capital formation: a Cuban case study // Ethnic and Racial Studies. 2010. Vol. 33 (9). P. 1648–1667; Simoni V., Voirol J. Remittances and morality: family obligations, development, and the ethical demands of migration // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2020. Vol. 47 (11). P. 2516–2536.

Хотя информанты признают, что отъезд в трудовую миграцию зачастую необходим для банального выживания многих домохозяйств или реализации каких-то важных личных или семейных проектов, трудовая миграция влечет за собой множество существенных рисков и неопределенностей как для участников, так и для членов их семей. Мигранты являются активным актором в процессе создания, развития и переформатирования широкого спектра транснациональных связей, включающих человеческие отношения, поездки на родину, регулярные денежные переводы, которые дают широкие возможности частного общения и управление финансами. Эти связи поддерживают социальные отношения и идентичность деревни, несмотря на физическое отсутствие. Миграция расценивается нашими информантами не только как коридор возможностей для получения нового жизненного опыта и улучшения уровня жизни семьи, она расценивается как болезненная, но необходимая жертва и серьезная угроза традиционным ценностям. В то же время инвестиции, сделанные коллективом трудовых мигрантов, (например, школьный забор, отремонтированная игровая площадка и др.) символизируют приверженность мигрантов развитию своей локальной общины, укрепляя гордость за принадлежность к ней, повышение ее социального статуса и ее членов. Добавим и то, что так укрепляется преемственность опыта трудовой миграции. Поиск квалифицированной работы (например должность электрика, водителя автомобильной или строительной техники) воспринимается более позитивно, чем участие в неформальной торговле или челночном бизнесе, что отражает установки и ценности, связанные с образованием и жизненной стабильностью, поддержанием социального статуса.

Как отметила Э. Исабаева миграция способствовала созданию «новой моральной экономики» в сельских районах Кыргызстана, где отъезд на заработки является своего рода коллективной жертвой для поддержания своих домохозяйств и деревни в целом. Несомненно, что миграция оказывает крайне пагубное влияние на традиционные социальные структуры, но в то же время она крайне важна для обеспечения экономического выживания, сохранения стабильности сельских сообществ в Ошской, Баткенской и Джала-Абадской областях. Денежные переводы словно «замедляют время» для членов таких сообществ, позволяя членам многих семейств хронологически отодвинуть в будущее момент

своего отъезда в трудовую миграцию, вложить ценные ресурсы в благосостояние своей семьи и общины. Тем самым миграция становится вызовом и действенным механизмом решения текущих проблем отправляющего общества[16]. Трудовую миграцию кыргызские информанты обозначали как «талаада» (в пер. с кыргызского языка — в поле), что в их интерпретации означает длительное нахождение вдали от дома в очень тяжелых условиях, каждодневный напряженный труд без выходных или перерывов. Это состояние морально неоднозначно для участников трудовой миграции, поскольку сочетает в себе тоску по дому, ожидание встречи с родственниками и переживание того, что нет возможности в любой момент находится рядом с членами семьи.

Так Д. Ван, А. Хагедорн и Г. Чи провели один из наиболее масштабных обзоров влияния денежных переводов на структуру расходов домохозяйств в Кыргызстане. Опираясь на панельные данные исследования «Жизнь в Кыргызстане» (2011–2013 гг.), авторы анализировали, как денежные переводы изменяют расходы домохозяйств по основным восьми категориям потребления: продукты питания, потребительские товары, жилье, медицинские расходы, образование, связь/транспорт, статусные мероприятия и другие расходы. Для достижения цели были использованы национально репрезентативные панельные данные по 2393 домохозяйствам, отслеживаемые на протяжении трех лет. При этом авторы признают, что собранные источники имеют ряд существенных познавательных ограничений. Во-первых, сбор данных проводился после финансового кризиса 2008 г., что, возможно, оказало существенное влияние на экономическое поведение. Во-вторых, методика исследования не предполагала оценку сбережений и накоплений, что потенциально исключало многие ключевые виды использования денежных переводов. В-третьих, фокусировка на долях расходов оставляет за скобками более широкие последствия денежных переводов.

Денежные переводы оказали минимальное влияние на большинство категорий расходов. Увеличение денежных переводов на 1 % немного снизило долю расходов на продукты питания (на 0,00001 единицы) и скромно увеличило медицинские расходы. Никаких существенных изменений

[16] Isabaeva E. Leaving to enable others to remain: remittances and new moral economies of migration in southern Kyrgyzstan // Central Asian Survey. 2011. Vol. 30 (3–4). P. 541–554.

не наблюдалось в образовании, жилье или других категориях. Результаты показали, что домохозяйства относились к денежным переводам как к постоянному доходу, распределяя средства пропорционально по существующим моделям расходов, а не перераспределяя их в сторону долгосрочных инвестиций, например вложения в образование или недвижимость.

Домохозяйства, относившиеся к категории наиболее бедных (нижние квантили), за счет дополнительных денежных поступлений сокращали долю расходов на продукты питания более заметно, а более богатые (верхние квантили) — по мере роста денежных переводов тратили больше на потребительские товары. Мониторинг, проведенный авторами, свидетельствовал о том, что несмотря на макроэкономическую зависимость Кыргызстана от денежных переводов, расходы на уровне домохозяйств существенных изменений не претерпели, что подчеркивает ощутимый разрыв между высокой степенью зависимости и отсутствием изменений микроэкономического поведения. Полученные на тот момент результаты ставят под сомнение предположения о том, что денежные переводы приводят к значительным сдвигам в инвестициях или демонстративному потреблению. Вместо этого наблюдались стратегии сглаживания доходов.

Несмотря на ряд существенных познавательных ограничений, исследование подчеркивало сложность и многофакторность влияния денежных переводов. Подчеркивались контекстуальные факторы в Центральной Азии. Хотя денежные переводы стабилизируют бюджеты домохозяйств, они не меняли, во всяком случае после мирового финансового кризиса, принципиальной коррекции приоритетов расходов не отмечалось[17]. Подавляющее большинство информантов отмечало, что эти результаты в целом отражают положение в большинстве кыргызстанских домохозяйств в посткризисный период. Ряд информантов согласились, что на определенном этапе структура расходов их семьи выглядела аналогичным образом, но после улучшения экономической ситуации структура потребления начала меняться, что свидетельствует о гибкости стратегий, связанных с освоением заработанных денежных средств.

[17] Wang D., Hagedorn A., Chi G. Remittances and household spending strategies: evidence from the Life in Kyrgyzstan Study, 2011–2013 // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2019. Vol. 47 (13). P. 3015–3036.

Результаты глубинных интервью показывают, что пристальное внимание информантов к таким категориям как «честь» и «престиж», выраженное в разных риторических формах и конструкциях, дает основания продумать, как же много усилий мигрант и его домохозяйство вкладывают в демонстрацию окружающим, а также самим себе успешности и, если угодно, нормальности избранных миграционных практик. Большинство нарративов фактически сводилось к тому, что трудовая миграция далеко не всегда сводится к заработку денежных средств. Скорее мы видим, что это чрезвычайно сложный социальный феномен, в рамках которого заработок денег, их освоение и др. Кроме того, для акторов, вовлеченных в трудовую миграцию в Россию, актуальны задачи не столько потратить денежные средства, сколько найти возможность конвертировать их в другие виды капитала. Участник трудовой миграции представляет и презентует себя рациональным актором, который способен осуществлять контроль над выгодами и рисками, принимать решения, основываясь на скрупулезной калькуляции всех минусов и плюсов. Собственно, сам экономический капитал — денежные переводы — никогда не остается за пределами поля зрения мигранта и его домохозяйства, уменьшение или увеличение этого экономического капитала неизбежно влияет на изменение поведения и стратегий.

Большинство узбекистанских информантов отметило, что денежные переводы для них — это способ решения многих важных проблем, связанных с реализацией статусных проектов таких как строительство и ремонт дома, покупка автомобиля, организация свадьбы. Узбекистан рассматривается информантами как одно из наиболее экономически развитых государств Центральной Азии, где уровень благосостояния населения ощутимо выше, чем в других государствах региона. Поэтому перед домохозяйствами трудовых мигрантов из Узбекистана реже возникает проблема повседневных расходов — одной из основных целей трудовой миграции становится строительство, ремонт или расширение дома, что олицетворяет статус хозяина и его семьи. Престиж обладает своей собственной ценностью, своими правилами накопления и сбережения, его можно конвертировать в социальный и(или) экономический капитал. При этом, как отметили информанты стройка практически, никогда не останавливается, поскольку в Узбекистане высокий уровень естественного прироста,

что приводит к необходимости периодически «отделяться» новым семьям. В силу чего даже сложился определенный цикл, когда строительный проект необходимо осуществлять примерно раз в десятилетие. В целом информанты, прибывшие в трудовую миграцию из Узбекистана, значительно чаще воспроизводили нарратив о «мигрантском доме», необходимости вкладываться в него.

Информанты, отправлявшие деньги в Кыргызстан и Таджикистан значительно реже говорили о строительстве дома в качестве цели миграции — кыргызстанцы 9,7 % и таджикистанцы — 8 %. Это вызвано тем, что, с одной стороны, отличается структура расходов домохозяйств в этих странах, а с другой, часть строительных проектов уже реализована на ранних этапах. Как отметил Акмал, свой проект «дома» и строений на участке он реализовал еще до экономических неурядиц 2014 г., поэтому теперь «нужно кормить детей, покупать одежду и школьные принадлежности». Более скромный уровень доходов, ограничивает возможности для осуществления инвестиций в жилье.

Основной массив интервью скорректировал первоначальные представления автора о приоритетной роли медицинских расходов в распределении денежных переводов. Чаще всего о расходах на медицину как приоритетной цели говорили мигранты из Таджикистана, причем они признавали, что на этапах, предшествовавших интервью затраты на оказание медицинской помощи играли более важную роль. Большинство информантов отметило, что таджикистанцы редко обращаются за помощью медиков, практически не посещают врачей для профилактики заболеваний и др. Информанты сетовали на то, что система государственного здравоохранения в Таджикистане находится в упадке, что вынуждает население или обращаться к платной медицине, или игнорировать проблемы со здоровьем длительное время. Обычно это заканчивается отложенными на 5–10 лет затратами на медицинские услуги и серьезными осложнениями для организма.

Применительно к образованию узбекистанцы признали, что часто тратят заработанные средства на обучение детей, что вполне согласуется с государственными мерами, направленными на развитие человеческого капитала. Информанты, совершавшие денежные трансферты в Кыргызстан и Таджикистан, отметили, что хотели бы больше вкладывать в образование своих детей, но этого сделать в полном объеме

не получается. Возможно, это связано с тем, что основная часть информантов из этих стран являются выходцами из сельской местности или малых городов, где дети очень рано вовлекаются в домашнее хозяйство. Кыргызстанские студенты во время глубинных интервью тоже отметили, что они очень рано научились многим работам по хозяйству вынужденно, чтобы оказывать весомую помощь своим матерям, отцам и другим родственникам.

Кроме того, домохозяйства в Кыргызстане и Таджикистане крайне ограничены в своих возможностях вкладываться в человеческий капитал – в основном денежные переводы тратятся на какие-то текущие расходы, а не в развитие. Информанты признают, что дети в семьях, члены которых отправились в трудовую миграцию часто попадают в своеобразную «ловушку бедности». Находясь в этой ситуации, они не могут или не мотивированы получать образование, поскольку не видят себе применения по специальности на родине, а долгое время учиться в надежде занять высокий пост или уехать за границу готовы далеко не все. Доходы от трудовой миграции расходуются на поддержание определенных стандартов потребления, а не инвестируются в будущее своих детей. Основная цель для таких семейств — банально прокормить своих детей и обеспечить их самым элементарным.

В подтверждении слов информантов можно добавить, что по состоянию на 2020 г. в Кыргызстане свыше 800 тыс. детей до 17 лет находились за чертой бедности, что составляло примерно треть от их общего количества[18]. Схожая картина выявлена в Таджикистане, где наблюдаются самые высокие показатели задержки роста среди детей Европы и Центральной Азии. Согласно демографическому и медицинскому обследованию 2017 г., 18 % детей в возрасте от 0 до 5 лет в Таджикистане имели задержку роста. Наибольшая доля фиксировалась в сельской местности, в особенности Горно-Бадахшанской автономной области, Хатлонской области, городах и районах республиканского подчинения[19].

[18] Кыргызстан: Каждый третий ребенок проживает в бедности // Cabar Asia. 2023. URL: https://longreads.cabar.asia/childpovertyinkg

[19] Таджикистан: Детская бедность остается широко распространенным явлением // Cabar Asia. 2023. URL: https://longreads.cabar.asia/childpovertyintj

Такая статья расходов, как свадьбы и похороны относится к эпизодическим целям. Обычно на свадьбу копят после достижения каких-то других важных задач трудовой миграции. О финансировании традиционных календарно-обрядовых мероприятий чаще всего говорили информанты из Кыргызстана, что обусловлено культурными традициями и ожиданиями сельских сообществ. Несмотря на массу сложностей, той с приглашением большого количества гостей организуют по возможности все участники трудовой миграции. Хотя информанты отметили, что в последние годы правительства стран исхода вводят различные ограничения на пышные мероприятия, признанные расточительными для и так бедного населения. Организация дорогостоящих мероприятий и застолий, которые в странах исхода нередко воспринимаются как важное социальное обязательство и способ демонстрации статуса в сообществе, приводит к неэффективному распределению ресурсов. В таких случаях приоритетной статьей расходов домохозяйств становится потребление, в том числе демонстративное, а не инвестиции в образование, здоровье или бизнес. Хотя денежные переводы носят регулярный характер, тем самым усугубляется ловушка бедности.

Серьезное негодование эти практики вызвали у кыргызских информанток. Они критически оценивали поведение своих родных и близких, оставшихся на родине, которым сложно в полной мере понять все тяготы жизни в трудовой миграции. Необходимость подтверждения социального статуса, особенно в сельских сообществах на Юге Кыргызстана, (аргумент у нее же дети хорошо в России зарабатывают) приводит к расточительности в распределении так тяжело заработанных средств. Молодые девушки признавались, что ощущают по этой причине эмоциональную дистанцию в отношениях с родителями и старшими родственниками[20]. Судя по данным полевых исследований для информантов из Таджикистана (4,6 %) и Узбекистана (6,7 %), данный сюжет не так важен, они осознают, что необходима умеренность в «праздновании» и функциональную роль запретов и государственных ограничений на масштабные мероприятия.

[20] Аналогичные оценки приведены см.: Хрупкая сила миграции: потребности и права женщин и девочек Республики Таджикистан и Кыргызской Республики, затронутых трудовой миграцией. МОМ, 2018. С. 36

Материалы интервью позволили частично реконструировать освоение денежных переводов для проведения статусных мероприятий в Ферганской долине Узбекистана. Обращение к услугам профессиональных поваров и использование платных залов для свадебных и др. мероприятий приводят к ощутимому ослаблению традиционных социальных связей и практик взаимопомощи. В дополнении к этому в литературе отмечалось, что проведение пышных мероприятий негативно сказывается на ситуации в сельских сообществах Узбекистана, поскольку у наблюдателей формировалось чувство фрустрации из-за демонстрации богатства, наглядных признаков социального расслоения в ранее относительно однородных махалля. Тем самым денежные переводы заметно трансформируют отношение к праздникам и связей, лежащих в основе солидарности, взаимопомощи и взаимоконтроля[21].

Важной статьей расходов является обеспечение повседневных нужд. Больше всего об этой проблеме рассказывали как раз трудовые мигранты из Таджикистана (24,4 %). Для них трудовая миграция становится средством обеспечить свои большие семьи питанием, повседневными предметами быта и т.д. Расходование денежных переводов на базовые потребности свидетельствует о низком уровне жизни населения, поскольку важные ресурсы по сей день тратятся во многих домохозяйствах на выживание. Хотя ситуация постепенно улучшается, по состоянию на 2000–2024 гг. Таджикистан является одной из наиболее голодающих стран на просторах бывшего СССР[22]. При этом надо отметить, что структура расходов наших информантов всегда выглядит динамично, многие отмечали, что на момент проведения интервью их основные потребности удовлетворены и деньги переводятся для повышения уровня потребления различных продуктов и товаров, чтобы «нормально питались». В случае необходимости структура потребления домохозяйств меняется, а вслед за ней и структура расходов.

[21] Kikuta H. Remittances, rituals and reconsidering women's norms in mahallas: emigrant labour and its social effects in Ferghana Valley // Central Asian Survey. 2015. Vol. 35 (1). P. 91–104.

[22] Global Hunger Index Scores by 2024 GHI Rank. URL: https://www.globalhungerindex.org/ranking.html

Хотя по официальным данным уровень бедности снизился с 22,5 % в 2022 г. до 21,2 % в 2023 г.[23], информанты отметили, что в Таджикистане наиболее сложная ситуация с наполнением продуктовой корзины, поскольку там это явление носит сравнительно массовый характер. Особенно остро положение обстоит в сельской местности, откуда в трудовую миграцию уезжает подавляющее большинство таджикистанцев. Так уровень бедности в городских и сельских домохозяйствах медленно, но верно снижается, и к 2023 г. в сельской местности составил 23,9 %, а в городах — около 9,6 %. При этом в 2023 г. почти 90 % бедного населения представляли жителей сельской местности[24]. Кыргызстанские информанты отметили, что для их домохозяйств проблема пропитания тоже актуальна, но общая ситуация выглядит несколько лучше, поскольку Кыргызстан не столь плотно населен как Таджикистан, есть больше возможностей для организации поставок более дешевых товаров из Китая и Казахстана, ощутимы возможности местного сельского хозяйства дать больше доступных товаров и т. д. Узбекистан в глобальном рейтинге голода стал единственным представителем Центральной Азии, расположенным на вершине рейтинга.

Одним из наиболее важных сюжетов для интервью являлись вложения денежных переводов в создание и развитие «своего дела». Информанты грезили перспективами вложиться и открыть бизнес на родине или в России. Однако они сами признавались, что часто отодвигают реализацию этого сценария на среднесрочные перспективы. Узбекистанцы, которые чаще демонстрировали желание вложить деньги в открытие бизнеса, отмечали, что это одна из наиболее важных для них целей, но ее реализации предполагает корректировку жизненного сценария, выработку новых навыков и компетенций для того, чтобы управлять своим проектом. Желание вкладываться в открытие своего бизнеса ослабевает, когда информанты начинают анализировать риски элементарно «прогореть». Ощутимо сокращает их оптимизм необходимость уехать на родину для открытия и контроля своего дела. Хотя

[23] Национальная черта бедности составляет 16,02 сомони на человека в день, а национальная черта крайней (продовольственной) бедности — 10,90 сомони на человека в день в ценах от ноября 2023 г.

[24] Доклад об экономике Таджикистана. Группа Всемирного банка в Таджикистане, 2024. С. 16.

в современном Узбекистане создается благоприятная среда для развития бизнеса, далеко не все участники трудовой миграции имеют возможность и желание воспользоваться открывшимися возможностями.

В Таджикистане по данным МОМ перед пандемией коронавируса деньги, полученные в трудовой миграции, в основном тратились на покупку продуктов питания и предметов первой необходимости: на образование детей — 20 %; остальное — на строительство, ремонт и покупку жилья, машины и прочее (23 %). Иными словами, в структуре расходов преобладают текущие расходы, потребление (питание, приобретение и ремонт жилья, товары широкого потребления, свадьбы и похороны), но практически нет вложений в создание и развитие предпринимательства. У мигрантов из Таджикистана на это остается примерно 0,4 % от общих объемов переводов[25]. Денежные переводы практически не инвестируются в развитие бизнеса, поскольку их не хватает для решения этой задачи даже на элементарном уровне. При этом информанты упоминали о практиках развития общественных пространств в родных селах, когда в том числе с помощью переводов происходит в развитие местной инфраструктуры — водопроводы, газопроводы, дороги, общественные места и пр. Однако эти инициативы носят локальный характер и зачастую лица, вовлеченные в трудовую миграцию, относятся к таким проектам с большим недоверием, поскольку осознают высокий уровень рисков, коррупции и отсутствие механизмов контроля за расходованием средств.

В антропологии миграции выталкивающие факторы традиционно рассматриваются сквозь призму экономических или политических обстоятельств. Однако интервью информантов довольно четко показывали еще один важный пласт мотиваций, по которым происходит перемещение в российские, в том числе приграничные регионы. Представители сельских сообществ акцентировали внимание на деградации водных ресурсов, почв и условий для жизни. В основном, конечно, речь шла о воде, нехватку которой все более остро ощущают или сами информанты или члены их семей. Азота рассказала, как в родном кишлаке каждый день проделывала сложный

[25] Возвратная миграция: международные подходы и региональные особенности Центральной Азии. Алматы: Международная организация по миграции (МОМ) — Агентство ООН по миграции, 2020. С. 130.

и долгий путь на колонку за водой. Набрав воды, отстаивала ее, чтобы осел «на дно песок и муть». Хотя нарастающий экологический кризис редко артикулируется в интервью выходцами из сел, они давали понять, что это важный фактор их отъезда в трудовую миграцию или на постоянное место жительства. Экология выступает сквозным сюжетом, определяющим повседневные практики выживания домохозяйств и фиксируемым через множество косвенных признаков изменения привычной среды.

Полевые материалы демонстрируют, что нарушение баланса локальных экосистем наносит серьезный удар по традиционным основам сельской экономики, включая значительное снижение возможностей для занятия скотоводством, которое исторически выступало главным ликвидным активом и маркером благополучия. Кроме того, происходит заметная деградация агросистем. Это ощутимео падение урожайности основных культур и табака (это в основном упоминали информанты из Баткенской области Кыргызстана). С антропологической точки зрения разрушение привычного жизненного уклада подрывает автономию локальных сообществ. Когда земля и скот перестают обеспечивать семью, информанты осуществляют вынужденную пересборку своих экономических стратегий, где регулярная трудовая миграция становится безальтернативным способом выживания.

Лишившись традиционных источников заработка на родине, сельские жители вынуждены все чаще отправляться на заработки за рубеж, чтобы обеспечивать оставшиеся дома семьи за счет денежных переводов (ремитансов), критически необходимых для компенсации утраченных аграрных доходов. Именно эта логика экологической выталкиваемости и поиска стабильной занятости в индустриально-строительном секторе в конечном итоге определила миграционные траектории информантов, сформировав устойчивые трансграничные связи между деградирующими сельскими районами стран исхода и крупными промышленными центрами Южного Урала, такими как Челябинск и Магнитогорск.

В Узбекистане денежные переводы в основном тратятся на расходы и на повышение благосостояния семей в сельских районах. Опрос Всемирного банка в 2017 г. показал, что 39 % мигрантов из Узбекистана использовали денежные переводы для обеспечения питания своих семей и родственников, 30 % — строительства и ремонта дома, 7 % — проведения

свадеб, 25 % — прочих целей, а кроме этого, для инвестирования в образование детей и развитие человеческого капитала. В других работах также отмечается, что работники-мигранты в Узбекистане средства тратят на улучшение домашних условий, что определяет рост социального статуса семьи, но меньше на развитие бизнеса; большая часть денежных переводов используется на «непродуктивные» расходы; расходы на традиционные обряды (свадьбы и похороны) составляют третью (из семи) по важности категорию, после расходов на еду и домохозяйство; значительные и другие категории по расходам, которые включают одежду, образование, здоровье и долговые обязательства[26].

Хотя для большинства информантов автомобиль является дорогим приобретением и осознается отсутствие выгод от пользования им, обладание своим автомобилем призвано продемонстрировать социальный статус и высокий престиж владельца, что является важной мотивацией для его покупки[27]. С одной стороны, машина всегда очень нужна в домашнем хозяйстве как средство для транспортировки людей и вещей, но в то же время ее эксплуатация сопряжена с затратами, рисками и др. Контроль за состоянием своего здоровья и близких, поддержание большого количества социальных связей и обязательств требуют регулярного перемещения людей и вещей, поэтому обладание своим транспортным средством (любым как подчеркивали информанты) является очень важным условием для обеспечения функционирования домохозяйства в сельских районах Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. Это позволяет ощутимо экономить время, силы и материальные ресурсы на дорогу и перевозки. Нарративы о социальных связях наших информантов показывают, как мигранты и связанные с ними члены семьи — немигранты — предстают единым домохозяйством, которое заботится о доходах и затратах от любых своих действий. В случае, если автомобиль используется для того, чтобы таксовать,

[26] Возвратная миграция: международные подходы и региональные особенности Центральной Азии. Алматы: Международная организация по миграции (МОМ) — Агентство ООН по миграции, 2020. С. 130.

[27] Более подробно см.: Абашин С. Н. Мигрантский автомобиль: инвестиция, статус, престиж / С. Н. Абашин // «Жить в двух мирах»: Переосмысляя транснационализм и транслокальность. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 264–300.

информанты ценят не размер доходов как таковых, а стабильность их поступления, когда другие источники доходов не выглядят стабильными. Неурожай, падеж скота, климатические проблемы — все это ставит под сомнение доходы от сельского хозяйства.

Заметное увеличение количества частных домов, появления многочисленных надстроек к уже существующим, в том числе благодаря денежным переводам, оказывало влияние на рост цен на товары и услуги. В условиях скептического отношения к существующим способам сохранения заработанных денег или ограниченных возможностей для инвестиций в малый бизнес зачастую именно покупка автомобиля (равно как и строительство дома или покупка участка земли) становится оптимальным выбором для вложения средств.

Одним из направлений расходов денежных переводов являлись проекты в области инфраструктуры и экологии. О них информанты упоминали, но реально на это тратила деньги очень незначительная часть участников исследования. Проблемы с доступом к воде вызвана, с одной стороны, ветшающей инфраструктурой, которую зачастую не ремонтировали и не обслуживали несколько десятилетий, а с другой, динамичной стройкой новых домов, опять же на денежные переводы. Подключение все новых домовладений к старым системам подачи и отведения воды приводит к увеличению нагрузки на коммунальное хозяйство.

Многие информанты, недавно прибывшие из Таджикистана, отмечали хронические перебои с водоснабжением и работой электрических сетей из-за постоянного роста количества потребителей ресурсов, износа основных коммуникаций и др. Доля домохозяйств, испытывающих перебои с водоснабжением, увеличилась с 2022 по 2023 г. примерно с 8 до 12 %, а доля домохозяйств, испытывающих перебои с электричеством, увеличилась за тот же период с 18 до 24 %[28]. Таджикистан обладает богатыми пресноводными ресурсами в своих реках, озерах и ледниках. Тем не менее, доступные услуги водоснабжения, санитарии (водоотведения) и гигиены, относится к числу наиболее ограниченных и неравномерно распределенных услуг. Большую часть существующей инфраструктуры для транспортировки питьевой воды и канализации строили

[28] Доклад об экономике Таджикистана. Группа Всемирного банка в Таджикистане, 2024. С. 17.

до 1980-х гг., а ремонт и ее модернизация не проводились с распада Советского Союза. Инфраструктура либо находится в удручающем состоянии, либо полностью отсутствует, в особенности в сельских районах и небольших городах, откуда приехали многие наши информанты-таджикистанцы.

Хотя с 2000 г. Таджикистан и добился значительного прогресса в обеспечении доступа к улучшенным источникам питьевого воды, страна так и не достигла показателя в области развития, сформулированного в рамках Цели Развития Тысячелетия (ЦРТ), касающейся питьевой воды. Хотя за период 2000–2016 гг., доступ к улучшенным или базовым услугам в области водоснабжения среди сельского населения увеличился с 45 % до 71 %, это было обусловлено главным образом замещением поверхностных вод водой из общественных водопроводов и соседних домохозяйств.

В городских районах более 80 % населения имеют водопроводные соединения в своих жилищах или участках. Однако даже если домохозяйства имеют доступ к воде, существуют серьезные проблемы с точки зрения доступности и непрерывности водоснабжения. При возникновении потребности каждое четвертое домохозяйство в Таджикистане не имеют доступа к достаточным объемам воды. Снабжение прерывается в течение длительного времени из-за сбоев и поломок в инфраструктуре водоснабжения.

Питьевая вода в Таджикистане характеризируется высоким уровнем колиформных бактерий и низкой вкусовой привлекательностью, однако низкие показатели кишечной палочки свидетельствуют о том, что фекальное загрязнение не является серьезной проблемой. Доступ зависит от безопасно управляемых источников воды (то есть тех, которые улучшены, доступны по мере необходимости и не содержат фекального загрязнения). В то время как 57 % городских домохозяйств имеют доступ к безопасной воде, этот аспект для сельских домохозяйств составляет только 31 %.

За последнее десятилетие доступ к услугам санитарии улучшился, но в Таджикистане по-прежнему существуют некоторые из самых недостаточно развитых условий в Центральной Азии. Доступ к смывным туалетам, подключенным к канализационной системе в сельских районах, остается низким — всего 1,7 %, в отличие от 60 % в городских районах. Неравенства более выражены в разных регионах, а на столицу Душанбе приходится более 80% всех канализационных сетей страны.

Отставании в развитии в детском возрасте тесно связано с лишениями, связанными с доступом к надлежащему уровню питьевого водоснабжения и санитарии, а также недостаточным питанием и уходом. Помимо неблагоприятного воздействия на здоровье детей, домашние хозяйства в Таджикистане несут ряд денежных и иных расходов, связанных с их основным источником питьевого водоснабжения.

Среди домохозяйств, которые сообщают, что они платят за воду, расходы на холодное водоснабжение составляют 5 % от их общих годовых расходов. Домашние хозяйства, которые платят за вне-водопроводные услуги, также несут более высокие затраты на единицу продукции, чем домашние хозяйства с водопроводными соединениями. Как правило, домашние хозяйства также оплачивают расходы на ремонт, очистку воды и доставку воды автотранспортом. В среднем, домашние хозяйства тратят ежедневно 17,4 минуты, чтобы добраться до своего источника воды, наполнить воду в емкости и вернуться обратно домой[29]. По данным Комитета жилищно-коммунального хозяйства Таджикистана Доступ к чистой питьевой воде имеет 67 % населения страны, в основном это горожане, а в сельской местности этот доступ значительно ограничен. Централизованное водоснабжение охватывает чуть более 40 % жителей страны[30].

Наши информанты осознают, что изменения климата оказывают все более ощутимое влияние на регионы, где расположены в том числе их домохозяйства, что повышает затраты на поиск и доставку воды, повышает степень рисков от непредсказуемости климата и др. Информанты осознают высокую значимость вложений в эту инфраструктуру, но даже на уровне локальных сообществ такие инициативы зачастую встречаются с недоверием. Трудовые мигранты не могут доверять тем людям и должностным лицам, которые готовы заниматься такими проектом, поскольку неизбежно возникают вопросы к прозрачности расходования средств. Главным

[29] Стакан наполовину полон. Диагностика взаимосвязи уровня благосостояния с условиями водоснабжения, санитарии и гигиены в Республике Таджикистан. Группа Всемирного Банка.

[30] ЖКХ Таджикистана: Доступ населения к чистой воде растет, нагрузки на коммунальную инфраструктуру — тоже // Asia Plus. 2025. 28 января. URL: https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/power/20250128/zhkh-tadzhikistana-dostup-naseleniya-k-chistoi-vode-rastet-nagruzki-na-kommunalnuyu-infrastrukturu-tozhe

препятствием на пути инвестиций трудовых мигрантов в инфраструктуру родных поселений называют коррупцию, безответственность и безнаказанность чиновников на местах, отсутствие должных правовых механизмов. Отсюда любые инициативы будут обречены на провал. Интересно, что схожие позиции озвучивали участники большого исследования таджикской диаспоры, проведенного В. И. Мукомелем[31]. По этой причине трудовые мигранты каждый самостоятельно решает для себя и своего домовладения проблемы, связанные с доступом к водоснабжению, поскольку такой сценарий позволяет добиваться максимального повышения эффективности вложений при минимальных рисках, поскольку практически все риски находятся непосредственно под контролем членов семьи.

Сельское хозяйство — основной сектор экономики Таджикистана (в нем формируется порядка 22 % ВВП). Данный сектор наиболее уязвим к климатическим изменениям, поскольку зависим от погодных, природных и земельных условий. Кроме того, в сельском хозяйстве заняты наиболее уязвимые группы населения, которые зачастую не обладают достаточными финансовыми ресурсами для реализации комплекса мер для адаптации к изменению климата. Информанты рассказали, что Таджикистан на их памяти уже несколько раз пострадал от резкого падения продуктивности сельского хозяйства, дефицита воды и больших имущественных потерь в результате стихийных бедствий.

Тяжелые последствия изменения климата уже очевидны для наших информантов. Они рассказали о многочисленных наводнениях, засухах и т. д. В среднем в стране ежегодно фиксируется порядка 5 Исправить: «занятость в сельском хозяйстве наиболее уязвимых групп населения» или «в сельском хозяйстве заняты наиболее уязвимые группы населения». 00 стихийных бедствий, экономический ущерб от которых измеряется в суммах от 20 до 100 млн долларов США. Стремительное таяние ледников, колебания основного речного водостока и его влияние на выработку электроэнергии и продуктивность сельского хозяйства — вот неполный список многочисленных явлений, связанных с воздействиями изменения климата в Таджикистане.

[31] Мукомель В.И. Диаспора — партнер по развитию Таджикистана. Душанбе, Международная организация по миграции. 2014. С. 112.

Климатические риски значительно сокращают возможности для развития сельского хозяйства, вызывая стихийные бедствия и деградацию земель. Засуха 2001–2002 гг. привела к снижению урожайности на 30–40 % в богарных районах, а засуха 2008 г. — на 40 %[32].

Таким образом, в настоящем разделе решены две исследовательские задачи, причём их решение выстроено на принципиально ином уровне анализа — не через макростатистику и не через этнический кейс, а через детальную декомпозицию механизмов, обеспечивающих воспроизводство транснационального пространства.

Первая задача — структурно-функциональный анализ транснациональных связей — реализована через трёхуровневую декомпозицию этих связей. На экономическом уровне показана эволюция каналов циркуляции денежных средств: от неформальных практик 1990-х (физическая перевозка наличных, посредничество, ротация членов домохозяйства) к официальным системам переводов 2010-х, что повлекло за собой перестройку всей системы — увеличение продолжительности пребывания в России, ослабление физической привязки к дому, но одновременно снижение уязвимости мигрантов. На социальном уровне проанализирована семья как базовая транснациональная единица: выявлены разделение функций между зарабатывающими и осваивающими средства, гендерные сдвиги и роль моральных регуляторов (честь, стыд, престиж), которые в отсутствие формальных контрактов поддерживают стабильность сетей. На инфраструктурном уровне прослежена обратная связь: денежные переводы стимулируют частное домостроение, что увеличивает нагрузку на ветшающие коммунальные системы и, в свою очередь, подталкивает к новым миграциям. Тем самым доказан циклический, самовоспроизводящийся характер транснациональных связей, где фронтир выступает не барьером, а контактной зоной, а неформальные институты компенсируют неэффективность формальных.

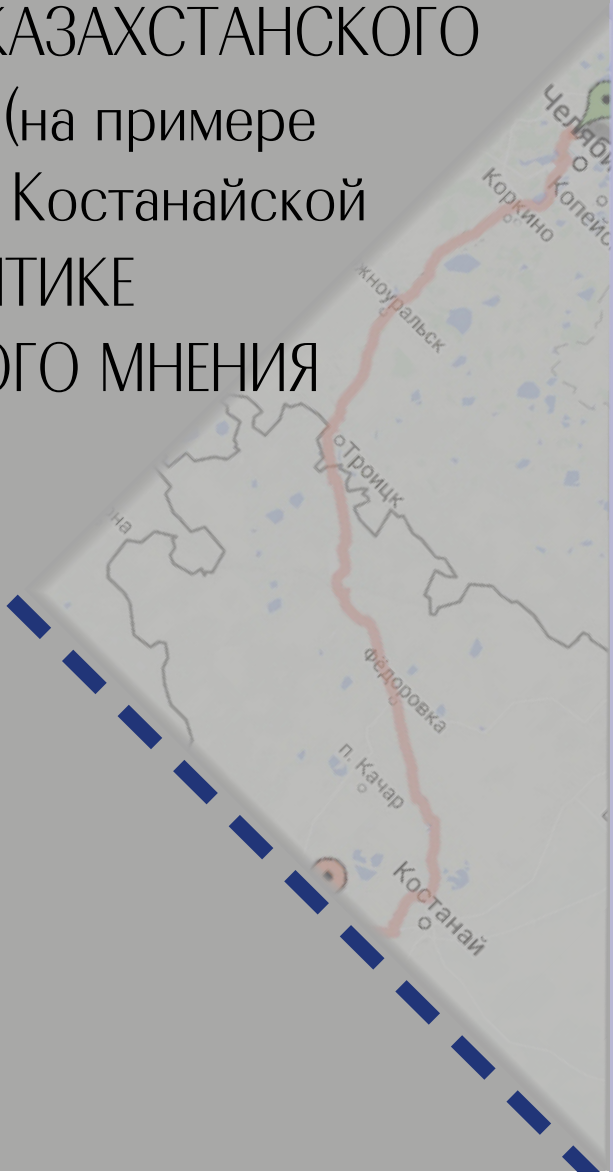
Вторая задача — классификация практик мобильности — решена через описание конкретных поведенческих сценариев, не фиксируемых официальной статистикой: сезонные

[32] Миграция, денежные переводы и устойчивость к изменению климата в Таджикистане Аналитическая работа. Часть I. Алматы, Региональный экологический центр Центральной Азии (РЭЦЦА), 2017. С. 13–14.

циклы «приехал — заработал — увёз деньги — вернулся», ротация участников миграции внутри домохозяйства, адаптация периодичности переводов к меняющимся обстоятельствам. Ключевым вкладом стало то, что классификация строится не по формальным критериям (цель въезда, срок пребывания), а по функциональности этих практик — их роли в поддержании транснационального поля. Денежный перевод здесь предстаёт не просто финансовой транзакцией, а практикой, конституирующей само транснациональное пространство: без регулярного движения денег связи между «здесь» и «там» утрачивают интенсивность. Особое значение имеет анализ структуры расходования переводов (на примере Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана): показано, что средства распределяются не только по экономической логике (покрытие насущных нужд), но и по логике статусной — значительная доля уходит на свадьбы, строительство дома, покупку автомобиля, то есть на проекты, демонстрирующие социальный успех мигранта. Это расширяет понимание мобильности: практики не сводятся к перемещению в пространстве, они включают также стратегии освоения заработанного, которые мотивируют дальнейшие миграции и воспроизводят транснациональные отношения поверх государственных границ.

РАЗДЕЛ 4

ТРАНСГРАНИЧНАЯ КООПЕРАЦИЯ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ (на примере Челябинской и Костанайской областей) В ОПТИКЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

В условиях геополитических противоречий развитие международного сотрудничества приграничных регионов России и Казахстана приобретает стратегическое значение. Оно выступает ключевым механизмом обеспечения национальной и экономической безопасности обеих стран, позволяя совместно противостоять современным вызовам и рискам. Как подчеркивается в научной литературе, регионы становятся самостоятельными и активными участниками международных процессов, что способствует их инновационному развитию, привлечению инвестиций и научно-технической кооперации.[1] Особую роль в этих условиях играют кооперативные модели хозяйствования в регионах, позволяющие объединить ресурсы для преодоления социально-экономических трудностей[2]. А. А. Соколов и О. С. Руднева по критерию социально-экономического

[1] Иванов, В. Н. Межрегиональное и приграничное сотрудничество России и Казахстана: основные приоритеты / В. Н. Иванов, М. К. Жундубаев // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 7 (292). С. 38–51. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhregionalnoe-i-prigranichnoe-sotrudnichestvo-rossii-i-kazahstana-osnovnye-prioritety (дата обращения: 17.02.2025); Сагиндиков, Р. Е. Двустороннее сотрудничество Российской Федерации и Республики Казахстан в экономической сфере / Р. Е. Сагиндиков // Вестник РУДН. История России. 2015. № 1. С. 102–111. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dvustoronnee-sotrudnichestvo-rossiyskoy-federatsii-i-respubliki-kazahstan-v-ekonomicheskoy-sfere (дата обращения: 17.02.2025); Жундубаев, М. К. Влияние Евразийского экономического сообщества (ЕвразЭС) и Таможенного союза (ТС) на российско-казахстанское приграничное сотрудничество / М. К. Жундубаев // Социум и власть. 2014. № 4 (48). С. 55–58. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soobschestva-evrazes-i-tamozhennogo-soyuza-ts-na-rossiysko-kazahstanskoe-prigranichnoe (дата обращения: 17.02.2025); Хмелева, Г. А. Современные глобальные вызовы и риски для трансграничного сотрудничества регионов / Г. А. Хмелева, Э. Неделька // Экономические отношения. 2022. Т. 12. № 3. С. 309–322. DOI 10.18334/eo.12.3.115098; Комлева, В. В. Международное сотрудничество регионов России: институциональные основы и характерные модели / В. В. Комлева // Россия: общество, политика, история. 2022. № 1 (1). С. 10–34. URL: https://www.ru-society.com/jour/article/view/3/3 (дата обращения: 23.12.2025).

[2] Фролова, Е. В. Новые контуры развития кооперации в России / Е. В. Фролова, О. В. Рогач // Социологические исследования. 2025. № 4. С. 42. DOI: 10.31857/S0132162525040032.

развития Челябинскую и Костанайскую области характеризуют как однородные, относительно освоенные с нижне-средними значениями экономического развития регионы, где наибольший вклад в экономику вносят обрабатывающее производство, торговля, сельское хозяйство, транспортировка и хранение[3], что обуславливает специфику и возможности их межрегионального сотрудничества.

Региональное взаимодействие между Челябинской областью и Казахстаном в рамках международного взаимодействия осуществляется с 2012 г. Подписаны соглашения о сотрудничестве между Челябинской областью и Акиматами Костанайской, Алма-Атинской, Северо-Казахстанской, Восточно-Казахстанской, Акмолинской областями, а также с городом Астана[4]. В рамках действующих соглашений между регионами двух стран, развивается торгово-экономическое, научно-техническое, социально-гуманитарное, культурное сотрудничество[5]. По итогам XXI Форума межрегионального сотрудничества России и Казахстана к числу приоритетных направлений было отнесено развитие двусторонних отношений в сферах цифровизации, транспорта и логистики, промышленности и энергетики, возможностей кооперации для обеспечения высокотехнологичных рабочих мест в регионах, подготовки кадров для атомной и традиционной энергетики, обучению современным агротехнологиям[6].

[3] Соколов, А.А. Социально-экономическое районирование российско-казахстанского трансграничного региона / А. А. Соколов, О. С. Руднева // Регион: Экономика и Социология. 2023. № 3 (119). С. 162. DOI 10.15372/REG20230312.

[4] Челябинская область и Казахстан: нынешнее состояние и перспективы // Информационно-аналитическое агентство «Полит74.ru» от 09.01.2023. URL: https:// polit74.ru/politics/chelyabinskaya_oblast_i_kazakhstan_nyneshnee_sostoyanie_i_perspektivy/?ysclid=mizx5tx2h8570494843 (дата обращения: 21.12.2025).

[5] Перечень действующих соглашений, заключенных органами власти Челябинской области с субъектами иностранных федеративных государств и административно-территориальными образованиями иностранных государств // Официальный сайт Министерства международного и межрегионального сотрудничества Челябинской области. URL: https://mincooperation.gov74.ru/mincooperation/activities/8.htm (дата обращения: 21.12.2025).

[6] О Форуме // Сайт XXI Форума межрегионального сотрудничества России и Казахстана. URL: https://kazakhstan-russia-forum.kz/#adress (дата обращения: 12.12.2025).

Проведенный теоретический анализ позволяет констатировать, что трансграничная кооперация регионов представляет собой междисциплинарное исследовательское поле, на пересечении экономического, политологического, антропологического, исторического и социологического дискурсов. В рамках социологической традиции изучение данного феномена преимущественно реализуется через исследование миграционных процессов, диаспоральных практик и этносоциальной динамики приграничных территорий.

В зарубежной исследовательской традиции доминирующим направлением выступает анализ положения диаспор за рубежом и диаспоральной политики государств (E. Sağlam[7], A. I. Mockaitis[8], A. I. Mockaitis, L. Zander[9], P. Panchal, B. Mago[10], H. Vardanyan, M. Hakobyan[11]), а также изучение социально-гуманитарных практик взаимодействия с диаспоральными сообществами и их влияния на социально-экономическое развитие территорий исхода (H. İ. Karakan, O. Çolak, M. Mete[12] и др.).

[7] Sağlam, E. Diaspora Politikalarına Yönelik Çağdaş Kuramsal Yaklaşımlar ve Türk Diaspora Politikası // OPUS International Journal of Society Researches. 2020. № 16(27). P. 744-774. URL: https://doi.org/10.26466/opus.747426

[8] Mockaitis, A. I. "5.5: Diaspora". In Elgar Encyclopedia of Cross-Cultural Management. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing. Retrieved Feb 16. 2025. URL: https://doi.org/10.4337/9781803928180.ch40; Mockaitis, A. I. The Kaleidoscope of Global Migration: International Business Perspectives in a Turbulent World. In: Mockaitis, A.I. (eds) The Palgrave Handbook of Global Migration in International Business. Palgrave Macmillan, Cham, 2023. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-031-38886-6_1

[9] Mockaitis, A. I., Zander, L. Dissecting Generations of Migrant Identities within a Diaspora. In: Mockaitis, A.I. (eds) The Palgrave Handbook of Global Migration in International Business. Palgrave Macmillan, Cham. 2023. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-031-38886-6_6

[10] Panchal, P., & Mago, B. Social Media as a Tool for Cultural Preservation among Diaspora Communities. International Journal for Global Academic & Scientific Research. 2024. № 3 (3). P. 14–20. URL: https://doi.org/10.55938/ijgasr.v3i3.79

[11] Vardanyan, H., & Hakobyan, M. States and Their Diasporas: The Case of Armenia Diaspora Relations during the Soviet Period. Diaspora Studies (published online ahead of print 2025). 2025. URL: https://doi.org/10.1163/09763457-bja10149

[12] Karakan, H. İ., Çolak, O., & Mete, M. (2025). Reverse Diaspora Tourism as a New Concept in Tourism: A Study on Turkish-Kazakh Diasporas. Sage Open. 2025. № 15(1). URL: https://doi.org/10.1177/21582440241312478

Данные исследования акцентируют внимание на транснациональном характере современных миграций и роли диаспор как связующего звена между странами исхода мигрантов и принимающей страной.

Отечественная этносоциологическая традиция фокусируется на изучении состояния, проблем и коммуникативных практик русской диаспоры в странах ближнего зарубежья (И. В. Митрофанова, С. Я. Сущий[13], В. В. Волков, В. В. Полещук[14], Р. Х. Симонян[15] и др.). В центре внимания исследователей находятся причины и факторы иммиграции русскоязычного населения, сужение географии расселения, а также концептуализация переселения соотечественников в категориях реэмиграции, иммиграции, возвратной миграции и репатриации. Особое место занимают исследования репатриационных процессов на примере адыго-абхазской и армянской диаспор, подтверждающие значимость транснациональных практик и наличие проблем интеграции в принимающем обществе[16].

[13] Митрофанова, И. В. Русские на Украине: геодемографические итоги постсоветского периода и среднесрочные перспективы / И. В. Митрофанова, С. Я. Сущий // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 45–58. URL: https://www.socis.isras.ru/article/6809 (дата обращения: 14.02.2025); Сущий, С. Я. Русские ближнего зарубежья в фокусе российской социологии: эволюция исследовательских подходов и ракурсов (1990–2020-е гг.) / С. Я. Сущий // Социологические исследования. 2024. № 7. С. 112–127. DOI 10.31857/S0132162524070119; Сущий, С. Я. Русские в странах Средней Азии: геодемографические тренды постсоветского периода / С. Я. Сущий // Социологические исследования. 2022. № 8. С. 27–46. DOI: 10.31857/S013216250019640-7.

[14] Волков, В. В. Современное состояние межэтнической коммуникации в Латвии и Эстонии / В. В. Волков, В. В. Полещук // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 59–67. DOI: 10.31857/S013216250004008-1.

[15] Симонян, Р. Х. Специфика идентичности студентов приграничья России и Украины (на примере Белгородского и Харьковского госуниверситетов) / Р. Х. Симонян // Социологические исследования. 2023. № 5. С. 108–116. DOI: 10.31857/S013216250025806-9.

[16] Шадже, А. Ю. Возвращение (презентация монографии Жаде Джемре «Адыго-абхазская диаспора и репатриация. Из Турции в Абхазию и Адыгею». Майкоп: ООО «Полиграф-Юг», 2020. 128 с. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2023. Вып. 2 (319). С. 109–113. DOI: 10.53598/2410-3691-2023-2-319-109-113; Погосян, Г. А. Армянская диаспора России: интеграция vs репатриация / Г. А. Погосян, Г. И. Осадчая // Социологические исследования. 2023. № 1. С. 52-61. DOI 10.31857/S013216250015318-2.

Значительный пласт научной литературы посвящен региональным аспектам миграционной политики России и Казахстана, проблемам регулирования миграционных потоков и их влиянию на социально-экономическое развитие приграничных регионов (Е. Б. Бедрина[17], А. М. Маратова, П. С. Кабытов[18], О. Д. Воробьева, Л. Л. Рыбаковский[19], В. И. Савинков, Н. И. Кожевникова[20], С. В. Рязанцев[21], Е. В. Реутов, М. Н. Реутова, И. В. Шавырина[22], В. Н. Сченснович[23] и др. исследователи фокусируются на специфике миграционной динамики в российско-казахстанском приграничье, проявляющейся

[17] Комплексная оценка влияния трудовой миграции на социально-экономическое развитие принимающей территории в вопросах формирования региональной миграционной политики : коллективная монография / Е. Б. Бедрина и [др.]. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2015. 151 с. ISBN 978-5-94646-536-6. URL: http://elar.urfu.ru/handle/10995/35831 (дата обращения: 14.02.2025).

[18] Маратова, А. М. Демографические проблемы в России и Казахстане: некоторые проблемы историографии / А. М. Маратова, П. С. Кабытов // Sciences of Europe. 2016. № 3-1 (3). С. 80–86. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskie-problemy-v-rossii-i-kazahstane-nekotorye-problemy-istoriografii (дата обращения: 14.02.2025).

[19] Воробьева, О. Д. Доминанта миграционной политики современной России / О. Д. Воробьева, Л. Л. Рыбаковский // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 59–65. URL: https:// www.socis.isras.ru/index.php?page_id=453&id=6810&jid=6762 (дата обращения: 14.02.2025).

[20] Рыбаковский, Л. Л. Демографическое развитие азиатской России в XX-XXI веках: оценка результатов / Л. Л. Рыбаковский, В. И. Савинков, Н. И. Кожевникова // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 64–74. DOI 10.31857/S013216250002786-7.

[21] Рязанцев, С. В. Эмиграция из России: к вопросу о понятийном аппарате / С. В. Рязанцев // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 48–53. DOI 10.31857/S013216250000761-0.

[22] Реутов, Е. В. Жизненный успех и шансы на его достижение в представлениях жителей российской провинции / Е. В. Реутов, М. Н. Реутова, И. В. Шавырина // Социологические исследования. 2020. № 6. С. 61–71. DOI 10.31857/S013216250009480-1.

[23] Сченснович, В. Н. Демографические и миграционные проблемы в России / В. Н. Сченснович // Россия и мусульманский мир : научно-информационный журнал. 2023. №. 3 (329). С. 9–23. DOI 10.31249/rimm/2023.03.01; Сченснович, В. Н. Проблемы миграции населения: опыт России и стран Центральной Азии / В. Н. Сченснович // Россия и мусульманский мир. 2022. № 3 (325). С. 20–31. DOI 10.31249/rimm/2022.03.02.

в отрицательном миграционном росте и проблемах удержания человеческого капитала (М. А. Троянская)[24]. Отмечается также отсутствие комплексной политики по привлечению казахской диаспоры к развитию Казахстана и неструктурированность отношений между правительством Казахстана и организациями казахов в РФ, что препятствует реализации потенциала диаспоральных сообществ (Д. В. Полетаев)[25].

Трансграничная кооперация определяется как взаимодействие между соседними территориями через границы, которое может проявляться в разных сферах: экономической, научно-технической, инфраструктурной, социально-гуманитарной и других. Ее цель в решении общих проблем, использовании общих ресурсов (трудовых, природных, информационных и др.) и укреплении связей между приграничными регионами. При этом потенциал единого трансграничного региона выше, чем у отдельных приграничных территорий, поскольку возникает необходимость более эффективного использования факторов производства[26]. С позиции социологии, трансграничная кооперация регионов — это процесс институционализации взаимодействия сопредельных сообществ, направленный на совместное использование ресурсов и решение общих проблем в различных сферах общественной жизни. Ее специфика состоит в социальном нивелировании формальных границ: возникающие трансграничные связи и взаимозависимости создают единое социальное поле, совокупный потенциал которого превосходит возможности изолированных территорий благодаря более эффективной координации факторов производства.

[24] Троянская, М. А. Миграция на приграничных территориях России и Казахстана: практические аспекты / М. А. Троянская // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2021. Т. 17, № 1 (394). С. 4–25. DOI 10.24891/ni.17.1.4.

[25] Полетаев, Д. В. Поддержка Правительства Республики Казахстан в работе с диаспорой в Российской Федерации / Д. В. Полетаев. Астана: МОМ Астана. 2022. 92 с. URL: https://kazakhstan.iom.int/sites/g/files/tmzbdl1586/files/documents/2023-03/Poletaev%20RUS.pdf (дата обращения: 16.02.2025).

[26] Дергачева, Е. А. Тенденции транснационализации: социологический аспект / Е. А. Дергачева, О. А. Лаппо / Проблемы современного антропосоциального познания : сб. ст. / под общей ред. Н. В.Попковой. Брянск: БГТУ, 2012. Вып. 10. С. 122 (140 с.). ISBN 978-5-89838-566-8

Иванов В. Н. и Жундубаев М. К. выделяют следующие формы межгосударственного трансграничного сотрудничества:

– разработка и реализация совместных планов и программ по ключевым направлениям сотрудничества государств;

– взаимодействие между органами государственной и муниципальной власти двух стран на базе соглашений о сотрудничестве (межгосударственных, межрегиональных и межмуниципальных);

– сотрудничество предприятий, учреждений и организаций на основе двухсторонних договоров, соглашений о сотрудничестве;

– формирование и использование координирующих органов для развития сотрудничества;

– организация форумов и встреч участников сотрудничества двух государств и др[27].

По мнению М. К. Жундубаева в социально-гуманитарном сотрудничестве приграничных регионов России и Казахстана доминируют такие сферы, как здравоохранение, культура, спорт, а также образование и наука[28].

Таким образом, при всей разработанности проблематики трансграничных миграций и диаспоральных сообществ, вне фокуса социологического внимания остается изучение того, как сами жители приграничных территорий воспринимают и оценивают процессы трансграничной кооперации, связывают ли они с ними перспективы повышения качества своей жизни и социально-экономического развития своих населенных пунктов.

После распада СССР Россия и Казахстан длительное время занимались становлением собственной государственности, поэтому фактически вопросы положения своих диаспор

[27] Иванов, В. Н. Межрегиональное и приграничное сотрудничество России и Казахстана: основные приоритеты / В. Н. Иванов, М. К. Жундубаев // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 7 (292). С. 38–51. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhregionalnoe-i-prigranichnoe-sotrudnichestvo-rossii-i-kazahstana-osnovnye-prioritety (дата обращения: 17.02.2025).

[28] Жундубаев, М. К. Влияние Евразийского экономического сообщества (ЕвразЭС) и Таможенного союза (ТС) на российско-казахстанское приграничное сотрудничество / М. К. Жундубаев // Социум и власть. 2014. № 4 (48). С. 55–58. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soobschestva-evrazes-i-tamozhennogo-soyuza-ts-na-rossiysko-kazahstanskoe-prigranichnoe (дата обращения: 17.02.2025).

не стояли на повестке дня. В тоже время, аспекты дружественных и добрососедских межнациональных отношений являлись ключевыми. За последние 30 лет между Россией и Казахстаном создана внушительная нормативно-правовая база, которая затрагивает практически все сферы сотрудничества двух государств. В частности подписано более 400 договоров и соглашений о сотрудничестве. В ноябре 2024 г. в ходе государственного визита Президента Российской Федерации В. В. Путина в Казахстан подписано еще порядка 20 документов и соглашений, которые свидетельствуют об усилении стратегического партнерства в условиях нового глобального порядка[29]. Подписанные нормативно-правовые документы в целом направлены на повышение уровня жизни населения за счёт развития кооперационных, торгово-экономических, гуманитарных, культурных и научных связей.

К числу ключевых документов, затрагивающих аспекты трансграничного социально-гуманитарного сотрудничества, можно отнести Программу межрегионального и приграничного сотрудничества между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан на 2024–2028 годы, включающую мероприятия по развитию железнодорожного транспорта и инфраструктуры автомобильных дорог, здравоохранения, туризма, аграрной науки, а также ряд соглашений о сотрудничестве между Министерством юстиции Российской Федерации и Министерством юстиции Республики Казахстан, Следственным комитетом Российской Федерации и Министерством внутренних дел Республики Казахстан, Меморандум о взаимопонимании между Министерством юстиции Российской Федерации и Министерством юстиции Республики Казахстан о сотрудничестве в области правового регулирования деятельности некоммерческих организаций. Однако, подписанные документы напрямую не затрагивают вопросы поддержки соотечественников за рубежом.

В Российской Федерации основными нормативно-правовыми документами по защите прав и свобод соотечественников

[29] Документы, подписанные в ходе государственного визита в Казахстан // Сайт Президента России. URL: www.kremlin.ru/supplement/6231 (дата обращения: 13.02.2025).

за рубежом являются Конституция РФ[30], Федеральный Закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом»[31], Концепция поддержки Россией соотечественников за рубежом на современном этапе[32]. Непосредственно меры социальной поддержки соотечественников определены в Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом[33]. В Казахстане законодательное регулирование данного вопроса базируется на Конституции Республики Казахстан[34], Законе Республики Казахстан «О национальной

[30] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 №2-ФКЗ, от 21.07.2014 №11-ФКЗ), от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // Информационно-правовое обеспечение «Гарант». – URL: https://base.garant.ru/10103000/?ysclid=m736mysa73376795729#friends (дата обращения: 13.02.2025).

[31] Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» (с изменениями и дополнениями: от 31 мая 2002 г., 22 августа, 29 декабря 2004 г., 31 декабря 2005 г., 18 июля 2006 г., 23 июля 2008 г., 25 июля 2009 г., 23 июля 2010 г., 2, 23 июля 2013 г., 8 августа 2024 г.) // Информационно-правовое обеспечение «Гарант». URL: https://ivo.garant.ru/#/document/12115694/paragraph/14189/doclist/10207/1/0/0/Федеральный%20Закон%200%20государственной%20политике%20Российской%20Федерации%20в%20отношении%20соотечественников%20за%20рубежом:1 (дата обращения: 13.02.2025).

[32] Концепция поддержки Российской Федерацией соотечественников за рубежом на современном этапе (утв. Президентом РФ 30 августа 2001 года) // Официальный сайт Координационного союза организаций русских соотечественников. URL: https://ksors.ru/koncepciya-podderzhki-rossijskoj-federaciej-sootechestvennikov-za-rubezhom/ (дата обращения: 13.02.2025).

[33] Указ Президента РФ от 22 июня 2006 г. № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» (с изменениями и дополнениями) // Информационно-правовое обеспечение «Гарант». URL: https://base.garant.ru/189653/#friends (дата обращения: 05.02.2025).

[34] Конституция Республики Казахстан: принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года (с изменениями и дополнениями 7 октября 1998 года, 21 мая 2007 года, 2 февраля 2011 года, 10 марта 2017 года, 23 марта 2019 года, 8 июня 2022 года, 17 сентября 2022 года) // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 13.02.2025)

безопасности Республики Казахстан»[35], Законе Республики Казахстан от 22 июля 2011 года № 477-IV «О миграции населения» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22.07.2024 г.)[36], Законе Республики Казахстан от 11 июля 1997 г. № 151-I «О языках в Республике Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.08.2024 г.)[37], Законе Республики Казахстан от 20 октября 2008 г. № 70-IV «Об Ассамблее народа Казахстана» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 18.11.2022 г.)[38]. Однако, реализуемая нормативно-правовая база двух стран имеет определенные ограничения, а также существенные отличия в подходах, как к понятию «соотечественник», так и к вопросам получения этого статуса, защиты прав и свобод этнических групп, мер социальной поддержки. Кроме того, в отличие от России, Республикой Казахстан до сих пор не разработан закон, направленный на поддержку соотечественников за рубежом,

[35] Закон Республики Казахстана от 6 января 2012 года № 527-IV «О национальной безопасности Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.08.2024 г.) // Сайт «Юрист». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31106860#pos=3;-245 (дата обращения: 13.02.2025)

[36] Закон Республики Казахстан от 22 июля 2011 года № 477-IV «О миграции населения» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22.07.2024 г.) // Сайт «Юрист». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31038298&pos=110;-46#pos=110;-46&sdoc_params=text%3D%25D1%2581%25D0%25BE%25D0%25BE%25D1%2582%25D0%25B5%25D1%2587%25D0%25B5%25D1%2581%25D1%2582%25D0%25B2%25D0%25B5%25D0%25BD%25D0%25BD%25D0%25B8%25D0%25BA%25D0%25B8%26mode%3Dindoc%26topic_id%3D31038298%26spos%3D1%26tSynonym%3D1%26tShort%3D1%26tSuffix%3D1&sdoc_pos=1 (дата обращения: 13.02.2025).

[37] Закон Республики Казахстан от 11 июля 1997 года № 151-I «О языках в Республике Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.08.2024 г.) // Сайт «Юрист». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1008034&searchId=6be1bc18-9545-4947-a9a5-23db1c0a142b&pos=59;-44#pos=59;-44&sdoc_params=text%3D%25D0%25B4%25D0%25B8%25D0%25B0%25D1%2581%25D0%25BF%25D0%25BE%25D1%2580%25D0%25B0%26mode%3Dindoc%26topic_id%3D1008034%26spos%3D1%26tSynonym%3D1%26tShort%3D1%26tSuffix%3D1&sdoc_pos=0 (дата обращения: 14.02.2025).

[38] Закон Республики Казахстан от 20 октября 2008 года № 70-IV «Об Ассамблее народа Казахстана» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 18.11.2022 г.) // Сайт «Юрист». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30352401&searchId=aa5f63cc-0f3d-4719-8803-adab4e0b37f8&pos=106;-54#pos=106;-54&sdoc_params=text%3D%25D0%25B4%25D0%25B8%25D0%25B0%25D1%2581%25D0%25BF%25D0%25BE%25D1%2580%25D0%25B0%26mode%3Dindoc%26topic_id%3D30352401%26spos%3D1%26tSynonym%3D1%26tShort%3D1%26tSuffix%3D1&sdoc_pos=0 (дата обращения: 14.02.2025).

что может усложнить работу в согласовании действий между сторонами[39].

В целях выявления проблем и приоритетных направлений для консолидации усилий государств, в том числе приграничных территорий по вопросам миграции и укреплению социально-гуманитарных транснациональных связей, поддержки соотечественников за рубежом проведен анализ нормативных правовых актов России и Казахстана, в том числе мер социальной поддержки зарубежных соотечественников в Челябинской области. Проведенный анализ нормативно-правовой базы России и Казахстана выявил существенные отличия в подходах, как к понятию «соотечественник», так и к вопросам получения этого статуса, защиты прав и свобод этнических групп, мер социальной поддержки. Следует отметить, что в широком понимании к соотечественникам в России относят лиц, которые родились в одном государстве, проживают сейчас или проживали в нём ранее, а также потомки указанных лиц по прямой нисходящей линии, независимо от национальности, языка, религии, культурного наследия, традиций и обычаев. Кроме того, к соотечественникам относят и граждан Российской Федерации и их потомков, которые постоянно проживают за рубежом, а также граждан, состоявших в гражданстве СССР, проживающие в государствах, входивших в состав СССР, получившие гражданство этих государств или ставшие лицами без гражданства; выходцы (эмигранты) из Российского государства, Российской республики, РСФСР, СССР и Российской Федерации, имевшие соответствующую гражданскую принадлежность и ставшие гражданами иностранного государства или лицами без гражданства[40].

[39] Морозова, Е. Р. Правовые основы отношений России и Казахстана в сфере поддержки соотечественников / Е. Р. Морозова // Постсоветские исследования. 2019. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-otnosheniy-rossii-i-kazahstana-v-sfere-podderzhki-sootechestvennikov (дата обращения: 14.02.2025).

[40] Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» (с изменениями и дополнениями: от 31 мая 2002 г., 22 августа, 29 декабря 2004 г., 31 декабря 2005 г., 18 июля 2006 г., 23 июля 2008 г., 25 июля 2009 г., 23 июля 2010 г., 2, 23 июля 2013 г., 8 августа 2024 г.) // Информационно-правовое обеспечение «Гарант». URL: https://ivo.garant.ru/#/document/12115694/paragraph/14189/doclist/10207/1/0/0/Федеральный%20закон%200%20государственной%20политике%20Российской%20Федерации%20в%20отношении%20соотечественников%20за%20рубежом:1 (дата обращения: 13.02.2025).

В казахском законодательстве используются термины «диаспора», «кандас», «бывший соотечественник», «этнический казах». Согласно казахскому законодательству диаспора это часть народа (этническая общность), которая проживает вне страны его исторического происхождения[41], а кандас — это этнический казах и (или) члены его семьи казахской национальности, который(е) ранее не состоял(и) в гражданстве Республики Казахстан, получивший(е) соответствующий статус в порядке, установленном уполномоченным органом по вопросам миграции населения[42]. «Бывший соотечественник» — это лицо, родившееся или ранее состоявшее в гражданстве Казахской Советской Социалистической Республики или Республики Казахстан и постоянно проживающее за рубежом[43]. То есть приведенные определения позволяют выделить ключевое отличие в понимании соотечественника в России и Казахстане. Для Казахстана ключевую роль играет

[41] Закон Республики Казахстан от 11 июля 1997 года № 151-I «О языках в Республике Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.08.2024 г.) // Сайт «Юрист». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1008034&searchId=6be1bc18-9545-4947-a9a5-23db1c0a142b&pos=59;-44#pos=59;-44&sdoc_params=text%3D%25D0%25B4%25D0%25B8%25D0%25B0%25D1%2581%25D0%25BF%25D0%25BE%25D1%2580%25D0%25B0%26mode%3Dindoc%26topic_id%3D1008034%26spos%3D1%26tSynonym%3D1%26tShort%3D1%26tSuffix%3D1&sdoc_pos=0 (дата обращения: 14.02.2025)

[42] Закон Республики Казахстан от 22 июля 2011 года № 477-IV «О миграции населения» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22.07.2024 г.) // Сайт «Юрист». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31038298&pos=110;-46#pos=110;-46&sdoc_params=text%3D%25D1%2581%25D0%25BE%25D0%25BE%25D1%2582%25D0%25B5%25D1%2587%25D0%25B5%25D1%2581%25D1%2582%25D0%25B2%25D0%25B5%25D0%25BD%25D0%25BD%-25D0%25B8%25D0%25BA%25D0%25B8%26mode%3Dindoc%26topic_id%3D31038298%26spos%3D1%26tSynonym%3D1%26tShort%3D1%26tSuffix%3D1&sdoc_pos=1 (дата обращения: 13.02.2025).

[43] Закон Республики Казахстан от 22 июля 2011 года № 477-IV «О миграции населения» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22.07.2024 г.) // Сайт «Юрист». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31038298&pos=110;-46#pos=110;-46&sdoc_params=text%3D%25D1%2581%25D0%25BE%25D0%25BE%25D1%2582%25D0%25B5%25D1%2587%25D0%25B5%25D1%2581%25D1%2582%25D0%25B2%25D0%25B5%25D0%25BD%25D0%25BD%-25D0%25B8%25D0%25BA%25D0%25B8%26mode%3Dindoc%26topic_id%3D31038298%26spos%3D1%26tSynonym%3D1%26tShort%3D1%26tSuffix%3D1&sdoc_pos=1 (дата обращения: 13.02.2025).

национальный признак в отличие от подходов в РФ[44]. Можно предположить, что национальность, как и более 30 лет назад является одним из мотивов, факторов переезда многих граждан неказахской национальности на территорию РФ. По мнению Д. В. Полетаева со времен распада СССР на территории Челябинской области, в основном вдоль границы с Казахстаном, фактически обозначилось три группы представителей казахской диаспоры / сообщества казахов и бывших казахстанцев: граждане Российской Федерации казахской национальности ранее не проживавшие или проживавшие в Казахстане, граждане Российской Федерации, не имеющие казахского происхождения и ранее проживавшие в Казахстане и граждане Казахстана казахской национальности, временно пребывающие в Российской Федерации[45].

Таким образом, представляется важным уделить особое внимание выработке национального законодательства, а также консолидации усилий государств по вопросам миграции и усилению мер трансграничной кооперации регионов российско-казахстанского приграничья (на примере Челябинской и Костанайской областей).

Переселение соотечественников является одним из приоритетных направлений миграционной политики в Челябинской области. Челябинск и регион в целом пользуется спросом у соотечественников из различных зарубежных стран. Так, по состоянию на 1 января 2020 г. Челябинская область заняла 3-е место и была в первой десятке из 76 регионов Российской Федерации по количеству принятых соотечественников[46].

[44] Морозова, Е. Р. Правовые основы отношений России и Казахстана в сфере поддержки соотечественников / Е. Р. Морозова // Постсоветские исследования. 2019. № 6. С. 1439–1449. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-otnosheniy-rossii-i-kazahstana-v-sfere-podderzhki-sootechestvennikov (дата обращения: 16.02.2025).

[45] Полетаев, Д. В. Поддержка Правительства Республики Казахстан в работе с диаспорой в Российской Федерации / Д. В. Полетаев. Астана: МОМ Астана. 2022. 92 с. URL: https://kazakhstan.iom.int/sites/g/files/tmzbd11586/files/documents/2023-03/Poletaev%20RUS.pdf (дата обращения: 16.02.2025).

[46] Данные Главного управления по труду и занятости населения Челябинской области // Официальный сайт Главного управления по труду и занятости населения Челябинской области. URL: https://szn.gov74.ru/szn/documents/programs/oblastnyeprogrammy.htm (дата обращения: 30.01.2025).

По данным Главного управления по труду и занятости населения Челябинской области только за последние 10 лет на территорию региона на постоянное место жительства переселилось более 60 тыс. соотечественников и членов их семей из различных зарубежных стран. Чаще всего на территорию муниципальных образований области эмигрируют из Казахстана, поскольку юго-восточная часть Челябинской области граничит с Республикой Казахстан.

На приграничной территории располагаются шесть муниципальных образований Челябинской области — Брединский, Карталинский, Варненский, Чесменский, Троицкий и Октябрьский районы. Со стороны Казахстана приграничной территорией является Костанайская область.

В постсоветские годы Челябинская область приняла значительное количество трансграничных мигрантов. Основная их часть прибыла из приграничных областей Казахстана[47]. По официальным данным численность бывших казахстанцев неказахской национальности, уехавших с 1991 по 2021 гг. на постоянное место жительства из Казахстана в Россию составила более 2,1 млн человек[48]. По данным МВД РФ на 1 сентября 2024 г. на территорию РФ мигрировало порядка 607 тыс. граждан Казахстана[49]. Согласно данным всероссийской переписи населения 2020 г. на территории Челябинской области порядка 29 тыс. человек относят себя к казахам (0,85 %)[50]. Данная статистика подтверждает актуальность развития трансграничного социально-гуманитарного сотрудничества двух стран.

[47] Авдашкин, А. А. Миграции в российско-казахстанском приграничье (на примере Южного Урала) / А. А. Авдашкин // Журнал Фронтирных Исследований. 2022. № 3 (27). С. 126. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/migratsii-v-rossiysko-kazahstanskom-prigranichie-na-primere-yuzhnogo-urala (дата обращения: 16.02.2025).

[48] Российский статистический ежегодник 2003-2021 // Сайт Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994 (дата обращения: 16.02.2025).

49 МВД: В России находятся около 4 млн. граждан стран Центральной Азии // Фергана. URL: https://fergana.media/news/134986/?ysclid=m77s8kbqui569031723 (дата обращения: 16.02.2025).

[50] Итоги всероссийской переписи населения 2020 года на территории Челябинской области // Официальный сайт Челябинскстата. URL: https://74.rosstat.gov.ru/national_census_2020 (дата обращения: 18.02.2025).

Основными причинами переезда соотечественников в регион являются, прежде всего, экономическая ситуация, межнациональные отношения в странах исхода, а также желание соотечественников воссоединиться с семьей, родными и близкими, приверженность к традиционным российским ценностям, русской культуре.

Челябинская область привлекает соотечественников из различных зарубежных стран своей стабильной экономикой, многонациональностью и приверженностью к различным конфессиям. В регионе, особенно в крупных городах, достаточное количество образовательных организаций, чтобы переселенцы могли получить профессиональное образование сами и дать образование своим детям. Регион отличает высокое качество развитой сети социального и медицинского обслуживания. Кроме того, отличительной особенностью региона является его географическое расположение и богатые природно-климатические условия, а также сам климат, способствующий быстрой адаптации переселенцев. Область находится на границе Европы и Азии, в южной части Уральских гор и прилегающей равнине, граничит с Республикой Казахстан. Челябинская область обладает значительным производственным, трудовым и научным потенциалом, разнообразной ресурсной базой, уникальными природно-климатическими условиями, развитой инфраструктурой и выгодным транспортно-географическим положением. По территории Челябинской области проходят федеральные автотрассы и Южно-Уральская железная дорога, являющаяся веткой Транссибирской магистрали. Перечисленные преимущества региона способствуют быстрой адаптации и интеграции эмигрантов в принимающем обществе, у соотечественников появляется хорошая возможность обосноваться, работать или при желании заниматься предпринимательством, развивать свой бизнес в регионе.

Добровольное переселение в муниципальные образования Челябинской области граждан, проживающих за рубежом, осуществляется с 2011 г. в рамках государственной программы Челябинской области «Оказание содействия добровольному переселению в Челябинскую область соотечественников, проживающих за рубежом», которая принимается на пять лет и в обновленном виде утверждается Правительством Челябинской области. В 2025 г. действует региональная государственная программа сроком

реализации на 2021-2025 гг.[51] в рамках Федеральной государственной программы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 года № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом».

Ключевая цель Региональной государственной программы — это обеспечение социально-экономического развития региона, а также улучшение демографической ситуации в Челябинской области[52]. Региональная государственная программа направлена, прежде всего, на обеспечение условий, способствующих закреплению переселившихся соотечественников в Челябинской области; увеличению квалифицированного кадрового потенциала; развитие малого и среднего бизнеса; увеличение численности молодежи, в том числе получающей образование в профессиональных образовательных организациях и образовательных организациях высшего образования области.

Участниками региональной государственной программы могут стать иностранные граждане, которые постоянно или временно проживают на законном основании на территории Челябинской области либо прибыли на территорию Российской Федерации в экстренном массовом порядке, признанные беженцами на территории Российской Федерации или получившие временное убежище на территории Российской Федерации.

Право на переселение в статусе соотечественника имеют граждане, прежде всего, изъявившие желание переселиться на постоянное место жительства в Челябинскую область,

[51] Постановление Правительства Челябинской области от 23.04.2021 № 146-П«О государственной программе Челябинской области «Оказание содействия добровольному переселению в Челябинскую область соотечественников, проживающих за рубежом»» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: publication. pravo.gov.ru/Document/View/7400202104280008 (дата обращения: 22.01.2025).

[52] Постановление Правительства Челябинской области от 23.04.2021 № 146-П «О государственной программе Челябинской области «Оказание содействия добровольному переселению в Челябинскую область соотечественников, проживающих за рубежом»» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: publication. pravo.gov.ru/Document/View/7400202104280008 (дата обращения: 22.01.2025).

а также при наличии уровня образования не ниже основного общего образования (подтверждением является документ об образовании). Кроме того, право на переселение имеют не только сам заявитель, но и члены его семьи.

В 2023 г. с целью повышения качественного состава соотечественников, пребывающих в регион, были добавлены следующие требования[53]:

– трудоспособный возраст (с 18 лет и по достижению возраста, с которого назначается страховая пенсия по старости, за исключением беженцев, а также прибывших из недружественных государств);

– для соотечественников, постоянно или временно проживающих на территории Челябинской области, осуществление непрерывной документально подтвержденной трудовой, инвестиционной, сельскохозяйственной или иной, не запрещенной законодательством Российской Федерации деятельности в Челябинской области продолжительностью не менее одного года на дату подачи заявления об участии в Программе (за исключением лиц, обучающихся в образовательных организациях высшего образования или профессиональных образовательных организациях, расположенных в Челябинской области, по очной или очно-заочной форме обучения, и в случае воссоединения с членами семьи, а также беженцев и прибывших из недружественных государств).

Уполномоченным исполнительным органом Челябинской области, ответственным за реализацию мероприятий и мер программы является Главное управление по труду и занятости населения Челябинской области, однако помимо Главного управления, основными исполнителями являются Министерство социальных отношений Челябинской области; Министерство здравоохранения Челябинской области; Министерство образования и науки Челябинской области; Министерство сельского хозяйства Челябинской области. Для координации работы по реализации Программы создается и практически ежегодно обновляется состав членов

[53] Постановление Правительства Челябинской области от 23.04.2021 № 146-П «О государственной программе Челябинской области «Оказание содействия добровольному переселению в Челябинскую область соотечественников, проживающих за рубежом»». С. 24–25 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: publication. pravo.gov.ru/Document/View/7400202104280008 (дата обращения: 22.01.2025).

Межведомственной комиссии. В состав Межведомственной комиссии по переселению традиционно включаются представители заинтересованных органов исполнительной власти, Управления по вопросам миграции ГУ МВД по Челябинской области, Управления ФСБ России по Челябинской области, ФСГС по Челябинской области, представители профсоюзов Челябинской области. Межведомственная комиссия по переселению осуществляет свою деятельность во взаимодействии с органами местного самоуправления Челябинской области в части анализа и обобщения информации о возможностях жилищного обустройства, трудоустройства и социальной адаптации соотечественников.

Кроме того, во всех муниципалитетах области создаются рабочие группы для согласования кандидатур соотечественников, подавших заявления на участие в Программе. В рабочие группы входят представители Администраций муниципалитета (заместителей глав муниципальных районов по социальным вопросам, экономике, культуре и здравоохранению); представители управлений по труду и занятости территории вселения; представители миграционной службы территории вселения; представители профсоюзных организаций муниципальных образований.

Региональной государственной программой предусмотрены компенсации расходов: на медицинский осмотр при подаче участниками программы и членами их семей документов на оформление разрешения на временное проживание; на признание ученых степеней, ученых званий, образования и (или) квалификации, полученных в иностранном государстве; на первоначальный съем жилья. Анализ результатов реализации региональной государственной программы за период с 2016 по 2024 гг. в целом свидетельствует о востребованности мер поддержки соотечественников в регионе[54]. Так, по представленным данным Главного управлением по труду и занятости наблюдается существен-

[54] Данные Годовых отчетов о реализации государственной программы Челябинской области «Оказание содействия добровольному переселению в Челябинскую область соотечественников, проживающих за рубежом» // Официальный сайт Главного управления по труду и занятости населения Челябинской области. URL: https://szn.gov74.ru/szn/documents/programs/oblastnyeprogrammy.htm (дата обращения: 30.01.2025).

ный рост числа заявителей, особенно в последние годы, рассматривающие возможность переселения в регион для постоянного места жительства (рис. 6). Как видим, только по состоянию на 31.10.2023 года поступило более 5 тыс. заявлений, что составило чуть более 14 тыс. человек. Данное количество заявителей еще на тот период превышал запланированный показатель 2023 года в 5 раз.

На протяжении всего периода реализации программы, территорией вселения является вся область, за исключением закрытых административно-территориальных образований, к которым относятся Снежинск, Озерск, Трехгорный.

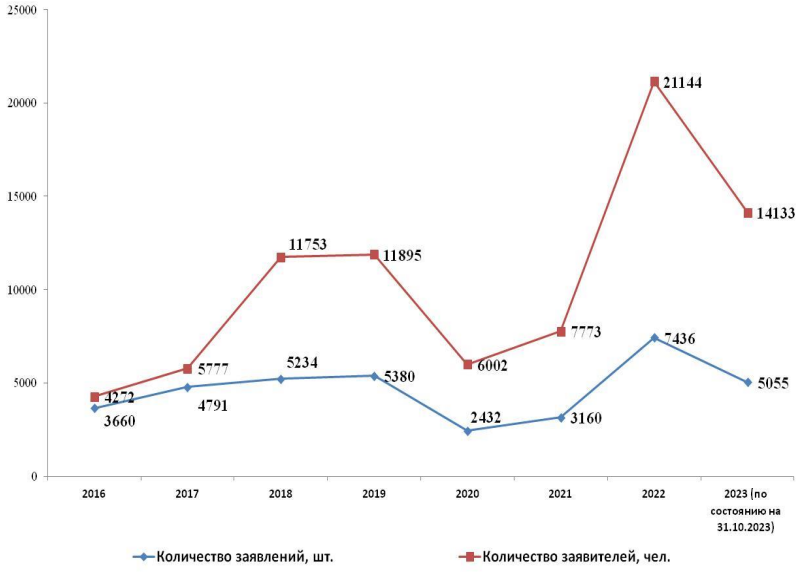

Рис. 6. Статистика заявлений и заявителей на участие в Региональной государственной программе, поступившие в Главное управление по труду и занятости населения Челябинской области за период 2016–2023 гг.*

* Рисунок составлен автором. Источник: данные Годовых отчетов о реализации государственной программы Челябинской области «Оказание содействия добровольному переселению в Челябинскую область соотечественников, проживающих за рубежом» // Официальный сайт Главного управления по труду и занятости населения Челябинской области. URL: https://szn.gov74.ru/szn/documents/programs/oblastnyeprogrammy.htm (дата обращения: 30.01.2025).

Чаще всего соотечественники переезжают в более крупные города региона, поскольку там проще найти работу, создана необходимая инфраструктура для комфортного проживания, а молодежи удобнее получать образование. К числу наиболее востребованных городов относится непосредственно город Челябинск — ежегодно не менее 60 % соотечественников выбирают его для постоянного места жительства. По состоянию на 31.10.2023 г. самой востребованной территорией вселения в регионе по-прежнему является Челябинск — 95,0 %. У казахстанцев нередко помимо Челябинска, популярностью пользуются приграничные территории области — Брединский, Карталинский, Варненский, Чесменский, Троицкий и Октябрьский районы. Зачастую для граждан приграничных территорий Казахстана наиболее комфортной является сельская местность и малые населенные пункты, так как они привыкли жить в частных домах.

Анализ статистических данных, по количеству соотечественников исходя из стран исхода, свидетельствует о том, что Казахстан на протяжении десятилетий являлся основной территорией, откуда граждане в большом количестве переезжали и обустраивались на территории региона. Из таблицы 30 следует, что соотечественники из Казахстана вплоть до 2022 г. занимают львиную долю от общего числа всех участников и находятся на первом месте в числе стран исхода по региональной программе. Ежегодно с начала реализации программы и вплоть до 2020-го г. наблюдался рост доли граждан из Казахстана, которые желали переселиться в Челябинскую область. Только за последние три года наблюдается некоторое сокращение количества соотечественников из Казахстана. Так, по состоянию на 31.10.2023 г. Казахстан занял только третье место в рейтинге всех стран исхода соотечественников, уступив Таджикистану и Узбекистану. Однако, за последние пять лет доля соотечественников из Казахстана сократилась практически в 5 раз, что обусловлено, скорее всего, сокращением количества желающих переселиться.

Примечательно, что социально-демографические характеристики заявившихся на участие в Программе за последние три года остаются достаточно стабильными. Большая часть граждан, которые приезжают жить на территорию Челябинской области по программе, находятся в трудоспособном возрасте, многие из соотечественников являются квалифицированными специалистами, у более трети имеется высшее

образование. Кроме того, весьма показательно, что чаще всего, в семьях участников программ имеются дети школьного и дошкольного возраста, мала среди переселенцев доля граждан пенсионного возраста.

Таким образом, региональная государственная программа дает региону ежегодно в среднем порядка 58,7 % приток граждан трудоспособного возраста. Кроме того, для переселенцев характерен достаточно высокий образовательный ценз. Так, по данным 2021 г. порядка 37,0 % переселенцев имели высшее образование, 39,0 % — среднее образование, 30,0 % — основное общее. Как отмечал экс-руководитель Главного управления по труду и занятости Владислав Смирнов: «Фактически Челябинская область получает готовые квалифицированные кадры»[55].

Из отчетных данных о результатах реализации региональной государственной программы видно, что в последние годы существенных проблем с трудоустройством у соотечественников не возникает. В последнее время статистика обращаемости участников Программы в поисках работы существенно не формирует риски реальной безработицы среди соотечественников. Мала доля соотечественников вставших на учет в статусе безработного. По состоянию на 31.10.2023 года только 1 человек обратился в Центр занятости населения по вопросу поиска работы.

Как правило, участники программы заранее готовятся к переезду, находят место для жизни и трудоустройства. Обосноваться на новом месте участникам нередко помогают родственно-дружеские связи, которые у многих сохранились в регионе. Опираясь на поддержку родных и близких, а также получая соответствующие меры государственной поддержки, у соотечественников сводятся к минимуму проблемы с социальной адаптацией. Соотечественники очень быстро начинают чувствовать себя полноценными гражданами России и Челябинской области. Работают участники государственной программы, чаще всего, в сферах образования, здравоохранения и сельского хозяйства: учителями, врачами, воспитателями, агрономами, инженерами, механиками, энергетиками, бригадирами животноводства, бухгалтерами и др.

[55] На какую поддержку смогут рассчитывать соотечественники при переезде в Челябинскую область? // Сетевое издание «Губерния — Южный Урал» (16+). URL: https://gubernia74.ru/articles/society/1105549/ (дата обращения: 03.02.2025).

Таблица 30

Распределение поступивших заявлений в Главное управление по труду и занятости населения Челябинской области для участия в Региональной государственной программе по странам исхода, в %*

Наименование страны исхода	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023 (по состоянию на 31.10.2023)
Таджикистан	-	-	-	-	9,0	25,0	23,0	47,0	58,0
Узбекистан	5,0	4,95	6,95	13,0	14,0	7,0	18,0	20,0	14,0
Казахстан	50,0	68,2	73,48	67,0	62,0	62,0	49,0	22,0	13,0
Армения	-	-	-	-	-	-	2,0	5,0	5,0
Азербайджан	-	-	-	-	-	-	2,0	2,0	5,0
Украина	32,0	14,81	6,05	3,0	2,0	1,0	-	-	-
Молдавия	2,0	4,97	5,55	8,0	6,0	2,0	-	-	-

* Таблица составлена автором. Источник: Данные Годовых отчетов о реализации государственной программы Челябинской области «Оказание содействия добровольному переселению в Челябинскую область соотечественников, проживающих за рубежом» // Официальный сайт Главного управления по труду и занятости населения Челябинской области. URL: https://szn.gov74.ru/szn/documents/programs/oblastnyeprogrammy.htm (дата обращения: 30.01.2025).

Таблица 31

Социально-демографические характеристики соотечественников по Региональной государственной программе за период 2021–2023 гг., в %*

Характеристики	2021	2022	2023 (по состоянию на 31.10.2023)
Доля трудоспособных соотечественников	63	57	56
Дети школьного и дошкольного возраста	31	36	39
Пенсионеры	3	4	2,2
Квалифицированные специалисты	68	70	64
С высшим образованием от подавших заявление	34	39	39

* Таблица составлена автором. Источник: Данные Годовых отчетов о реализации государственной программы Челябинской области «Оказание содействия добровольному переселению в Челябинскую область соотечественников, проживающих за рубежом» // Официальный сайт Главного управления по труду и занятости населения Челябинской области. URL: https://szn.gov74.ru/szn/documents/programs/oblastnyeprogrammy.htm (дата обращения: 30.01.2025).

Таблица 32

Уровень безработицы среди соотечественников (чел.)*

Характеристики	2015	2016	2021	2022	2023 (по состоянию на 31.10.2023)
Количество обращений в Центры занятости населения	277	77	4	2	1
Количество безработных с начислением пособия	22	20	-	-	-
Количество трудоустроенных по направлению Центра занятости населения	53	10	-	-	-
Количество проходящих обучение	2	1	-	-	-

* Таблица составлена автором. Источник: Данные Годовых отчетов о реализации государственной программы Челябинской области «Оказание содействия добровольному переселению в Челябинскую область соотечественников, проживающих за рубежом» // Официальный сайт Главного управления по труду и занятости населения Челябинской области. URL: https://szn.gov74.ru/szn/documents/programs/oblastnyeprogrammy.htm (дата обращения: 30.01.2025).

Согласно данным годовых отчетов о реализации региональной программы, в среднем ежегодно более 7 тыс. соотечественников выбирают Челябинскую область для постоянного места жительства (рис. 7). С 2016 г. ежегодно наблюдается рост числа переселенцев. Некоторый спад количества соотечественников зафиксирован в 2020 г., что, прежде всего, обусловлено эпидемиологической ситуацией и ограничениями в результате COVID-19. Некоторые граждане, получившие статус соотечественников и члены их семей, отложили переезд и позже с момента снятия ограничений, смогли воспользоваться мерами социальной поддержки и переехать на территорию области.

По состоянию на 31.10.2023 г. на территорию области переселилось 8859 человек (3720 участник и 5139 членов семьи), что больше более чем в 3 раза от годового показателя (2700 человек в год). В тоже время, выбыли с территории Челябинской области 85 участников и 157 членов семьи добровольно отказались от статуса участника Программы, а 54 участников и 65 членов семьи утратили статус в связи с аннулированием свидетельства (4 % при максимальном целевом показателе, предусмотренным Программой — 5 %).

Отмечается разница между количеством соотечественников, заявившихся на участие в Программе от количества

прибывших на территорию региона. Так, в 2021 г. изъявили желание участвовать в Программе 7 773 человек, по факту прибыло 6439 человек (83 % от заявившихся); в 2022 г. заявилось 21 144 человек, прибыло 9 449 человек (45 %); за 10 месяцев 2023 г. заявилось 14133 человек, прибыло 8 859 человек (63 %). Эта разница обусловлена возможностью соотечественников воспользоваться правом на переселение в течение 5 лет с момента выдачи свидетельства участника Программы.

Программа финансируется из федерального и областного бюджетов. В целях софинансирования расходных обязательств Челябинской области, связанных с реализацией Программы, за счет средств федерального бюджета Челябинской области предоставляется субсидия. Включение средств

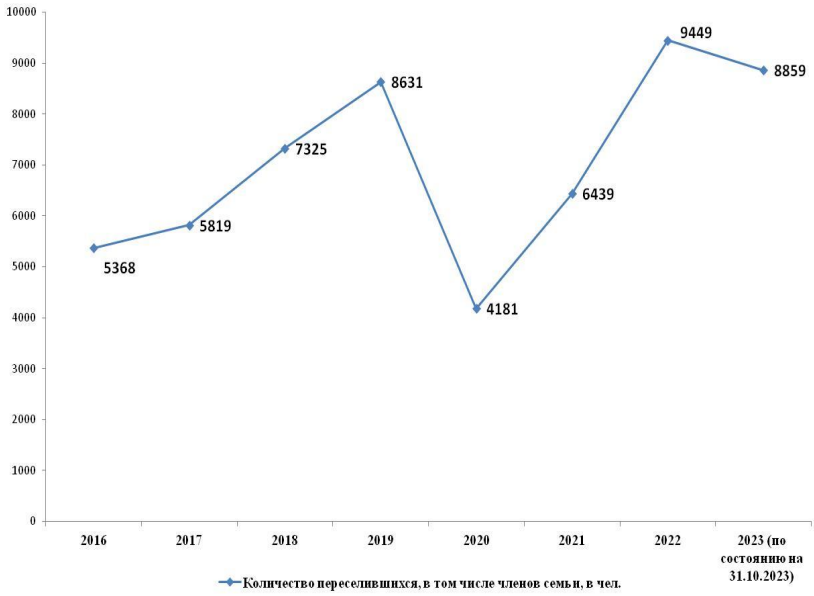

Рис. 7. Статистика переселившихся соотечественников в Челябинскую область за период 2016–2023 гг., в человек*

* Рисунок составлен автором. Источник: данные Годовых отчетов о реализации государственной программы Челябинской области «Оказание содействия добровольному переселению в Челябинскую область соотечественников, проживающих за рубежом» // Официальный сайт Главного управления по труду и занятости населения Челябинской области. URL: https://szn.gov74.ru/szn/documents/programs/oblastnyeprogrammy.htm (дата обращения: 30.01.2025).

федерального бюджета в объем финансирования мероприятий Программы осуществляется на основании соглашения между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Правительством Челябинской области о предоставлении субсидии из федерального бюджета на реализацию мероприятий Программы. В табл. 33 представлен объем финансовых средств, предусмотренных на реализацию программы за период с 2016 по 2023 гг.

Таблица 33

Объем финансирования Региональной государственной программы за 2016 по 2023 гг., в тыс. руб.*

Средства бюджета	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Федеральный бюджет	16705,4	3914,1	3695,4	10773,00	10773,00	22258,8	14457,0	14733,5
Областной бюджет	2005,05	14067,0	13357,9	8919,80	7364,80	5364,8	6499,5	9780,6
Итого	18710,45	17981,1	17053,3	19692,80	18137,80	27623,6	20956,5	24514,1

* Таблица составлена автором. Источник: данные Годовых отчетов о реализации государственной программы Челябинской области «Оказание содействия добровольному переселению в Челябинскую область соотечественников, проживающих за рубежом» // Официальный сайт Главного управления по труду и занятости населения Челябинской области. URL: https://szn.gov74.ru/szn/documents/programs/oblastnyeprogrammy.htm (дата обращения: 30.01.2025).

В 2023 г. на реализацию программы всего предусмотрено 24514,1 тыс. рублей, в том числе из областного бюджета — 9780,6 тыс. рублей, из федерального бюджета — 14733,5 тыс. рублей. По состоянию на 31.10.2023 г. сумма освоенных средств на реализацию Программы составила 22 567,02 тыс. рублей (92 %) (2021 г. — 86 %, 2022 г. — 80 %).

Таким образом, привлечение на территорию Челябинской области соотечественников в целом оказывает положительное влияние на региональную экономику, что позволяет частично компенсировать выбытие трудоспособного населения и содействует обеспечению кадровой потребности работодателей. Реализация региональной государственной программы можно рассматривать одной из форм социально-гуманитарного трансграничного сотрудничества, способствующей улучшению демографической ситуации в Челябинской области, привлечению и закреплению квалифицированных кадров

на предприятиях и в организациях области. Активными участниками по развитию социально-гуманитарного трансграничного сотрудничества и развития трансграничной кооперации двух стран могут выступить национально-культурные объединения, способствующие межнациональному диалогу между мигрантами, государством и местным населением. Непосредственное участие представителей национально-культурных организаций и центров в формировании стратегии государственной миграционной и национальной политики, способствуют консолидации усилий государства в вопросах миграции и статуса мигрантов в принимающей стране.

Развитие трансграничной кооперации территорий российско-казахстанского приграничья (на примере Челябинской и Костанайской областей): результаты социологического исследования

В феврале-октябре 2025 г. научными сотрудниками кафедры социологии Южно-Уральского государственного университета и кафедры политических наук и международных отношений Челябинского государственного университета проведено исследование, которое было направлено на изучение текущего социально-экономического положения населения, проживающего на территории российско-казахстанского приграничья, выявление приоритетных проблем, миграционных настроений, состояния межнациональных отношений, а также определение уровня информированности и перспектив развития трансграничного сотрудничества между двумя регионами. Исследование проведено методом формализованного интервью (анкетирования). Общий объем выборочной совокупности составил 625 респондентов, из них 320 респондентов представляли Челябинскую область (РФ) и 305 — Костанайскую область (РК). Выборка квотная, репрезентирующая население приграничных территорий по полу, возрасту, социальному положению. Расчет квот производился на основе официальных статистических данных территориальных органов статистики двух стран за 2020 год[56].

[56] Итоги всероссийской переписи населения 2020 года на территории Челябинской области // Официальный сайт Челябинскстата. URL: https://74.rosstat.gov.ru/national_census_2020 (дата обращения: 18.02.2025); Костанайская область в 2020 году: статистический ежегодник // Официальный сайт Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: https://stat.gov.kz/ru/region/kostanay/collections/?year=2020&period=year&name=95295 (дата обращения: 18.02.2025).

Отбор респондентов осуществлялся методом случайного маршрута в населенных пунктах. Внутри каждого населенного пункта интервьюеры руководствовались установленными квотами. Данный подход позволил получить сопоставимые массивы данных по обеим сторонам границы и обеспечить репрезентативное представление мнений ключевых социально-демографических групп среди местного населения приграничных территорий Челябинской и Костанайской областей.

По социально-демографическим характеристикам 46,7 % опрошенных пришлось на респондентов в возрасте 30–49 лет, респонденты 50 лет и старше — 29,9 %, 18–29 лет — 23,4 %. По социальному положению среди опрошенных 40,8 % — рабочих, 19,8 % — служащих, специалистов, 15,4 % — неработающих пенсионеров, 5,8 % — руководителей, главных специалистов, 3,8 % — предпринимателей, 3,2 % — студентов, 2,2 % — безработных и 9,0 % из других социальных групп. По уровню образования 42,4 % с высшим, незаконченным высшим образованием, 28,2 % — средним специальным, 16,2 % — средним общим, а 13,3 % — начальным профессиональным. В опросе приняли участие 54,2 % женщин и 45,8 % мужчин. В Челябинской области преобладают русские (74,7 %, в Костанайской — казахи (63,0 %), что соответствует этническому составу регионов. Социально-демографические характеристики опрошенных в разрезе регионов представлены в табл. 34.

Анкета населения состояла из 61 вопроса, в том числе 7 вопросов из раздела «паспортичка». Техническая обработка информации произведена в программе IBM SPSS Statistics Base (статистический пакет для социальных наук). При обработке количественных эмпирических данных применялись контент-анализ, методы двухмерного, дисперсионного, корреляционного и факторного анализа.

Уровень региональной идентичности рассчитывался по авторской методике И. Н. Воробьевой, кандидата социологических наук, доцента кафедры социологии и социальных технологий Череповецкого государственного университета[57]. Данная методика на основе количественного метода фокусируется на эмоционально-поведенческих аспектах, позволяя произвести дифференциацию всего населения по уровню

[57] Воробьева, И. Н. Территориальная идентичность населения: методика эмпирического измерения / И. Н. Воробьева // Siberian Socium. 2022. Т. 7. № 1 (23). С. 29–44. DOI: 10.21684/2587-8484-2022-7-1-29-44.

региональной идентичности для мониторинга и сравнения, а также отследить динамику и закономерности во взаимосвязи с другими переменными. Использованы три индикатора региональной идентичности: индикатор лояльности — готовность рекомендовать свой населенный пункт для переезда; индикатор активности — стремление лично улучшать свой населенный пункт; индикатор перспективы — желание, чтобы дети/внуки остались жить на данной территории. Все индикаторные вопросы измерялись по классической порядковой школе; ответам присваивались шкальные значения: «Определенно да» — 5; «Скорее да, чем нет» — 4; «Скорее нет, чем да» — 3; «Определенно нет» — 1. Для каждого респондента рассчитывались частные индексы по каждому вопросу. Индекс региональной идентичности определялся как среднее между тремя частными индексами и варьировался от 1 до 5. В результате все респонденты были разбиты на три группы: с высоким, средним, низким уровнем региональной идентичности.

Таблица 34

Социально-демографические характеристики респондентов (в % от общего числа опрошенных и по регионам)

Характеристики	Все опрошенные	Челябинская область	Костанайская область
Пол			
Женский	54,2	54,1	54,4
Мужской	45,8	45,9	45,6
Возраст			
30–49 лет	46,7	44,1	49,5
50 лет и старше	29,9	34,1	25,6
18–29 лет	23,4	21,9	24,9
Социальное положение			
Рабочий	40,8	39,4	42,3
Служащий, специалист	19,8	21,6	18,0
Неработающий пенсионер	15,4	16,3	14,4
Руководитель, главный специалист	5,8	6,9	4,6
Предприниматель	3,8	2,8	4,9
Студент	3,2	3,1	3,3
Безработный	2,2	1,6	3,0
Другое	9,0	8,4	9,5

Кроме того, в целях более глубоко погружения в проблему, разработки рекомендаций для органов власти по совершенствованию трансграничной кооперации российско-казахстанского приграничья проведено 100 интервью среди экспертов Челябинской области и Казахстана (в том числе 66 интервью по стандартизированной анкете, состоящей из 44 вопросов и инструкции, 34 — нарративного интервью). Информантами выступали представители органов власти, бизнеса, общественных организаций, а также специалисты, связанные с реализацией социальной политики, вопросами миграции и межнациональных отношений. Средняя продолжительность беседы составляла 60–90 минут.

Социологический подход позволил не только оценить эффективность кооперации в приоритетных сферах, но и понять, насколько эти процессы соответствуют потребностям и ожиданиям местного населения, способствуют повышению их уровня и качества жизни.

Отправной точкой исследования стала гипотеза о том, что успешное межрегиональное сотрудничество должно проецироваться на повседневную жизнь людей, формируя позитивное отношение местного населения и ощутимые социально-экономические эффекты. В целях выявления ключевых тенденций, проблем, причин и факторов, влияющих на восприятие трансграничного сотрудничества в Челябинской и Костанайской областях, полученные данные условно представлены по пяти ключевым блокам: миграционные установки и мобильность; оценка социально-экономической ситуации и динамики уровня жизни; состояние региональной идентичности; состояние и развитие трансграничного взаимодействия; межнациональные отношения.

Анализ миграционных настроений показывает неоднородность восприятия территориальной мобильности среди жителей российско-казахстанского приграничья. Эмпирические данные свидетельствуют о наличии как стабилизационных, так и дестабилизационных факторов в миграционном поведении населения двух регионов. В среднем по массиву треть респондентов характеризуют миграционную обстановку в приграничной территории спокойной, указывая на то, что местное население преимущественно проживает и работает по месту жительства. Однако тревожным сигналом является то, что практически каждый пятый опрошенный (22,4 %) отмечает безвозвратный отток молодежи в другие регионы и страны.

Кроме того, анализ результатов исследования показывает, что население Челябинской области характеризуется более высоким уровнем реализуемой миграционной мобильности: 19,1 % респондентов определенно планируют переезд в ближайшее время (против 7,2 % в Костанайской области). В Костанайской области выше доля тех, кто «хотел бы уехать, но не имеет возможности» — 18,7 % (против 14,4 % в Челябинской области), что свидетельствует о наличии сдерживающих факторов и наличии «скрытого» миграционного потенциала. Причем, исследование выявило различия направления планируемых переездов. Так, жители Челябинской области ориентированы преимущественно на внутристрановую миграцию: 16,6 % планируют переезд в другой населенный пункт своей области, еще 16,3 % — в другой регион РФ. Для жителей Костанайской области наиболее привлекательным является выезд за пределы страны: 8,5 % указали «другую страну» и 6,9 % — другой регион РФ.

Опрос показал, что наиболее мобильна молодежь (18–29 лет) в обоих регионах. В Челябинске 31,4 % молодежи планируют переезд, в Костанайской области таких 15,8 % (еще 30,3 % хотели бы уехать, но не имеют такой возможности). С возрастом миграционные настроения резко снижаются, особенно среди старшего поколения (50+). Так, например, в Костанайской области 84,6 % опрошенных в возрасте старше 50 лет не собираются уезжать, в Челябинской области таких 67,0 %.

В гендерном аспекте в Костанайской области активнее пересекают границу женщины (63,9 % против 38,8 % мужчин), чаще ездят к родственникам и по бытовым нуждам. В Челябинской области гендерные различия в частоте пересечения границы минимальны.

Межрегиональный анализ выявляет существенные различия в структуре миграционных потоков:

1. Маятниковая миграция в крупные города РФ. В Челябинской области трудовая и образовательная миграция является массовым явлением: 27,8 % респондентов отмечают, что местное население ездит на заработки или учебу в крупные города Российской Федерации. В Костанайской области данный показатель значительно ниже и составляет лишь 4,9 %, что свидетельствует о том, что для жителей казахстанского приграничья российские города выступают не столько центром притяжения для регулярных поездок, сколько альтернативным, но менее востребованным направлением.

2. Миграция в Казахстан. Обратное направление (поездки из России в Казахстан) выражено слабее и носит более симметричный характер. В Челябинской области о таких поездках сообщили 4,7 % опрошенных, в Костанайской — 10,8 %. Этот показатель может свидетельствовать о наличии внутриказахстанской миграции или о поездках этнических казахов, проживающих в РФ, например, к родным и близким.

3. Безвозвратный отток молодежи. Наиболее значимая дифференциация зафиксирована в оценках безвозвратной миграции. В Костанайской области проблема воспринимается как значительно более острая: 29,8 % респондентов указывают на то, что молодежь покидает приграничные территории навсегда, стремясь к самореализации за пределами региона. В Челябинской области этот показатель почти вдвое ниже — 15,3 %.

Результаты исследования позволили выделить ключевые причины миграции. В среднем по выборке более двух третей респондентов (67,2 %) в качестве главной причины указывают на стремление улучшить уровень и качество жизни своей семьи. Однако если в Челябинской области этот мотив выбирают 56,3 % опрошенных, то в Костанайской он приобретает абсолютно доминирующий характер, достигая 78,7 %. Столь высокое значение позволяет интерпретировать данный фактор ключевым, что коррелирует с более низкими оценками динамики социально-экономического развития региона. На втором месте среди факторов миграции – образовательный фактор (25,3 %). На получение хорошего образования как причину миграции в Челябинской области указали 19,4 %, тогда как в Костанайской — 31,5 %.

В тоже время выявлены и межрегиональные различия ключевых мотивов потенциального отъезда. Так, для населения Челябинской области ключевым фактором миграции является безработица (38,1 % против 29,2 % в Костанайской области). В Костанайской области, напротив, сильнее мотивирует желание профессиональной самореализации (39,0 % против 28,8) и получения образования (31,5 % против 19,4 %).

Таким образом, факторный анализ миграционных настроений позволяет заключить, что население Костанайской области демонстрирует более высокую миграционную готовность, связанную с комплексом социально-экономических причин (качество жизни, занятость, образование). Население Челябинской области, при сопоставимом наборе мотивов,

в меньшей степени ориентировано на безвозвратный отток, что может быть следствием как относительно более развитой региональной инфраструктуры, так и наличием устоявшихся каналов маятниковой миграции, снимающих необходимость полной смены места жительства.

Результаты исследования показали, что население весьма неоднозначно оценивает развитие своих населенных пунктов, которые находятся на границе России и Казахстана. Несмотря на то, что чуть более половины всех опрошенных (51,3 %) в целом положительно оценивают социально-экономическое развитие своих населенных пунктов, четверть респондентов считают развитие недостаточно динамичным, еще 13,1 % указывают на отсутствие какого-либо развития, а 9,8 % затруднились с ответом на вопрос. Причем, жители российской приграничной территории демонстрируют более высокий уровень оптимизма, нежели жители Казахстана. Каждый четвертый опрошенный в Челябинской области считает, что его населенный пункт развивается динамично, в Костанайской области таких на 8,4 % меньше (15,7 %). В тоже время казахстанцы чаще выражают неудовлетворенность темпами развития населенных пунктов (30,8 %). В ходе интервью респондентами из Казахстана отмечалось, что больше всего проблем на селе, чем в более крупных городах Казахстана. Нередко информанты указывали на проблемы, связанные с «безработицей на селе», «повышением цен на продукты и коммунальные услуги», «кто может себе позволить, строится... А в целом на селе много проблем» и другие. Кроме того, опрос показал, что к числу общих приоритетных социально-экономических проблем населения российско-казахстанского пограничья относятся: нехватка рабочих мест (50,9 %), недостаток местных производств в реальном секторе экономики (41,3 %), проблемы здравоохранения (30,4 %), нехватка благоустроенного жилья (30,1 %) и сокращение численности населения в муниципалитете (24,8 %) (табл. 35).

Выявлены ключевые межрегиональные различия социально-экономических проблем российско-казахстанского пограничья. Для казахстанской территории проблема отсутствия производственной базы стоит значительно острее, чем для российского региона. Так, на недостаток местных производств на 17,4 % чаще указывали жители Костанайской области, чем Челябинской (50,2 % против 32,8 %). Кроме того, казахстанское население более обеспокоены перспективами

Таблица 35

Приоритетные социально-экономические проблемы российско-казахстанского приграничья в Челябинской и Костанайской областях (в % к общему числу опрошенных и по регионам)

Перечень проблем	Все опрошенные	Челябинская область	Костанайская область
Нехватка рабочих мест на территории населенного пункта, особенно в сельской местности	50,9	47,8	54,1
Недостаток местных производств в реальном секторе на территории населенного пункта, особенно в сельской местности	41,3	32,8	50,2
Проблемы здравоохранения	30,4	31,9	28,9
Нехватка благоустроенного и преобладание ветхого жилья на территории населенного пункта, особенно в сельской местности	30,1	27,2	33,1
Сокращение численности населения в муниципалитете	24,8	22,8	26,9
Неопределенность перспектив развития территории населенного пункта	17,6	12,8	22,6
Экологические проблемы	13,0	15,9	9,8
Рост миграции	11,5	14,4	8,5
Коррупция	8,6	6,6	10,8
Этнические, межконфессиональные конфликты	7,4	4,4	10,5
Отрицательный имидж населенного пункта в глазах местных жителей, потенциальных инвесторов и региональных властей	6,7	6,3	7,2
Преступность	5,4	5,3	5,6
Затрудняюсь ответить	5,4	6,6	4,3
Нет существенных проблем	5,3	2,5	8,2
Разобщенность и отсутствие взаимопонимания между населением приграничных территорий Челябинской области и Казахстана	1,9	3,1	0,7
Другие (напишите)	1,9	0,0	3,9
Проблемы терроризма, экстремизма	1,4	1,6	1,3
Итого ответов*	263,7	242,0	286,6

*Сумма превышает 100%, так как респондент мог указать несколько вариантов ответов.

развития населенных пунктов в будущем (22,6 % против 12,8 %), а также этническими и межконфессиональными конфликтами (10,5 % против 4,4 %).

В гендерном аспекте в Челябинской области мужчины чаще отмечают проблемы жилья (36,1 % против 19,7 % у женщин) и недостаток производств (36,1 % против 30,1 %). В Костанайской области мужчины также более обеспокоены проблемой нехватки производств (52,5 % против 48,2 % у женщин). К тому же на это чаще указывали респонденты старшего поколения, чем молодежь: 61,5 % среди лиц старше 50 лет и 35,5 % в группе 18–29 лет. Женщины в обоих регионах обеспокоены проблемами здравоохранения (в Челябинской области 34,7 % против 28,6 % у мужчин; в Костанайской области 34,3 % против 22,3 % у мужчин). Примечательно, что проблемы здравоохранения на казахстанской территории наиболее актуальны и для старшего поколения (44,9 %). Кроме того, в Челябинской области проблема жилья наиболее остра для молодежи 18–29 лет и лиц старше 50 лет (41,4 % и 33,0 % соответственно). К числу других проблем респондентами, преимущественно Костанайской области отмечались: «низкий уровень зарплат», «слаборазвитая инфраструктура», «нехватка мест для отдыха», «с водой и дорогами проблемы», «молодежи негде работать» и др.

В ходе исследования было важно проанализировать динамику условий жизни населения российско-казахстанского приграничья за последний год. Оценка осуществлялась по одиннадцати ключевым критериям, среди которых: организация и условия быта; доходы: питание; состояние здоровья, условия лечения; обеспеченность жильем; условия досуга, отдыха; защита от насилия, воровства; денежные накопления; размеры имущества, собственности; обеспеченность товарами, бытовыми услугами; уровень взаимопонимания между населением приграничных территорий Челябинской области и Казахстана. Анализ результатов исследования показал, что наиболее проблемными сферами для обеих территорий являются доходы и здоровье. Несмотря на то, что практически у половины населения приграничья доход за последний год не изменился, однако имеются межрегиональные особенности российской и казахстанской территорий. Можно сказать, что динамика доходов на территориях диаметрально противоположная. В Челябинской области преобладает позитивная или стабильная динамика (33,1 % указали, что их

доход становится лучше (больше), то для Костанайской области в большей мере характерна стагнация и ухудшение (только 8,2 % опрошенных указали на улучшения, а 39,3 % отметили ухудшение (уменьшение)). Денежные накопления полностью коррелируют с динамикой доходов населения. В Челябинской области 11,9 % оценивают свой уровень жизни как высокий (против 3,6 % в Костанайской области), а доля низкого уровня ниже (13,8 % против 18,4 % в Костанайской области). Выявлен весьма высокий процент неудовлетворительных оценок населением состояния здоровья и условий лечения. Причем, чаще указывали на ухудшения в Челябинской области (34,4 % против 22,0 % в Костанайской области), что возможно связано с объективными проблемами доступности и качества медицинской помощи в отдаленных районах области.

Еще одна из проблем, на которую указало местное население — это слабая коммуникационная политика двух регионов и отсутствие информации о результатах совместных проектов. 41,1 % респондентов затруднились ответить на вопрос об осуществлении трансграничной кооперации. Причем, чаще не видят признаки кооперации жители Костанайской области (33,7 % — сумма ответов «определенно нет» и «скорее нет, чем да», еще 45,6 % затруднились с ответом; в Челябинской области таких 22,8 % и 36,9 % соответственно). Примечательно, что население Костанайской области активнее используют все виды медиа, особенно ТВ (местное — 52,8 %, центральное — 47,9%), социальные сети (56,1%) и новостные порталы (50,5 %). В Челябинской области наиболее популярны социальные сети (44,4 %) и местное ТВ (35,0 %).

Проведенный анализ результатов массового опроса по ключевым индикаторным вопросам выявил общие межрегиональные различия по состоянию региональной идентичности населения российско-казахстанского приграничья. Так, в Челябинской области наблюдается поляризация мнения населения по индикаторам лояльности и перспективы: высока доля респондентов, которые порекомендовали бы своим знакомым переехать жить в приграничную территорию (53,5 %). В тоже время, треть опрошенных не порекомендовали бы и практически каждый второй не желал бы, чтобы их дети и внуки остались жить на данной территории. В Костанайской области доминирует позитивно-нейтральный настрой с высокой долей неопределенности: 40,6 % дали позитивные ответы по индикатору лояльности, при этом 45,6 % затруднились с ответом, что,

скорее всего, указывает на менее сформированное, индифферентное отношение к месту жительства. По индикатору активности население Костанайской области демонстрирует более высокий уровень декларируемой социальной активности (73,4 % позитивных ответов против 68,2 % в Челябинской области), что сочетается с низкой долей негативных ответов (3,0 % против 21,2 % соответственно). Индикатор перспективы является самым проблемным для обоих регионов, но в Челябинской области доля негативных оценок (40,6 %) почти вдвое выше, чем в Костанайской (22,3 %), что свидетельствует о более глубоком кризисе долгосрочных перспектив развития региона в общественном сознании.

Проведенный корреляционный анализ показал, что наиболее доминирующими социально-демографическими переменными выступили пол и возраст. В гендерном аспекте респонденты женского пола в обоих регионах демонстрируют более высокий уровень региональной идентичности. Они чаще готовы рекомендовать свою территорию (разрыв особенно велик в Костанайской области: 50,6 % женщин против 28,8 % мужчин) и существенно чаще декларируют стремление ее улучшать (в Челябинской области 74,0 % женщин против 61,2 % мужчин; в Костанайской области 83,7 % женщин против 61,1 % мужчин).

Существенные различия состояния региональной идентичности выявлены среди респондентов разного возраста. Так, в Челябинской области по индикатору лояльности наиболее позитивно настроена молодежь в возрасте 18–29 лет (55,7%). Наиболее скептичны в оценке привлекательности территории представители группы 30–49 лет (51,0 %). По индикатору перспективы все группы демонстрируют чаще пессимистический настрой: от 44,3 % до 55,0 % дали положительный ответ на вопрос о том, хотели бы они, чтобы их дети/внуки остались жить на данной территории. В Костанайской области наблюдается существенное расхождение мнения респондентов разного возраста в аспекте региональной идентичности. Наиболее низкий уровень региональной идентичности характерен для молодежи в возрасте 18–29 лет: среди них лишь 34,2 % порекомендовали бы свой населенный пункт для переезда, еще 59,2% стремятся сделать лучше населенный пункт, в котором живут. К тому же катастрофически мала доля респондентов, которые хотели бы, чтобы их дети и внуки остались жить в данном населенном пункте (15,8 %).

Высока доля затруднившихся с ответом (до 44,7 % по индикатору лояльности), что, скорее всего, свидетельствует о неопределенности своего будущего в регионе, миграционном настрое. Среднее поколение (30–49 лет) занимает промежуточную позицию, близкую к негативной в связи с высокой долей неопределившихся (до 56,3 % по индикатору лояльности). Более позитивный настрой в аспекте региональной идентичности у респондентов в возрасте 50 лет и старше: у них максимальные показатели по всем трем индикаторам (69,2 % дали положительные ответы на вопрос о готовности рекомендовать свой населенный пункт для переезда; 88,4 % «за» по индикатору активности и 78,2 % «за» по индикатору перспективы).

В соответствии с методикой исследования, все респонденты были разбиты на три группы в зависимости от уровня региональной идентичности. Проведенный анализ выявил принципиально разную структуру распределения идентичности между регионами. В Челябинской области доля респондентов с высоким уровнем идентичности является наибольшей (45,9 %), однако почти каждый четвертый (24,1 %) обладает низким уровнем, что указывает на наличие значительной социальной группы, слабо связанной с территорией, создает потенциальные риски социальной разобщенности и оттока населения. Средний уровень (30,0 %) выполняет роль буфера, но не является доминирующим. Костанайская область характеризуется моделью консолидации вокруг среднего уровня. Почти половина населения (48,9 %) обладает средней идентичностью, что может трактоваться как умеренно-позитивное принятие территории. Группа с высокой идентичностью также значительна (41,3 %), а доля населения с низким уровнем идентичности минимальна (9,8 %). Данная структура свидетельствует о более однородном и, в целом, более стабильном социальном самочувствии, однако требует внимания к факторам, удерживающим идентичность на среднем, а не высоком уровне. В гендерном аспекте женщины демонстрируют более высокий уровень региональной идентичности. В Челябинской области они составляют 57,1 % в группе с высокой идентичностью при общей доле в выборке 54,1 %. В Костанайской области женщины составляют 67,5 % группы с высокой идентичностью при доле в выборке 54,4 %, что свидетельствует о более глубокой эмоциональной и социальной укорененности женского населения в отличие от мужского. В тоже время,

наблюдается ярко выраженная гендерная диспропорция в группе со средним уровнем идентичности. Здесь доминируют мужчины (55,7 % группы против 44,3 % женщин). Это позволяет предположить, что для значительной части мужского населения Костанайской области характерна прагматичная, умеренно-позитивная связь с регионом, в то время как женщины чаще склонны к высокой идентификации. В Челябинской области распределение по уровню идентичности во всех возрастных группах относительно пропорциональна их доле в общей выборке. Наибольший относительный перевес наблюдается в группе 30–49 лет среди респондентов группы с низким уровнем региональной идентичности (45,5 % при доле в выборке 44,1 %), что указывает на потенциальную неудовлетворенность этой наиболее экономически активной группы. В Костанайской области выявлена прямая зависимость уровня идентичности от возраста. Респонденты в возрасте 50 лет и старше, составляя лишь 25,6 % выборки, формируют 47,6 % группы с высокой идентичностью. Их доля в группе с низкой идентичностью минимальна (10,0 %). Молодежь в возрасте 18–29 лет относится к группе риска: при доле в выборке 24,9 %, они составляют 50,0 % группы с низкой идентичностью и лишь 12,7 % группы с высокой, что свидетельствует о системном кризисе связи молодого поколения с малой родиной. Среднее поколение (30–49 лет) сконцентрировано на среднем уровне идентичности (59,7 % этой группы).

Проведенный контент-анализ ответов на открытый вопрос анкеты выявил ключевые проблемы, влияющие на уровень региональной идентичности и формирующие запрос населения к трансграничному сотрудничеству. По мнению челябинцев доминирующим фактором, негативно влияющим на чувство территориальной принадлежности и безопасности, выступает неконтролируемая миграция (14,6 % от всех высказываний). На втором месте в рейтинге проблем, которые волнуют местное население — «препятствия в трансграничном взаимодействии»: население воспринимает административные барьеры на границе («длительные процедуры», «сложности для легальной торговли и перемещений») как прямое ограничение своих жизненных и экономических возможностей, что ослабляет связь с приграничной территорией. Косвенно на идентичность влияют и общие запросы на повышение качества жизни через создание рабочих мест и развитие логистики.

В Костанайской области кризис региональной идентичности носит более выраженный социально-экономический характер. По мнению населения, на региональную идентичность влияют внутренние проблемы: структурная безработица и низкие доходы, провоцирующие отток молодежи; «разрушение инфраструктуры», «упадок сел». На этом фоне любые инициативы по трансграничному сотрудничеству население оценивает исключительно прагматично – через их способность дать конкретные ответы на эти насущные проблемы.

Таким образом, в обоих регионах уровень региональной идентичности во многом обусловлен состоянием социально-экономической и управленческой реальности, удовлетворенности базовыми потребностями и ожиданиями жителей. Повышение идентичности видится в практическом решении конкретных социальных проблем, которые волнуют местное население и разрывают связь с регионом, территорией проживания.

Опрос показал, что доля когда-либо пересекавших российско-казахстанскую границу примерно одинаковая (56,9 % в Челябинской области, 52,5 % в Костанайской области). Основные цели поездок – родственные связи, бытовые нужды и работа. Ключевое различие – в восприятии сложностей пересечения границы. В Костанайской области 37,0 % респондентов отмечают наличие сложностей, тогда как в Челябинской области на это указали лишь 13,1 % (47,2 % не видят сложностей). Данное расхождение может быть обусловлено как объективными различиями в пограничных процедурах, так и субъективными факторами восприятия.

Оценка развития трансграничной кооперации также существенно отличается во мнении населения двух приграничных регионов. Так, в Челябинской области положительные оценки (сумма ответов «определенно да» и «скорее да») составляет 40,3 %, в Костанайской области — только 20,6 %, при этом 45,6 % респондентов затруднились с ответом, что свидетельствует либо о низкой информированности, либо о нерелевантности сотрудничества для повседневной жизни населения.

Наиболее эффективными направлениями кооперации в решении совместных вопросов приграничных территорий Челябинской области и Казахстана, по мнению населения, являются: формирование международных регионов (24,3 %), развитие инфраструктуры перехода границы (19,0 %), сотрудничество вузов (15,5 %) и кооперация административно-

территориальных, муниципальных образований, хозяйствующих субъектов, объектов социальной сферы, некоммерческих организаций (14,6 %) (табл. 36).

Таблица 36

Мнение населения об эффективных направлениях кооперации территорий российско-казахстанского приграничья в Челябинской и Костанайской областях (в % к общему числу опрошенных и по регионам)

Направления	Все опрошенные	Челябинская область	Костанайская область
Формирование международных регионов разных территориальных уровней с целью усиления конкурентоспособности приграничных территорий в глобальном экономическом, политическом, социальном пространстве	24,3	36,6	11,5
Развитие инфраструктуры, которая облегчает переход границы и доступ к коммуникациям и автомобильному, железнодорожному, водному и морскому транспорту	19,0	23,4	14,4
Развитие отношений сотрудничества между высшими учебными заведениями, обмен студентами и преподавательскими кадрами	15,5	16,9	14,1
Субъектами кооперации становятся не только государства, но и их административно-территориальные и муниципальные образования, хозяйствующие субъекты, объекты социальной сферы, некоммерческие организации	14,6	23,4	5,2
Обмен информацией и опытом в сфере здравоохранения, консолидация институциональных возможностей, внедрение новых технологий, обучение персонала	13,1	14,7	11,5
Разработка общей стратегии развития туризма в приграничных регионах	11,7	14,4	8,9
Обеспечение национальной безопасности, решение проблем терроризма, экстремизма	10,6	12,8	8,2
Согласование программ по защите окружающей среды, мониторинг загрязнения и совместная реализация экологических проектов	8,5	12,5	4,3

Окончание таблицы 36

Направления	Все опрошенные	Челябинская область	Костанайская область
Кооперация в области научных исследований, обмен научной информацией	7,8	7,5	8,2
Развитие отношений сотрудничества между социально ориентированными некоммерческими организациями (СОНКО)	5,6	7,2	3,9
Другое (напишите)	2,9	0,0	5,9
Затрудняюсь ответить	46,1	26,9	66,2
Итого ответов*:	179,7	196,3	162,3

*Сумма превышает 100 %, так как респондент мог указать несколько вариантов ответов.

Примечательно, что в Челябинской области лидирует формирование международных регионов разных территориальных уровней с целью усиления конкурентоспособности приграничных территорий в глобальном экономическом, политическом, социальном пространстве (36,6 %), в Костанайской области — развитие инфраструктуры, которая облегчает переход границы и доступ к коммуникациям и автомобильному, железнодорожному, водному и морскому транспорту (14,4 %). Исследование показало, что жители Челябинской области значительно активнее поддерживают идею интеграции. Так, на расширение субъектов кооперации указали четверть опрошенных среди челябинцев, в Костанайской области такого мнения придерживаются единицы (5,2 %). Причем, в Челябинской области мужчины значительно активнее поддерживают все направления кооперации, особенно формирование международных регионов (43,5 % против 30,6 % у женщин). В Костанайской области напротив женщины активнее поддерживают развитие отношений с вузами (21,1 % против 5,8 % у мужчин) и обмен в здравоохранении (16,3 % против 5,8 %). Что касается возрастных отличий, то выявлено, что в Челябинской области молодежь наиболее активна в поддержке всех направлений, старшее поколение — наиболее пассивно. В Костанайской области молодежь больше поддерживает развитие туризма (19,7 %) и отношений с вузами (23,7 %). В тоже время, следует отметить достаточно высокую долю населения, которые затруднились ответить на данный вопрос

(Челябинская область — 26,9 %, Костанайская область — 66,2 %), что, скорее всего, с одной стороны, свидетельствует о недостаточной информированности населения о результатах межрегионального сотрудничества Челябинской области и Казахстана, с другой, — недостаточной вовлеченностью самого населения в этот процесс и низкую веру в перспективы кооперации.

Наличие совместных инвестиционных проектов указали треть опрошенных в Челябинской и только 12,5 % в Костанайской области. Примечательно, что в обоих регионах молодежь наиболее информирована о проектах, чем старшее поколение (в Челябинской области — 32,9 % против 27,5 %; в Костанайской области — 21,1 % против 11,5 %). Среди отраслей реализуемых инвестиционных проектов в Челябинской области лидируют промышленность и торговля (20,3 % и 19,7 % соответственно); в Костанайской области — образование и торговля (10,8 % и 10,2 % соответственно). Причем, в Челябинской области мужчины значительно чаще отмечают проекты в промышленности (25,9 % против 15,6 % у женщин) и торговле (21,8 % против 17,9 %).

К числу приоритетных отраслей для инвестирования население Челябинской области, прежде всего, относят промышленность (41,3 %), а в Костанайской области — здравоохранение (51,1 %), а также сельское хозяйство (35,1 % против 24,1 % в Челябинской области). Примечательно, что в Челябинской области мужчины активнее поддерживают промышленность (42,9 % против 39,9 % у женщин) и торговлю (41,5 % против 31,2 %). Чаще на это указывает и молодежь (51,4 %). В Костанайской области молодежь наиболее активно поддерживает туризм (25,0 %) и национальную безопасность (22,4 %), а старшее поколение чаще поддерживает здравоохранение (62,8 %).

Женщины в свою очередь в обоих регионах чаще поддерживают здравоохранение (в Челябинской области — 20,8 % против 27,9 % у мужчин; в Костанайской области — 57,8 % против 43,2 % у мужчин). В тоже время, в Костанайской области женщины значительно активнее поддерживают образование (53,6 % против 34,5 % у мужчин).

Примечательно, что в Костанайской области роль государства (правительства и местного самоуправления) в развитии кооперации оценивается значительно выше (82,6 % против 56,9 % в Челябинской области). В Челябинской области выше

ожидания от широкой общественности, СМИ и некоммерческих организаций, что может отражать более развитые практики гражданского участия.

Таким образом, Костанайская область демонстрирует запрос на решение социальных проблем через механизм кооперации, тогда как Челябинская область — на экономическое партнерство.

Межнациональные отношения населения российско-казахстанского приграничья в Челябинской и Костанайской областях

Общий фон межнациональных отношений в Костанайской области воспринимается как более благополучный: 73,8 % характеризуют их как «спокойные, мирные» (в Челябинской области — 48,1 %). В Челябинской области выше доля респондентов, ощущающих «некоторую напряженность» (23,4 % против 14,1 %) и фиксирующих наличие конфликтов. Среди факторов, влияющих на межнациональную напряженность, в Костанайской области преобладают макрофакторы: политическая и экономическая ситуация в стране (64,6 %) и в мире (54,4 %), а также воспитание и окружение (42,0 %). В Челябинской области выше роль таких факторов, как религия и история (23,4 % против 7,9 %), а также информация из СМИ (30,9 % против 28,2 %).

Отношение к иностранным мигрантам в Челябинской области весьма неоднозначное — 35,0 % относятся положительно, 29,1 % — отрицательно. В Костанайской области доминирует неопределенная позиция (56,7 % затруднились ответить), что может быть связано как с меньшим опытом взаимодействия, так и с особенностями национальной политики.

Население Костанайской области среди проблем межэтнических отношений чаще всего указывают на низкий уровень жизни мигрантов (44,6 %), в Челябинской области — рост преступлений на национальной почве (25,0 %), активность националистических объединений (19,7 %) и формирование этнических анклавов (17,2 %). Полученные данные свидетельствуют о том, что в российском приграничье межнациональная проблематика имеет более выраженный конфликтогенный потенциал, в то время как казахстанском она интегрирована в общий социально-экономический контекст.

Предложения и замечания по развитию трансграничной кооперации приграничной территории Челябинской и Костанайской областей: мнение населения и экспертов

В ходе интервью населением российско-казахстанского приграничья было высказано 355 предложений и замечаний по вопросу совершенствования, развития национальной, миграционной политики, трансграничной кооперации приграничной территории Челябинской области и Казахстана, из них в Челябинской области — 82 ответа, в Костанайской — 273.

Все ответы на открытый вопрос были проанализированы и распределены по восьми ключевым категориям (табл. 37).

Таблица 37

Общая группировка ответов по тематическим категориям (количество упоминаний)*

Категория	Суть	Челябинская область	Костанайская область
Миграционная политика и контроль	Ужесточение контроля, ограничение въезда, проверки, требования к мигрантам	28	9
Межнациональные отношения и культурный обмен	Дружба народов, культурные мероприятия, толерантность, равенство	18	12
Экономическое сотрудничество и инфраструктура	Развитие экономических зон, логистики, торговли, сельского хозяйства, транспорта	15	15
Общие позитивные/нейтральные оценки	Все устраивает, нормально, отлично	12	28
Отсутствие компетенции / затруднение с ответом	Не знаю, затрудняюсь ответить, не разбираюсь	8	92
Иные предложения / эмоциональные высказывания	Мир во всем мире, отмена границ, улучшение качества жизни и др.	6	27
Социально-экономическое развитие (внутренние проблемы)	Работа, заработная плата, развитие села, социальная инфраструктура, поддержка молодежи	3	38
Критика власти / пессимизм	Бесполезность, недоверие, никто не слушает	1	19

* Примечание: некоторые ответы содержали несколько теми учитывались в нескольких категориях.

Для наглядности представлены доли ответов в каждой категории относительно общего числа ответивших в регионе (табл. 38).

Таблица 38

Приоритеты по регионам (в % от числа ответивших на вопрос в регионе)

Категория	Челябинская область (N = 82)	Костанайская область (N = 273)
Миграционная политика и контроль	34,1	3,3
Межнациональные отношения и культурный обмен	22,0	4,4
Экономическое сотрудничество и инфраструктура	18,3	5,5
Общие позитивные/нейтральные оценки	14,6	10,3
Отсутствие компетенции / затруднение с ответом	9,8	33,7
Иные предложения / эмоциональные высказывания	7,3	9,9
Социально-экономическое развитие (внутренние проблемы)	3,7	13,9
Критика власти / пессимизм	1,2	7,0

Проведенный качественный анализ ответов выявил глубокие различия в восприятии приграничной политики населением двух регионов. Для Челябинской области в целом характерен запрос на безопасность и порядок, выраженный в требованиях ужесточения миграционного контроля («более тщательно проверять», «ввести экзамен на знание языка», «ограничить въезд» и др.), и, одновременно, в призывах к культурному сближению («давайте дружить», «жить дружно», «всем мира» и др.). Экономическое сотрудничество воспринимается как инструмент развития, но не как главный приоритет. Для Костанайской области центральной темой являются внутренние социально-экономические проблемы: отсутствие работы, слабое развитие сельских территорий, отток молодежи – эти факторы формируют скрытый миграционный потенциал и одновременно снижают интерес к внешней повестке. Особого внимания заслуживает тот факт, что в Костанайской области значительная часть предложений ориентирована на развитие собственной территории, а не на внешнюю кооперацию. Сотрудничество с Россией воспринимается как один из ресурсов для решения внутренних проблем (трудоустройство, образование).

В ходе интервью эксперты высказали конкретные предложения, которые позволяют выявить ключевые потребности, оценить готовность к сотрудничеству и определить направления, требующие первоочередного внимания со стороны региональных властей. Всего в выборку вошли 100 респондентов (44 — из Челябинской области и 56 — из Костанайской). Качественный анализ проведен методом тематического кодирования с выделением ключевых смысловых категорий, касающихся аспектов развития трансграничной кооперации российско-казахстанского приграничья. Ответы, не содержащие предложений (формулировки «нет», «отсутствуют», «затрудняюсь ответить», прочерк), классифицированы как «формальные / отсутствие предложений» или сняты с рассмотрения, поскольку, касались других проблем. Содержательные ответы респондентов были сгруппированы индуктивным методом по семи ключевым тематическим категориям:

1. Образование, наука и культурный обмен.
2. Здравоохранение и медицинская кооперация.
3. Миграционная политика и трудовые ресурсы.
4. Экономическое сотрудничество и инфраструктура.
5. Правоохранительное сотрудничество и безопасность.
6. Внутренние проблемы и межнациональный контекст.
7. Предложения общего характера.

Наиболее репрезентативная группа предложений (более 15 упоминаний) связана с развитием гуманитарного сотрудничества, охватывающего сферы образования, науки и культурного обмена. Эксперты сходятся во мнении о необходимости активизации академической мобильности, предлагая расширение «обменных программ для студентов и преподавателей между вузами Челябинска и приграничных городов Казахстана (Костанай, Актобе) (Ж. Р., муж., Казахстан). Важным дополнением к этому является инициатива по созданию «совместных образовательных курсов — программ повышения квалификации на базе медицинских университетов» с параллельным решением вопроса о «взаимном признании дипломов» (С. А., муж., Казахстан). Кроме того, эксперты указывают на значимость «фестивалей национальных культур, совместных историко-краеведческих проектов для укрепления межэтнического согласия» (С. В., жен., Казахстан), а также предлагают использовать современные медиаканалы, создавая «телепрограммы и онлайн-платформы на русском и казахском языках о жизни и приграничных регионах» (П. Р., жен., Казахстан).

В сфере экономического сотрудничества и инфраструктуры (около 12 ответов) предложения фокусируются на создании благоприятных институциональных и логистических условий. Эксперты высказываются на формирование зон преференциального развития: «создать совместные экономические зоны в приграничных районах с льготным налоговым режимом (Ш. Н., муж., Челябинск) и «открыть совместные центры поддержки предпринимателей с упрощенными правилами регистрации бизнеса» (Б. Н., жен., Казахстан). Значительное внимание уделяется модернизации трансграничной инфраструктуры, включая «модернизацию пунктов пропуска на границе с сокращением времени проверок за счет электронного декларирования», а также «строительство новых транспортных коридоров и логистических центров» (Ж. Р., муж., Казахстан). Для поддержки малого и среднего бизнеса предлагается «субсидирование логистики – компенсация части транспортных расходов...; лизинговые схемы» (Ф. Н., муж., Казахстан). Отдельным направлением выделяется аграрное сотрудничество, предлагающее «стимулирование... — обмен технологиями точного земледелия, совместные зерновые и мясные логистические хабы» (Е. И.,муж., Казахстан).

По мнению экспертов, высокую значимость социальной инфраструктуры для населения приграничья имеют здравоохранение и медицинская помощь (около 10 ответов). Предложения в этой сфере носят практико-ориентированный характер и варьируется от кадрового обмена и технологического взаимодействия — «обмен врачами, телемедицинские проекты для жителей приграничья, совместные исследования в области эпидемиологии» (С. А., муж., Челябинская область) — до создания новых институциональных форм, например, «создание приграничных медицинских центров — открытие совместных диагностических клиник с общим оборудованием и врачами из обеих стран» (Ф. М., жен., Казахстан). Эксперты также акцентируют внимание на необходимость снижения административных барьеров, предлагая «льготные условия для поставок лекарств — снижение таможенных барьеров» (С. А., муж., Казахстан), внедрение «общей системы мониторинга здоровья населения приграничных территорий» (Ф. А., муж., Казахстан).

Следующий тематический кластер (около 8 ответов) касается миграционной политики и трудовых ресурсов,

где ключевой вопрос — миграционная политика в части регулирования отношений российско-казахстанского приграничья. Эксперты отмечают создание преференциальных режимов для трудовых мигрантов из Казахстана, предлагая «упростить процедуру легализации ...введя четкие квоты, ускоренное оформление патентов и программы адаптации» (Ш. Н., муж., Челябинск). в качестве инструментального решения выдвигается идея «введения «трансграничных трудовых карт» - специальных разрешений для граждан Казахстана, работающих в приграничных районах, с упрощенным продлением и социальными гарантиями» (Б. Н., жен., Казахстан). Для повышения эффективности контроля и адаптации предлагается «разработка единой цифровой платформы учета мигрантов; языковые курсы и адаптации; ужесточение ответственности для недобросовестных работодателей» (Н. Н., жен., Казахстан), а также реализация «совместных программ профессионального обучения для мигрантов в востребованных секторах (строительство, сельское хозяйство, IT, здравоохранение)» (Ж. И., жен., Казахстан).

Менее многочисленная, но значимая группа ответов (5) касается правоохранительного сотрудничества и безопасности. В данном контексте эксперты указывают на необходимость углубления координации между силовыми структурами двух стран. Среди конкретных мер называются «создание единой базы данных для контроля миграционных потоков и противодействия нелегальной деятельности», а также проведение «регулярных совместных учений пограничных и правоохранительных служб для борьбы с контрабандой» (С. С., жен., Казахстан). Общая логика предложений сводится к необходимости «усилить координацию правоохранительных органов двух стран для борьбы с нелегальной миграцией, контрабандой и преступностью» (С. А., муж., Казахстан).

Наряду с практическими мерами сотрудничества, отдельная группа экспертов обращает внимание на значимость внутриполитического и межнационального контекста. Респонденты подчеркивают, что многие вопросы трансграничной кооперации регионов находятся в политической плоскости и зависят от волевых решений правительства (Г. Ш., муж., Казахстан).

Кроме того, можно отметить региональные отличия в приоритетных направлениях, на которые указывали эксперты двух стран. Так, казахские эксперты чаще выделяют три

ключевых блока: гуманитарно-образовательный (обмены, фестивали), здравоохранение (телемедицина, совместные клиники) и упрощение миграционных процедур. Экономическая кооперация и инфраструктура также занимают значительное место, но часто рассматриваются как инструмент для решения социальных проблем (занятость, отток молодежи). В ответах казахских экспертов прослеживается озабоченность бюрократическими сложностями на границе, необходимостью цифровизации и создания предсказуемых условий для бизнеса и трудовой миграции. Челябинские эксперты, напротив, не акцентируют операционных проблем.

Таким образом, проведенный анализ предложений населения и экспертов свидетельствует о необходимости формирования целостной, институционально оформленной системы приграничного взаимодействия, охватывающей различные сферы: гуманитарную, социальную, экономическую, правовую и др. Учет и реализация предложенных мер позволит не только повысить эффективность трансграничного взаимодействия, но и создать устойчивую основу для доверия между жителями приграничных территорий, что в долгосрочной перспективе будет способствовать социально-экономической стабильности обоих регионов.

Проведенный теоретический анализ свидетельствует о междисциплинарности проблематики, касающейся вопросов трансграничного сотрудничества, российско-казахстанского приграничья. В рамках социологического знания ключевыми направлениями изучения являются:

1. Исследования миграционных процессов и диаспоральных сообществ, которые занимают доминирующее положение, как в зарубежной, так и в отечественной традиции. Зарубежные авторы сосредоточены на анализе диаспоральной политики государств, транснациональных практик и роли диаспор в социально-экономическом развитии, как стран исхода, так и принимающих обществ. Отечественная этносоциологическая школа традиционно фокусируется на положении русской диаспоры в ближнем зарубежье, факторах миграции, процессах реэмиграции и репатриации, а также на интеграционных практиках иных этнических групп.

2. Региональные аспекты миграционной политики и социально-экономического развития приграничных территорий, где акцент сделан на специфике миграционной динамики в российско-казахстанском приграничье, проблемах

удержания человеческого капитала, а также на институциональных барьерах, препятствующих реализации потенциала диаспоральных сообществ.

3. Теоретическое осмысление трансграничной кооперации как формы институционализации взаимодействия сопредельных сообществ. Так, в работах В. Н. Иванова, М. К. Жундубаева и др. выделены основные формы межгосударственного трансграничного сотрудничества (совместные программы, межрегиональные соглашения, координирующие органы, форумы) и определены доминирующие сферы социально-гуманитарного взаимодействия — здравоохранение, культура, образование, наука.

Сложившаяся исследовательская традиция характеризуется относительно глубокой проработкой макроструктурных, институциональных и этносоциальных аспектов приграничного сотрудничества. Вместе с тем, недостаточно изученным остается вопрос о том, как сами жители приграничных территорий (как российских, так и казахстанских) воспринимают и оценивают существующие форматы кооперации, связывают ли с ними ожидания повышения качества жизни, социально-экономического развития своих населенных пунктов и снижения межэтнической напряженности. Поэтому изучение повседневных практик, установок и оценок местных сообществ представляет собой перспективное направление для дальнейших социологических исследований, способное дополнить макроанализ эмпирически обоснованными данными о реальной эффективности и социальной приемлемости реализуемых мер трансграничного взаимодействия.

Сформулированная гипотеза в эмпирической части, основанная на теоретическом анализе, позволяет рассматривать трансграничную кооперацию не только внешнеполитическим и экономическим инструментом, но и социальным институтом, непосредственно влияющим на повседневные практики и жизненные стратегии местного населения. Предполагается, что российско-казахстанская трансграничная кооперация должна способствовать качественному переходу от решения текущих задач к реализации комплексных, стратегически ориентированных проектов. Однако, результаты конкретного социологического исследования свидетельствуют о том, что на приграничных территориях Челябинской и Костанайской областей, развитие межрегионального взаимодействия двух стран при решении общих вопросов в настоящее время

носит проблемный и фрагментарный характер. Существенная доля населения приграничных территорий пока еще не ощущает существенных изменений своей жизни от результатов межрегионального сотрудничества двух стран. Успех трансграничной кооперации региональных властей двух стран, по мнению населения, во многом зависит от реализации конкретных проектов, способствующих повышению качества жизни местного населения, сочетающегося с активными действиями по развитию добрососедства, экономических связей и взаимовыгодного сотрудничества.

Проведенное сравнительное исследование выявило существенные различия в социально-экономических установках, миграционных настроениях и восприятии межнациональных отношений населения двух приграничных регионов.

1. Социально-экономическое положение является ключевым дифференцирующим фактором: оптимизм жителей Челябинской области контрастирует с ощущением стагнации у жителей Костанайской области.

2. Миграция и мобильность населения имеют разнонаправленный характер: для Челябинской области характерна внутренняя миграция, для Костанайской области — ориентация на выезд за рубеж.

3. Трансграничное сотрудничество по-разному воспринимается населением: в Челябинской области оно более заметно и связывается в основном с экономическими проектами, в Костанайской области — менее заметно, а ожидания от него смещены в социальную сферу.

4. Межнациональные отношения в Костанайской области оцениваются как более спокойные, в Челябинской области фиксируется более высокий уровень напряженности и озабоченности проблемами, связанными с миграцией.

На основе результатов социологического исследования, выявившего некоторые различия в социально-экономическом самочувствии, миграционных настроениях и восприятии межнациональных отношений населения двух приграничных регионов, предлагаются следующие рекомендации, адресованные региональным и местным органам власти Челябинской и Костанайской областей, а также совместным структурам приграничного сотрудничества:

1. Развитие социально-экономической базы сотрудничества:

– Создание совместных производственных кластеров в приоритетных для обеих сторон отраслях: промышленность

(особенно машиностроение и металлообработка) и сельское хозяйство. Для Костанайской области важно развитие перерабатывающих предприятий, для Челябинской области — расширение рынков сбыта и кооперационных связей.

– Формирование и развитие «зон приграничного экономического развития» с особыми налоговыми и административными режимами, ориентированными на малый и средний бизнес. Это позволит снизить напряженность на рынке труда и повысить занятость в сельских районах.

– Инвестиции в транспортно-логистическую инфраструктуру — совершенствование пунктов пропуска, развитие дорожной сети, создание логистических центров. Это снизит субъективно ощущаемые сложности пересечения границы (актуально для Костанайской области) и повысит эффективность товарооборота.

2. Повышение информированности и вовлеченности населения в трансграничное сотрудничество

– Организация регулярных публичных отчетов о реализации совместных проектов с использованием доступных каналов коммуникации (местное телевидение, социальные сети, газеты).

– Проведение совместных экономических форумов, ярмарок, выставок на приграничных территориях с участием бизнеса и населения для демонстрации реальных проектов и возможностей.

– Создание межрегионального информационно-аналитического центра приграничного сотрудничества, который будет заниматься мониторингом общественного мнения, распространением информации и обратной связью с населением.

3. Укрепление межнационального согласия и профилактика конфликтов

– Внедрение программ межкультурного диалога с акцентом на знакомство с культурой и традициями народов, проживающих по обе стороны границы. Это особенно востребовано населением (59,0 % в Костанайской области, 45,3 % в Челябинской области считают этот фактор важным для гармонизации отношений).

– Разработка и реализация совместных проектов в сфере образования — обмены школьниками и студентами, совместные учебные программы.

– Поддержка национально-культурных объединений и некоммерческих организаций, работающих в сфере межэтнического согласия.

– Создание совместных механизмов по профилактике конфликтов на этнической почве с участием правоохранительных органов, лидеров диаспор и общественных объединений.

4. Совершенствование институциональной среды и управленческих механизмов в сфере трансграничного сотрудничества регионов.

– Усиление роли совместных рабочих групп и комиссий при правительствах областей, наделение их полномочиями по координации конкретных проектов и публичной отчетности.

– Вовлечение общественных организаций и бизнеса в процесс принятия решений через создание Общественных советов по приграничному сотрудничеству, что позволит учесть запросы населения и повысит легитимность принимаемых решений.

– Разработка и утверждение долгосрочной стратегии трансграничного сотрудничества с конкретными индикаторами, отражающими ожидания населения (уровень занятости, удовлетворенность медицинским обслуживанием, частота пересечения границы и т. д.).

– Проведение регулярных совместных социологических исследований для мониторинга эффективности мер и корректировки политики.

5. Информационное сопровождение и работа с общественным мнением.

– Запуск совместных медиа-проектов (телепередачи, интернет-порталы, страницы в социальных сетях), посвященных успешным примерам сотрудничества, истории и культуре приграничья.

– Организация пресс-туров для журналистов с посещением реализованных проектов, чтобы формировать позитивный образ сотрудничества.

– Использование лидеров общественного мнения (блогеров, экспертов, представителей национальных объединений, диаспор) для донесения информации до целевых групп, особенно молодежи.

Полученные результаты и рекомендации могут быть использованы при разработке программ приграничного сотрудничества, а также для корректировки региональной политики в сфере межнациональных отношений и регулирования миграции с учетом специфики восприятия этих процессов населением по обе стороны границы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Волны миграции, направленные из Центральной Азии в российское приграничье, мы можем хронологически разделить на два основных этапа. Первую волна миграции 1990-х — начала 2000-х гг. можно характеризовать как преимущественно вынужденную. Распад СССР привел к исходу русскоязычных жителей государств Центральной Азии, они приезжали как вынужденные переселенцы и беженцы. По сведениям российских властей в 1992-2000 гг. миграционный прирост из этого региона оценивался примерно в 2,7 млн человек, из них свыше 70 % составляли русские. Регионы, расположенные на российско-казахстанской границе, являлись одними из основных для приема вынужденных мигрантов.

Это позволило компенсировать значительную часть демографических потерь российского общества в период социально-экономических кризисов 1990-х гг. В определенные периоды миграция компенсировала до 50 % от показателей естественной убыли населения России. Однако по мере того, как в российской экономике происходила стабилизация, сценарии вынужденной миграции менялись на трудовые. В 1994–2000 гг. власти официально учли примерно 750 тыс. трудовых мигрантов, но в то же время их реальная численность оценивалась властями примерно в 3-4 млн с учетом тех, кто мог находиться в теневом секторе экономики, находился на территории страны с нарушениями паспортно-визового режима и др. Начиная с 2010-х гг. граждане государств Центральной Азии — Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана — стали основной частью иностранной рабочей силы на российском рынке труда.

В постсоветский период в приграничье сложилась целостная транснациональная локальность, обладающая специфическим чертами и особенностями, прежде всего речь идет о прочности миграционных и иных связей с приграничными

регионами Казахстана. Результаты переписей населения наглядно свидетельствовали, что доля уроженцев Казахстана в приграничных регионах России составляла порядка 45 %. Это служит индикатором интенсивности и устойчивости миграционных обменов между регионами приграничья с российской и казахстанской стороны.

Транснациональная миграция вызвала заметные этнодемографические трансформации в структуре населения приграничных регионов. Возросла численность представителей этнических групп из Центральной Азии. Сформировались районы концентрации определенных этнических групп. Главным образом возросла численность таджиков (в 3,6 раза в приграничье за 1989–2002 гг.) и корейцев. Так в Тюменской, Челябинской и Новосибирской областях наиболее заметны стали таджики, в Волгоградской области – корейцы, в Самарской и Тюменской областях — узбеков, в Тюменской и Новосибирской областях — кыргызов. Разумеется, это пока лишь схематичное описание миграционных и этнодемографических процессов в российско-казахстанском приграничье.

Одним из наиболее серьезных вызовов, связанных с проницаемостью государственной границы, стала нелегальная миграция. Положение усугублялось тем, что барьерные функции государственной границы не выполнялись в полном объеме. Не случайно, что до 90 % нелегальных мигрантов попадали на территорию России именно через российско-казахстанскую границу. Для этого использовался широкий арсенал схем с использованием железнодорожного и автомобильного транспорта, при перевозках к содействию привлекались жители приграничной полосы. Общая численность нелегальных мигрантов в 2000-е гг. оценивалась экспертами и представителями силовых структур в 3,2 до 4,6 млн человек.

Широкое распространение практик нелегальной миграции вызвало стремительный рост теневой экономики, развивался сектор услуг для иностранных граждан (оформление документов, трудоустройство и др.). Кроме того, в результате происходила утрата существенной части налоговых поступлений в местные бюджеты. В этих условиях мигранты нередко оказывались в крайне уязвимом положении, они принимали участие (вольное или вынужденное) в функционировании и развитии коррупционных практик с целью «легализации» своего проживания. Государство длительное время не могло выработать эффективные инструменты для противодействия

широкому спектру угроз, связанных с «прозрачностью» российско-казахстанской границы. На это оказали влияние частые реорганизации миграционной службы, сказывался острый дефицит кадров, ощущался низкий уровень развития инфраструктуры для осуществления пограничного и миграционного контроля.

Нелегальные каналы для миграции тесно были связаны с деятельностью транснациональных преступных сообществ. Приграничье на участке России и Казахстана стало одним из основных транспортных коридоров для доставки наркотиков из Афганистана и Центральной Азии. В основном велась борьба с группами, в основе которых лежали земляческие, реже этнические связи. Однако криминальные сообществ динамично развивались и интернационализировались, объединяя в своих рядах представителей разных этнических групп. В ответ на возникшие угрозы Россия и Казахстан осуществляли планомерное ужесточение миграционного и пограничного контроля, приоритетной стала сфера приграничного сотрудничества и взаимодействия для пресечения нелегальной миграции, борьбы с наркотрафиком и т. д. Для этого создавались посты миграционного контроля, на систематической основе проводились массовые проверки. Предпринятые попытки пересмотра функционала ФМС (хотя и не всегда успешные) свидетельствовали о поиске рычагов влияния на ситуацию, чтобы взять процессы мобильности под уверенный контроль со стороны государства. Однако данные меры зачастую выглядели запоздалыми и непоследовательными, а ужесточение миграционного законодательства подчас вытесняло мигрантов в еще более сложную ситуацию «нелегальности», не решая проблему кардинально.

В целом, миграционные процессы в российско-казахстанском приграничье имели крайне противоречивый характер. С одной стороны, происходила компенсация демографической убыли, развитие экономики за счет привлечения дополнительных трудовых ресурсов, формировались новые транснациональные социальные поля и пространства. С другой стороны, миграция привела к серьезным проблемам в виде нелегальной миграции, теневой занятости, роста трансграничной преступности и социальной напряженности. Российско-казахстанское приграничье превратилось в часть сложных транснациональных полей.

Проведенное исследование жизни корейцев (в основном в приграничных регионах) демонстрирует, что в постсоветский период они являются важной частью динамичного транснационального сообщества. Численность корейцев в регионах Урала росла первые два постсоветских десятилетия (за счет миграции из Северного Казахстана), после чего наметилась убыль. Если по данным переписи 2010 г. численность корейцев составила 5512, то в 2021 г. сократилась до 3291 чел. Экономические и социальные трудности в странах исхода служили основным выталкивающими факторами, свою важную роль играли и уже сложившиеся в 1950–1980-е гг. миграционные связи (тогда они носили характер транслокальных), наличие родственных, земляческих и иных связей в регионах Урала.

Как показали полевые материалы в приграничные с Казахстаном Челябинскую и Оренбургскую области приезжали в основном корейцы из Казахстана. Это объясняется транспортной доступностью приграничья, наличием устоявшихся социальных, родственных и профессиональных связей.

Транснациональные пространства нередко приводили к появлению и развитию гибридных идентичностей, предполагающих одновременную жизнь «здесь» и «там». Так информанты сохраняют прочные разноплановые связи как с принимающим обществом, так и отправляющими обществами (Казахстаном и Узбекистаном). По возможности формируются аналогичные связи с Республикой Корея. Эти обстоятельства и создают ситуацию транснационального образа жизни, когда повседневные практики и жизнь индивида, его семьи одновременно сосредоточена в нескольких в двух и более странах.

Полевые данные показали, что представления о родине у информантов неоднородны. Значительная часть респондентов называет родиной Россию (34–49 %). Во многом это вызвано тем, что именно «здесь» создавались семьи, получали образование дети, формировался и развивался свой бизнес. Наконец многие именно в России обретали искомую стабильность, которую не удавалось обрести в Центральной Азии. При этом страны исхода — Казахстан и Узбекистан — по-прежнему остаются «родиной» для 19-27 % информантов, но в то же время для 23 % родиной (или исторической прародиной) остается Корея. Наличие определенной ностальгии по СССР также является значимым маркером для старшего поколения (9–18 %).

Биографические стратегии корейцев характеризуются гибкостью, одновременным формированием множественных планов на будущее «здесь» и «там». Хотя жизнь в России оставалась одним из приоритетных вариантов для планирования будущего, большинство участников нашего проекта продумывает сценарии возвратной миграции, планирует переезд в крупные российские города (Москва, Санкт-Петербург), эмиграцию в Южную Корею или США.

Семья является основной единицей, где происходит формирование транснациональных стратегий наших информантов. Представители старшего поколения обычно инициировали миграцию ради будущего детей (образование, более стабильное общество и др.). При этом решения о планах на будущее обычно принимались семьей с учетом возможностей и рисков, возникающих в разных в местах остановок и транснациональных пространств. Корейские национально-культурные и центры способствовали изучению корейского языка, принимали активное участие в организации праздников, налаживании гуманитарных контактов с Южной Кореей, корейскими общинами в других странах.

Денежные переводы, совершаемые мигрантами из Центральной Азии, являлись крайне важным элементом для организации повседневной (транснациональной) жизни мигрантских домохозяйств. Режим отправки/получения денежных переводов во многом влиял на определение социальных стратегий, транснациональную идентичность, отношения с сообществами как в Центральной Азии, так и в России.

Первоначально (1990-е — начало 2000-х гг.) преобладали неформальные крайне рискованные каналы для передачи денежных средств. Тотальное недоверие к финансовым институтам, в целом невысокий уровень развития инфраструктуры денежных переводов, полулегальный или нелегальный статус многих мигрантов — все это определяло отправку денежных средств в наличном виде через государственную границу. Очевидно, что перевозка достаточно больших сумм в наличном виде сопровождалась ощутимыми рисками: от грабежей в пути до вымогательств со стороны силовиков. Для достижения основной цели трудовой миграции акторы выработали сложные сети доверия и взаимного контроля, в основе которых находились родственные, региональные и этнические связи. В результате сложились сложные системы доверия и взаимного контроля, основанные на родственных,

региональных и этнических связях. Появление проверенных и авторитетных посредников, которые выполняли доставку денег семьям, стало ответом на постоянную уязвимость при пересечении границы.

Начиная со второй половины 2000-х гг. произошел массовый переход с неформальных каналов перевозки заработков на использование банковских систем и электронных сервисов. Во многом это происходило под воздействием существенного улучшения финансовой инфраструктуры, снижения стоимости услуг по переводу денег. Кроме того, возросла конкуренция на этом рынке, а многие трудовые мигранты предпочли легализоваться в принимающей стране. В результате потребность в постоянных и опасных поездках «домой» с целью привезти заработанные деньги семье стала фактически отпадать, а деньги стали доходить до семей значительно быстрее. Анализ практик освоения денежных переводов показало, что расходы домохозяйств мигрантов определяются сложной логикой, где могут играть свои роли прагматизм, социальные обязательства перед отправляющей стороной и моральные обязательства.

Данные полевых исследований выявили различия в приоритетах мигрантов из разных стран. Для выходцев из Узбекистана ключевыми целями трудовой миграции часто являются строительство и ремонт дома. Это проекты не только практического, но статусного значения, воплощающие в себе успех и стабильное положение как семьи, так и участников трудовой миграции. Для таджикистанцев более приоритетны расходы на повседневные нужды и повышение качества питания. Статусные мероприятия (свадьбы, похороны и др.), позволяющие подчеркнуть свою включенность в отправляющее общество, составляют значительную часть расходов кыргызстанцев. Это демонстрирует влияние традиционных социальных институтов, требующих определенной демонстрации успеха миграционного сценария перед семьей и сельским сообществом. Инвестиции в образование и оплату медицинских услуг не выглядят приоритетными для всех категорий информантов, что свидетельствует о преобладании стратегии потребления в освоении денежных переводов.

Перевод и освоение заработков прочно связаны со сложной системой социальных обязательств перед «своим» сообществом. Отъезд в трудовую миграцию воспринимается в качестве некой коллективной жертвы для сохранения

благополучия домохозяйства. Мигрант, добившийся успеха, способен не только обеспечивать базовые потребности. Он должен регулярно подтверждать свой статус успешного посредством актов демонстративного потребления – это строительство и расширение дома, организация пышной свадьбы, покупка автомобиля и др. Тем самым повышается престиж домохозяйства, но в то же время могут значительно обостриться негативные эффекты, связанные с «ловушкой бедности». Факты не вполне рационального расходования ресурсов вызывают чувство сильного разочарования и глубокой фрустрации у трудовых мигрантов.

На основе эмпирического исследования трансграничной кооперации Челябинской и Костанайской областей показано, что при развитой институционально-правовой базе реальное взаимодействие остается слабо ощутимым для местного населения. Жители российской стороны связывают кооперацию преимущественно с экономическими проектами, тогда как казахстанская сторона видит в ней инструмент решения внутренних социальных проблем (занятость, инфраструктура, отток молодёжи). Выявлены значимые межрегиональные различия в социально-экономических оценках, миграционных настроениях и восприятии межнациональных отношений, при этом существенная доля респондентов не видит конкретных результатов сотрудничества. В качестве ключевого вывода фиксируется необходимость перехода от декларативных форматов к совместным проектам, непосредственно повышающим качество жизни, а также усиления информационной открытости и вовлечения общественности. Предложенные рекомендации ориентированы на преодоление разрыва между официальными соглашениями и повседневными практиками приграничных сообществ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

ГАРФ. Ф. 10120. Оп. 1. Д. 727.

ГАРФ. Ф. 10121. Оп. 1. Д. 135.

ГАРФ. Ф. 10156. Оп. 1. Д. 318.

ГАРФ. Ф. 10349. Оп. 1. Д. 191.

ГАРФ. Ф. 10349. Оп. 1. Д. 261.

ГАРФ. Ф. 10349. Оп. 1. Д. 345.

ГАРФ. Ф. 10349. Оп. 1. Д. 420.

ГАРФ. Ф. 10349. Оп. 1. Д. 650.

ГАРФ. Ф. 10349. Оп. 1. Д. 744.

Объединённый государственный архив Челябинской области (ОГАЧО)

ОГАЧО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 81.

ОГАЧО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 87.

ОГАЧО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 88.

ОГАЧО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 89.

ОГАЧО. Ф. П-374. Оп. 1. Д. 39.

ОГАЧО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 769.

ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 3574.

ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 3835.

ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 362.

ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 429.

ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 430.

ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 506.

ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 529.

ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 582.

ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 583.

ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 585.
ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 591.
ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 595.
ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 596.
ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 735.
ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 736.
ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 737.
ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 741.
ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 742.
ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 745.
ОГАЧО. Ф. Р-705. Оп. 1. Д. 12.
ОГАЧО. Ф. Р-705. Оп. 1. Д. 16.
ОГАЧО. Ф. Р-705. Оп. 1. Д. 41.
ОГАЧО. Ф. Р-705. Оп. 1. Д. 70.
ОГАЧО. Ф. Р-705. Оп. 1. Д. 80.
ОГАЧО. Ф. Р-825. Оп. 1. Д. 435.
ОГАЧО. Ф. Р-825. Оп. 1. Д. 436.
ОГАЧО. Ф. Р-825. Оп. 1. Д. 437.
ОГАЧО. Ф. Р-1041. Оп. 6. Д. 904-б.
ОГАЧО. Ф. Р-1041. Оп. 6. Д. 1812.
ОГАЧО. Ф. Р-1041. Оп. 6. Д. 1815.
ОГАЧО. Ф. Р-1589. Оп. 1. Д. 2966.
ОГАЧО. Ф. Р-1879. Оп. 1. Д. 8.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ

Конституция Республики Казахстан: принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года (с изменениями и дополнениями) // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. — URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 13.02.2025).

Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с учетом поправок) // Информационно-правовое обеспечение «Гарант». — URL: https://base.garant.ru/10103000/ (дата обращения: 13.02.2025).

Концепция поддержки Российской Федерацией соотечественников за рубежом на современном этапе (утв. Президентом РФ

30 августа 2001 года) // Официальный сайт Координационного союза организаций русских соотечественников. — URL: https://ksors.ru/koncepciya-podderzhki-rossijskoj-federaciej-sootechestvennikov-za-rubezhom/ (дата обращения: 13.02.2025).

Постановление ГД ФС РФ № 3294-II ГД «О деятельности Федеральной миграционной службы России по реализации миграционной политики» от 2 декабря 1998 г. — URL: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_456/doc456a512x113.htm (дата обращения: 14.12.2014).

Постановление Губернатора Челябинской области от 12.04.99 № 146 «О плане мероприятий по предупреждению и сокращению неконтролируемой внешней миграции из стран Юго-Восточной Азии на территорию Челябинской области». — URL: http://zakon-region.ru/1/137606/ (дата обращения: 07.12.2014).

Постановление Губернатора Челябинской области от 20.08.1997 N 617 «О мерах по предупреждению и сокращению неконтролируемой внешней миграции на территорию Челябинской области». — URL: http://zakon-region2.ru/3/59282/ (дата обращения: 11.12.2014).

Постановление Законодательного собрания Челябинской области от 28.11.2002 № 740 «О принятии областной целевой миграционной Программы на 2003-2005 годы». — URL: http://zakon-region.ru/1/136186 (дата обращения: 15.12.2014).

Постановление Правительства Челябинской области от 23.04.2021 № 146-П «О государственной программе Челябинской области «Оказание содействия добровольному переселению в Челябинскую область соотечественников, проживающих за рубежом»» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: publication.pravo.gov.ru/Document/View/7400202104280008 (дата обращения: 22.01.2025).

Указ Президента РФ от 22 июня 2006 г. № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» (с изменениями и дополнениями) // Информационно-правовое обеспечение «Гарант». — URL: https://base.garant.ru/189653/ (дата обращения: 05.02.2025).

Указ Президента Российской Федерации № 867 от 17 мая 2000 г. «О структуре федеральных органов исполнительной власти». — URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=45209 (дата обращения: 12.12.2014).

Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» (с изменениями и дополнениями) // Информационно-правовое обеспечение «Гарант». — URL: https://ivo.garant.ru/ (дата обращения: 13.02.2025).

Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 года № 527-IV «О национальной безопасности Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями) // Сайт «Юрист». — URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31106860 (дата обращения: 13.02.2025).

Закон Республики Казахстан от 11 июля 1997 года № 151-I «О языках в Республике Казахстан» (с изменениями и дополнениями) // Сайт «Юрист». — URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1008034 (дата обращения: 14.02.2025).

Закон Республики Казахстан от 20 октября 2008 года № 70-IV «Об Ассамблее народа Казахстана» (с изменениями и дополнениями) // Сайт «Юрист». — URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30352401 (дата обращения: 14.02.2025).

Закон Республики Казахстан от 22 июля 2011 года № 477-IV «О миграции населения» (с изменениями и дополнениями) // Сайт «Юрист». — URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31038298 (дата обращения: 13.02.2025).

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ (СМИ)

Вечерний Челябинск. 1996. 14 октября. С. 1.

Вечерний Челябинск. 1998. 28 октября. С. 1.

Вечерний Челябинск. 2000. 19 февраля. С. 1.

Карталинская новь. 1996. 3 февраля. С. 3.

Карталинская новь. 1999. 9 января. С. 3.

Карталинская новь. 2000. 19 февраля. С. 1.

Кизильский вестник. 1995. 16 января. С. 3.

Кизильский вестник. 1996. 19 октября.

Кизильский вестник. 1998. 1 августа.

Копейский рабочий. 1998. 10 апреля. С. 3.

Копейский рабочий. 1998. 16 сентября. С. 3.

Корейская диаспора. Апрель 1999. С. 8.

Озан. 2003. № 1. С. 2.

Российские корейцы. 1999. № 4. С. 2.

Российские корейцы. 2000. № 6. С. 8.

Российские корейцы. 2001. Октябрь. С. 8.

Российские корейцы. 2005. № 4. С. 5.

Сельские новости. 1998. 16 апреля. С. 3.

Советское село. 1996. 15 декабря. С. 3.

Челябинский рабочий. 1993. 26 января.

Челябинский рабочий. 1994. 17 сентября. С. 1.
Челябинский рабочий. 1994. 28 сентября. С. 5.
Челябинский рабочий. 1995. 17 марта. С. 2.
Челябинский рабочий. 1996. 18 января. С. 1.
Челябинский рабочий. 1996. 21 марта.
Челябинский рабочий. 2002. 21 ноября. С. 1.
Южноуральская панорама. 2000. 2 декабря.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ И ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

BMW на крыше, пикники у реки и квартира за 19 миллионов: что скрывает посёлок у мелькомбината [Электронный ресурс]. — URL: https://74.ru/text/gorod/2019/04/01/66020788/ (дата обращения: 25.12.2020).

Больше полутора миллионов вынужденных переселенцев из стран СНГ и Балтии получили после распада СССР российское гражданство // Демоскоп Weekly. № 109–110. 14–27 апреля. 2003. — URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2003/0109/rossia01.php#5 (дата обращения: 15.02.2025).

В РФ работают от 1 до 2 миллионов граждан Украины // Демоскоп Weekly. № 197–198. 4–17 апреля 2005. — URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2005/0197/panorm01.php#18 (дата обращения: 15.02.2025).

Вайнгардт А. Челябинскую воскресную корейскую школу отметили в стране утренней свежести // Uralpress. 2001. 19 ноября. — URL: http://uralpress.ru/news/2001/11/19/chelyabinskuyu-voskresnuyu-koreiskuyu-shkolu-otmetili-v-straneutrennei-svezhesti (дата обращения: 10.12.2014).

Витковская Г.С. Десять лет вынужденных миграций в Россию // Население и общество. 1998. № 32. — URL: http://demoscope.ru/weekly/archives.php (дата обращения: 10.02.2025).

Всероссийская перепись населения 2002. — URL: http://www.perepis2002.ru/index.html?id=78 (дата обращения: 10.02.2025).

Всероссийская перепись населения 2020. — URL: https://fadn.gov.ru/otkritoe-agenstvo/vserossijskaya-perepis-naseleniya-2020/ (дата обращения: 10.02.2025).

Данные Главного управления по труду и занятости населения Челябинской области // Официальный сайт Главного управления по труду и занятости населения Челябинской области. — URL: https://szn.gov74.ru/szn/documents/programs/oblastnyeprogrammy.htm (дата обращения: 30.01.2025).

Документы, подписанные в ходе государственного визита в Казахстан // Сайт Президента России. — URL: www.kremlin.ru/supplement/6231 (дата обращения: 13.02.2025).

За 3 года в СНГ обезврежено более 1,5 тысячи транснациональных организованных преступных сообществ // Демоскоп Weekly. № 45–46. 3–16 декабря 2001. — URL: https://www.demoscope.ru/weekly/045/panorama01.php#24 (дата обращения: 15.02.2025).

Итоги всероссийской переписи населения 2020 года на территории Челябинской области // Официальный сайт Челябинскстата. — URL: https://74.rosstat.gov.ru/national_census_2020 (дата обращения: 18.02.2025).

Ключерова И. В Челябинске состоялся праздник корейской национальной культуры // Uralpress. 2000. 30 октября. — URL: http://uralpress.ru/news/2000/10/30/v-chelyabinske-sostoyalsya-prazdnik-koreiskoi-natsionalnoi-kultury (дата обращения: 12.12.2014).

Костанайская область в 2020 году: статистический ежегодник // Официальный сайт Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. — URL: https://stat.gov.kz/ru/region/kostanay/collections/?year=2020&period=year&name=95295 (дата обращения: 18.02.2025).

МВД: В России находятся около 4 млн. граждан стран Центральной Азии // Фергана. — URL: https://fergana.media/news/134986/ (дата обращения: 16.02.2025).

Мкртчян Н. Куда едут вынужденные мигранты? // Демоскоп Weekly. № 71–72. 17–30 июня 2002. — URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2002/071/tema04.php (дата обращения: 10.02.2025).

Мукомель В. Миграционные процессы в России в 1985–2015 гг. — URL: http://last30.ru/issue/migration/research/ (дата обращения: 10.02.2025).

Мукомель В. Сколько в России незаконных мигрантов? // Демоскоп Weekly. 2005. № 207–208. 20 июня – 14 августа 2005. — URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2005/0207/tema02.php (дата обращения: 15.02.2025).

На какую поддержку смогут рассчитывать соотечественники при переезде в Челябинскую область? // Сетевое издание «Губерния — Южный Урал» (16+). — URL: https://gubernia74.ru/articles/society/1105549/ (дата обращения: 03.02.2025).

Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств // Демоскоп. — URL: http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php (дата обращения: 10.02.2025).

Перечень действующих соглашений, заключенных органами власти Челябинской области с субъектами иностранных федеративных государств и административно-территориальными образованиями

иностранных государств // Официальный сайт Министерства международного и межрегионального сотрудничества Челябинской области. — URL: https://mincooperation.gov74.ru/mincooperation/activities/8.htm (дата обращения: 21.12.2025).

Российский статистический ежегодник 2003–2021 // Сайт Росстата. — URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994 (дата обращения: 16.02.2025).

Савельев И. «Границы будут закрыты для наркотиков» — заявил сегодня губернатор Челябинской области Петр Сумин // Uralpress. 2001. 26 июня. — URL: http://uralpress.ru/news/2001/06/26/granitsy-budut-zakryty-dlya-narkotikov-zayavil-segodnya-gubernator-chelyabinskoi-obl (дата обращения: 11.11.2014).

Челябинская область и Казахстан: нынешнее состояние и перспективы // Информационно-аналитическое агентство «Полит74.ru» от 09.01.2023. — URL: https://polit74.ru/politics/chelyabinskaya_oblast_i_kazakhstan_nyneshnee_sostoyanie_i_perspektivy/ (дата обращения: 21.12.2025).

Чудиновских О. Статистика миграции знает не все // Демоскоп Weekly. № 335–336. 2–15 июня. 2008. — URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2008/0335/tema03.php (дата обращения: 15.02.2025).

Шавкатов М. У незаконных мигрантов из Афганистана есть свой сценарий незаконных переходов государственной границы // Uralpress. 2001. 4 июля. — URL: http://uralpress.ru/news/2001/07/04/u-nezakonnykh-migrantov-iz-afganistana-est-svoi-stsenarii-nezakonnykh-perekhodov-gos (дата обращения: 12.12.2014).

Щербакова Е. М. Иностранная рабочая сила в России, 2022-2023 годы // Демоскоп Weekly. 2023. № 1005–1006. 31 октября — 13 ноября 2023. — URL: http://demoscope.ru/weekly/2023/01005/barom01.php (дата обращения: 15.02.2025).

Щербакова Е. М. Иностранная рабочая сила в России по итогам 2020 года // Демоскоп Weekly. 2021. № 901-902. — URL: http://demoscope.ru/weekly/2021/0901/barom01.php (дата обращения: 15.02.2025).

ЛИТЕРАТУРА

На русском языке

Абашин С. Н. Мигрантский автомобиль: инвестиция, статус, престиж // «Жить в двух мирах»: Переосмысляя транснационализм и транслокальность. — М.: Новое литературное обозрение, 2021. — С. 264–300.

Абашин С. Н. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // Этнографическое обозрение. — 2012. — № 4. — С. 3–13.

Абашин С. Н. Возвращение домой: семейные и миграционные сценарии в Узбекистане // Ab Imperio. — 2015. — № 3. — С. 125–165.

Абашин С. Н. Постсоветская трудовая миграция из стран Средней Азии в Россию // Жить в двух мирах: Переосмысляя транснационализм и транслокальность. — М.: Редакция журнала «Новое литературное обозрение», 2021. — С. 30–43.

Авдашкин А. А. Миграции в российско-казахстанском приграничье (на примере Южного Урала) // Журнал Фронтирных Исследований. — 2022. — Т. 7. — № 3 (27). — С. 118–139.

Амелин В. В. Мигранты в Оренбуржье: проблемы социальной адаптации. — Оренбург, 2002.

Амелин В. В. Таджики в Оренбуржье (Очерки современных этносоциальных процессов). — ООО ИПК «Университет», 2013.

Ан Р. Н., Казаева А. В., Обвинцева В. О. и др. На Урал за знаниями: социальный портрет современного корейца на Среднем Урале // Материалы XV Российско-корейской научно-технической конференции, Екатеринбург, Уральский федеральный университет, 04–05 июля 2014 г. — Екатеринбург: Издво Урал. унта, 2014. — С. 184–191.

Блинова А. Н., Смирнова Т. Б., Шлегель Е. А. Постсоветская идентичность немцев России, Казахстана и Украины: Этнонимы, язык, символы // Этнография. — 2021. — № 4. — С. 249–271.

Бугай Н. Ф. Корейцы в Союзе ССР — России: XX в. — М.: ИНСАН, 2004.

Бугай Н. Ф. Корейцы стран СНГ: общественно-«географический синтез» (начало XXI века). — Москва: Институт истории РАН, Общероссийское объединение корейцев, 2007.

Бугай Н. Ф. Российские корейцы и политика «солнечного тепла». — М.: Готика, 2002.

Бугай Н. Ф. Российские корейцы: новый поворот истории. 90-е г. — Москва: Русское слово, 2000.

Варшавер Е. А., Рочева А. Л. Сообщества в кафе как среда интеграции иноэтничных мигрантов в Москве // Мониторинг общественного мнения. — 2014. — № 3 (121). — С. 104–114.

Варшавер Е., Рочева А., Иванова Н., Ермакова М. Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: Есть ли паттерн? // Социологическое обозрение. — 2020. — Т. 19, № 2. — С. 225–253.

Внешняя молодежная миграция в странах Центральной Азии: Анализ рисков и минимизация негативных последствий. — Международная организация по миграции, 2019.

Возвратная миграция: международные подходы и региональные особенности Центральной Азии. — Алматы: Международная организация по миграции (МОМ) – Агентство ООН по миграции, 2020.

Волков В. В., Полещук В.В. Современное состояние межэтнической коммуникации в Латвии и Эстонии // Социологические исследования. — 2019. — № 2. — С. 59–67.

Воробьева И. Н. Территориальная идентичность населения: методика эмпирического измерения // Siberian Socium. — 2022. — Т. 7. — № 1 (23). — С. 29–44.

Воробьева О. Д., Рыбаковский Л. Л. Доминанта миграционной политики современной России // Социологические исследования. — 2017. — № 8. — С. 59–65.

Гиноян А. Б. Миграционные процессы и макроэкономические последствия ремиттансов в странах СНГ: специальность 08.00.14 «Мировая экономика»: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. — М., 2017.

Головнин М. Ю. Региональные эффекты мирового экономического кризиса на пространстве СНГ: канал денежных переводов мигрантов // Евразийская экономическая интеграция. — 2011. — № 2 (11). — С. 36–50.

Государство и национально-культурные объединения: социальное партнерство. — Челябинск, 2004.

Григоричев К. В., Тарасова Е. В. Миграционные связи между Алтайским краем и Казахстаном в 1992–2001 годах: Региональные особенности // Вестник Евразии. — 2004. — № 1. м С. 152–168.

Гужвенко Ю. Н. Миграция из Центральной Азии в Алтайский край: Направления и перспективы развития для региона // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2009. — № 4. — С. 221–225.

Денисенко М. Б., Козлов В. А., Фаттахова А. А. Современные тенденции денежных переводов мигрантов в России и в мире // Демографическое обозрение. — 2016. — Т. 2, № 3. — С. 5–29.

Дергачева Е. А., Лаппо О. А. Тенденции транснационализации: социологический аспект // Проблемы современного антропосоциального познания: сб. ст. / под общей ред. Н. В. Попковой. — Брянск: БГТУ, 2012. — Вып. 10. — С. 122.

Джанызакова С. Д. «Здесь и там» в мигрантских историях выходцев из Кыргызстана в России (случай Томска) // Сибирские исторические исследования. — 2019. — № 3. — С. 72–86.

Джарылгасинова Р. Ш., Ионова Ю. В. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии: Новый год. — М.: Наука, 1985.

Доклад об экономике Таджикистана. — Группа Всемирного банка в Таджикистане, 2024.

Дятлов В. И. «Этнические рынки» в современной России — ускользающий объект исследовательского внимания // Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи. — Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. — С. 16–41.

Дятлов В. И. Миграции, мигранты, «новые диаспоры»: фактор стабильности и конфликта в регионе // Demoscope Weekly. — 2007. — № 271–272. 1–21 января 2007. — URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0271/analit01.php (дата обращения: 10.02.2025).

Жундубаев М. К. Влияние Евразийского экономического сообщества (ЕвразЭС) и Таможенного союза (ТС) на российско-казахстанское приграничное сотрудничество // Социум и власть. — 2014. — № 4 (48). — С. 55–58.

Зотова М. В., Гриценко А. А., Себенцов А. Б. Повседневная жизнь в российском пограничье: Мотивы и факторы трансграничных практик // Мир России. — 2018. — Т. 27, № 4. — С. 56–77.

Зотова Н. А. Узбекские общины в России: новые «диаспоры» (на примере Санкт-Петербурга, Астрахани, Красноярска) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. — 2010. — № 222. — ИЭА РАН. — С. 13, 16.

Иванов В. Н., Жундубаев М. К. Межрегиональное и приграничное сотрудничество России и Казахстана: основные приоритеты // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2015. — № 7 (292). — С. 38–51.

Ивахнюк И. В. Евразийская миграционная система: Теория и политика // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2008. — № 2. — С. 21–28.

Капустина Е., Борисова Е. Обзор теоретической дискуссии о концепции транснационализма // Жить в двух мирах: переосмысляя транснационализм и транслокальность / Под ред. С. Н. Абашина, О. Е. Бредниковой. — М.: Новое литературное обозрение, 2021. — С. 14–29.

Карпенко М. С., Себенцов А. Б. Демографические и социокультурные вызовы приграничному сотрудничеству на российско-казахстанской границе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. — 2022. — № 3. — С. 454–474.

Ким Сын Хва. Очерки по истории советских корейцев. — Алма-Ата: Наука, 1965.

Комлева В. В. Международное сотрудничество регионов России: институциональные основы и характерные модели // Россия: общество, политика, история. — 2022. — № 1 (1). — С. 10–34.

Комплексная оценка влияния трудовой миграции на социально-экономическое развитие принимающей территории в вопросах формирования региональной миграционной политики : коллективная монография / Е. Б. Бедрина и [др.]. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2015.

Кумо К. Таджикские трудовые мигранты и их международные денежные переводы // Экономика региона. — 2012. — № 2 (30). — С. 285-301.

Лазаренко В. А. Приток мигрантов из стран ближнего зарубежья в регионы России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. — 2016. — № 4. — С. 55–63.

Лузин Л. Н. Планета Южный Урал: живая энциклопедия народов Челябинской области. — Челябинск, 2012.

Малахов В. С. Принимая транснационализм всерьез: О методологическом обновлении в миграционных процессах // Этнографическое обозрение. — 2022. — № 5. — С. 223–233.

Маратова А. М., Кабытов П. С. Демографические проблемы в России и Казахстане: некоторые проблемы историографии // Sciences of Europe. — 2016. — № 3–1 (3). — С. 80–86.

Миграция, денежные переводы и устойчивость к изменению климата в Таджикистане. Аналитическая работа. Часть I. — Алмата: Региональный экологический центр Центральной Азии (РЭЦЦА), 2017.

Митрофанова И. В., Сущий С.Я. Русские на Украине: геодемографические итоги постсоветского периода и среднесрочные перспективы // Социологические исследования. — 2017. — № 8. — С. 45–58.

Морозова Е. Р. Правовые основы отношений России и Казахстана в сфере поддержки соотечественников // Постсоветские исследования. — 2019. — №6. — С. 1439–1449.

Мукомель В. И. Диаспора — партнер по развитию Таджикистана. — Душанбе: Международная организация по миграции, 2014.

Мукомель В. И. Миграционная политика России: Постсоветские контексты. — М.: Диполь-Т, 2005.

Мукомель В. И., Косач Г. Г., Кузьмин А. С. Российско-казахстанские приграничные связи: Опыт трех российских областей // Вестник Евразии. — 2001. — № 2. — С. 73–121.

Ни М. Л. Этническая идентификация и транснациональные практики российских корейцев в Санкт-Петербурге // Мониторинг общественного мнения. — 2017. — № 1. — С. 209–224.

Олимова С. Трудовая миграция из Таджикистана. — Международная организация миграции, 2003.

Пак В. Ч. Нравственное воспитание и национальные традиции корейцев // Международный форму Дети — Молодежь — Общество. Проблемы воспитания патриота и гражданина в современных условиях (Челябинск, 18-19 мая 2000 г.). — Челябинск, 2000. — С. 43.

Панарин С. Русскоязычные у внешних границ России: Вызовы и ответы (на примере Казахстана) // Диаспоры. — 1999. — № 2–3. — С. 137–169.

Письменная Е., Рязанцев С., Боженко В. Диаспоры из стран Центральной Азии в Российской Федерации: миграционные каналы и вклад в социально-экономическое развитие посылающих сообществ // Центральная Азия и Кавказ. — 2016. — Т. 19, № 4. — С. 97–105.

Погосян Г. А., Осадчая Г. И. Армянская диаспора России: интеграция vs репатриация // Социологические исследования. — 2023. — № 1. — С. 52–61.

Полетаев Д. В. Поддержка Правительства Республики Казахстан в работе с диаспорой в Российской Федерации. — Астана: МОМ Астана, 2022.

Попов А. Н., Суворова Н. Н., Спицын А. Н. Управление миграционной безопасностью (Региональный аспект). — Челябинск, 2002.

Ревинова С. Ю. Некоторые аспекты денежных переводов мигрантов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. — 2013. — № 3. — С. 38–47.

Реутов Е. В., Реутова М. Н., Шавырина И. В. Жизненный успех и шансы на его достижение в представлениях жителей российской провинции // Социологические исследования. — 2020. — № 6. — С. 61–71.

Российское пограничье: Вызовы соседства. — М.: ИП Матушкина И. И, 2018.

Рыбаковский Л. Л., Савинков В. И., Кожевникова Н. И. Демографическое развитие азиатской России в XX-XXI веках: оценка результатов // Социологические исследования. — 2018. — № 11. — С. 64–74.

Рязанцев С. В. Эмиграция из России: к вопросу о понятийном аппарате // Социологические исследования. — 2018. — № 8. — С. 48–53.

Сагиндиков Р. Е. Двустороннее сотрудничество Российской Федерации и Республики Казахстан в экономической сфере // Вестник РУДН. История России. — 2015. — № 1. — С. 102–111.

Садовская Е. Денежные переводы трудовых мигрантов и их роль в мигрантских домохозяйствах стран Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. — 2006. — № 3 (45). — С. 130–144.

Симонян Р. Х. Специфика идентичности студентов приграничья России и Украины (на примере Белгородского и Харьковского госуниверситетов) // Социологические исследования. — 2023. — № 5. — С. 108–116.

Смирнова Т. Б. Этнические миграции в Сибири по данным статистики и неформальным наблюдениям // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». — 2015. — № 1. — С. 71–75.

Смирнова Т. Б., Блинова А. Н. Этническая самоорганизация в условиях фронтира (на примере немцев, казахов и русских) // Журнал фронтирных исследований. — 2023. — № 3. — С. 195–220.

Смирнова Т. Б., Блинова А. Н. Этнодемографические процессы в приграничных регионах Азиатской России в новых условиях поворота на Восток // Журнал фронтирных исследований. — 2024. — № 3. — С. 281–303.

Соколов А. А., Руднева О. С. Региональные особенности демографических процессов в российско-казахстанском трансграничье // Народонаселение. — 2023. — № 3. — С. 30–42.

Соколов А. А., Руднева О. С. Социально-экономическое районирование российско-казахстанского трансграничного региона // Регион: Экономика и Социология. — 2023. — № 3 (119). — С. 162.

Стакан наполовину полон. Диагностика взаимосвязи уровня благосостояния с условиями водоснабжения, санитарии и гигиены в Республике Таджикистан. — Группа Всемирного Банка.

Сущий С. Я. Русские в странах Средней Азии: геодемографические тренды постсоветского периода // Социологические исследования. — 2022. — № 8. — С. 27–46.

Сущий С. Я. Русские Казахстана — геодемографическая динамика постсоветского периода и перспективы первой половины XXI века // Социологические исследования. — 2018. — № 8. — С. 22–37.

Сущий С. Я. Русские ближнего зарубежья в фокусе российской социологии: эволюция исследовательских подходов и ракурсов (1990–2020-е гг.) // Социологические исследования. — 2024. — № 7. — С. 112–127.

Сченснович В. Н. Демографические и миграционные проблемы в России // Россия и мусульманский мир : научно-информационный журнал. — 2023. — №. 3 (329). — С. 9–23.

Сченснович В.Н. Проблемы миграции населения: опыт России и стран Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. — 2022. — №3 (325). — С. 20–31.

Тен В. Это страшное слово — беженцы // Российские корейцы. — 1999. — № 2. — С. 13.

Тенденции в области миграции в странах Восточной Европы и Центральной Азии. Обзор за 2001–2002 годы. — Международная организация по миграции (МОМ), 2002.

Троянская М. А. Миграция на приграничных территориях России и Казахстана: практические аспекты // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2021. — Т. 17, № 1 (394). — С. 4–25.

Трудовая миграция и трудоемкие отрасли в Кыргызстане и Таджикистане: возможности для человеческого развития в Центральной Азии. — СПб.: Евразийский банк Развития.

Трудовая миграция в странах Центральной Азии, Российской Федерации, Афганистане, Пакистане: Аналитический Обзор. — Международная организация по миграции (IOM), 2005.

Урбански С. За степным фронтиром: История российско-китайской границы. — М.: Новое литературное обозрение, 2023.

Фролова Е. В., Рогач О. В. Новые контуры развития кооперации в России // Социологические исследования. — 2025. — № 4. — С. 42.

Хан В. С., Сим Х. Е. Корейцы Центральной Азии: Прошлое и настоящее. — М.: Издательство МБА, 2014.

Хмелева Г. А., Неделька Э. Современные глобальные вызовы и риски для трансграничного сотрудничества регионов // Экономические отношения. — 2022. — Т. 12. — № 3. — С. 309–322.

Хрупкая сила миграции: потребности и права женщин и девочек Республики Таджикистан и Кыргызской Республики, затронутых трудовой миграцией. — МОМ, 2018.

Шадже А. Ю. Возвращение (презентация монографии Жаде Джемре «Адыго-абхазская диаспора и репатриация. Из Турции в Абхазию и Адыгею») // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». — 2023. — Вып. 2 (319). — С. 109–113.

Энциклопедия корейцев России: 140 лет в России / под ред. Цой Брони. — М.: Рос. акад. естеств. наук, 2003.

На иностранных языках

Ahn E. S. Tracing the Language Roots and Migration Routes of Koreans from the Far East to Central Asia // Journal of Language Identity & Education. — 2019. — Volume 18. — Issue 4. — P. 222–235.

Djarylgasinova R. Sh. Basic Tendencies of Ethnic Processes Among the Koreans of Central Asia and Kazakhstan [Part I] // Soviet Anthropology and Archeology. — 1981a. — Volume 20. — Issue 2. — P. 56–71.

Djarylgasinova R. Sh. Basic Tendencies of Ethnic Processes Among the Koreans of Central Asia and Kazakhstan Part II // Soviet Anthropology and Archeology. — 1981b. — Volume 20. — Issue 3. — P. 3–30.

Djarylgasinova R. Sh. On the Question of Cultural Convergence of the Koreans of the Uzbek SSR with Neighboring Peoples // Soviet Anthropology and Archeology. — 1968. — Volume 7. — Issue 1. — P. 26–35.

Eckstein S. Immigration, remittances, and transnational social capital formation: a Cuban case study // Ethnic and Racial Studies. — 2010. — Vol. 33 (9). — P. 1648–1667.

Faist T., Fauser M., Reisenauer E. Transnational migration. — Cambridge: Polity Press, 2013.

Fuchs M. The Soviet Far East as a strategic outpost and the regional authorities' nationality policy: the Korean question, 1920–1929 // Sibirica. — 2004. — Volume 4. — No. 2. — P. 201–227.

Gelb M. An Early Soviet Ethnic Deportation: The Far-Eastern Koreans // The Russian Review. — 1995. — Volume 54. — No. 3. — P. 389–412.

Golunov S. V., McDermott R. N. Border Security in Kazakhstan: Threats, Policies and Future Challenges // The Journal of Slavic Military Studies. — 2005. — Vol. 18 (1). — P. 31–58.

Hara T. The Korean movement in the Russian Maritime Province, 1905–1922 // Koreans in the Soviet Union. — Honolulu, HI: Center for Korean Studies, 1987. — P. 1–23.

Huttenbach H. R. The Soviet Koreans: Products of Russo-Japanese imperial rivalry // Central Asian Survey. — 1993. — Volume 12. — Issue 1. — P. 59–69.

Ilkhamov A. Labour Migration and the Ritual Economy of the Uzbek Extended Family // Zeitschrift für Ethnologie. — 2013. — No. 138. — P. 259–284.

Isabaeva E. Leaving to enable others to remain: remittances and new moral economies of migration in southern Kyrgyzstan // Central Asian Survey. — 2011. — Vol. 30 (3–4). — P. 541–554.

Karakan H. İ., Çolak O., Mete M. Reverse Diaspora Tourism as a New Concept in Tourism: A Study on Turkish-Kazakh Diasporas // Sage Open. — 2025. — № 15(1).

Kikuta H. Remittances, rituals and reconsidering women's norms in mahallas: emigrant labour and its social effects in Ferghana Valley // Central Asian Survey. — 2015. — Vol. 35 (1). — P. 91–104.

Kim G. N. Ethnic entrepreneurship of Koreans in the USSR and post-Soviet Central Asia. — V. R. F. Series, 445 (February). — Chiba, Japan: Institute of Developing Economies, 2009.

Kim G. N. Koryo saram, or Koreans of the former Soviet Union: In the past and present // Amerasia Journal. — 2003. — Volume 29. — Issue 2. — P. 1–7.

King R., Black R., Collyer M., Fielding A., Skeldon R. The Atlas of Human Migration: Global Patterns of People on the Move. — London: Earthscan, 2010.

Kokaisl P. Koreans in Central Asia – a different Korean nation // Asian Ethnicity. — 2018. — Vol. 19 (4). — P. 428–452.

Kosygina L. Re-nationalisation, inter-nationalisation, and supra-nationalisation in the re/production of transnational social space(s): The case of Kazakhstanis residing in Novosibirsk // Journal of Ethnic and Migration Studies. — 2017. — Vol. 43 (6). — P. 1026–1043.

Levitt P. Social Remittances: Migration Driven Local-Level Forms of Cultural Diffusion // The International Migration Review. — 1998. — Vol. 32 (4). — P. 926–948.

Levitt P., Lamba-Nieves D. Social Remittances Revisited // Journal of Ethnic and Migration Studies. — 2010. — Vol. 37 (1). — P. 1–22.

Mockaitis A. I. "5.5: Diaspora". In Elgar Encyclopedia of Cross-Cultural Management. — Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2025.

Mockaitis A. I. The Kaleidoscope of Global Migration: International Business Perspectives in a Turbulent World. In: Mockaitis, A. I. (eds) The Palgrave Handbook of Global Migration in International Business. — Palgrave Macmillan, Cham, 2023.

Mockaitis A. I., Zander L. Dissecting Generations of Migrant Identities within a Diaspora. In: Mockaitis, A.I. (eds) The Palgrave Handbook of Global Migration in International Business. — Palgrave Macmillan, Cham, 2023.

Nawaz F., Kayani U., Aysan A.F. Nexus between foreign remittances and poverty alleviation: Empirical investigation of Tajikistan from Central Asia // Cogent Social Sciences. — 2024. — Vol. 10 (1).

Panchal P., Mago B. Social Media as a Tool for Cultural Preservation among Diaspora Communities // International Journal for Global Academic & Scientific Research. — 2024. — № 3 (3). — P. 14–20.

Park H. A House of Our Own: Diaspora Politics Among Koreans in the Russian Far East // The Asia Pacific Journal of Anthropology. — 2015. — Volume 16. — Issue 5. — P. 431–447.

Rahmonova-Schwarz D. Family and Transnational Mobility in Post-Soviet Central Asia: Labor Migration from Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan to Russia. — BadenBaden, 2012.

Reeves M. Black Work, Green Money: Remittances, Ritual and Domestic Economies in Southern Kyrgyzstan // Slavic Review. — 2012. — Vol. 71. — No. 1. — P. 108–134.

Rubinov I. Migrant Assemblages: Building Postsocialist Households with Kyrgyz Remittances // Anthropological Quarterly. — 2014. — Vol. 87. — No. 1. — P. 183–215.

Ruget V., Usmanalieva B. Can Smartphones Empower Labour Migrants? The Case of Kyrgyzstani Migrants in Russia // Central Asian Survey. — 2019. — Vol. 38, № 2. — P. 165–180.

Sağlam E. Diaspora Politikalarına Yönelik Ça daş Kuramsal Yaklaşımlar ve Türk Diaspora Politikası // OPUS International Journal of Society Researches. — 2020. — № 16 (27). — P. 744–774.

Simoni V., Voirol J. Remittances and morality: family obligations, development, and the ethical demands of migration // Journal of Ethnic and Migration Studies. — 2020. — Vol. 47 (11). — P. 2516–2536.

Vardanyan H., Hakobyan M. States and Their Diasporas: The Case of Armenia Diaspora Relations during the Soviet Period // Diaspora Studies (published online ahead of print 2025). — 2025.

Wada H. Koreans in the Soviet Far East, 1917–1937 // Koreans in the Soviet Union. — Honolulu, HI: Center for Korean Studies, 1987. — P. 24–59.

Wang D., Hagedorn A., Chi G. Remittances and household spending strategies: evidence from the Life in Kyrgyzstan Study, 2011–2013 // Journal of Ethnic and Migration Studies. — 2019. — Vol. 47 (13). — P. 3015–3036.

Yormirzoev M. M. Migration, remittances and economic growth: an empirical study in the case of former Soviet republics // Perm University Herald. Economy. — 2016. — No. 4 (31). — P. 86–94.

Zhao Y. Breadwinning, migration, and nation-building: a critical scoping review of men, masculinities, and social change in post-Soviet Uzbekistan // NORMA. — 2022. — Vol. 17 (2). — P. 124–142.

Сетевое научное издание

А. А. Авдашкин, Е. И. Салганова

МИГРАЦИЯ И РОССИЙСКОЕ ПРИГРАНИЧЬЕ В АЗИИ: ПРАКТИКИ МОБИЛЬНОСТИ И ТРАНСНАЦИОНАЛИЗМ

Монография

Дизайн обложки: Пушкарский Е. М.
Вёрстка: Ястребова С. В.

Подписано к использованию: 28.09.2026.
Выход в свет: 30.09.2026.
Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Гарнитура «Formular».
Уч.-изд. л. 12,0. Заказ 477.

Челябинский государственный университет
454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

Подготовлено в издательстве Челябинского
государственного университета
454021, Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 57б